

ФАНТ-ХАБАР

2024

9

ФАНТ-ХАБАР

2024

9

3 Календарь. 2024. Октябрь
11 Такие дела. Сентябрь 2024
16 Голоса из Сетей
128 Источники

Первая страница:
Джордж Оруэлл. 1984. Художник La Voca, 2024.

Редактор: БВИ
bvi@rusf.ru
<https://t.me/bratrasmus>
<https://bvi.livejournal.com>
<http://bvi.rusf.ru/fx/fx009.pdf>

Арканар: Метагом, 2024

Календарь фантастики: Октябрь

1 октября: Фантаст, редактор и издатель

110 лет назад родился Дональд Аллен УОЛЛХЕЙМ (Дейвид ГРИННЕЛЛ; Миллард Верн ГОРДОН) [Donald Allen WOLLHEIM (David GRINNELL; Millard Verne GORDON)] (1914-1990), американский писатель, редактор и издатель, автор романов «Поперек времени», «Марсианский снаряд», серии из 8 романов об астронавте Майке Марсе; редактировал журналы «Stirring Science Stories», «Cosmic Stories»; основал издательство «DAW Books».

Активный фэн в довоенные годы, Дональд Уоллхейм известен не столько собственной фантастикой, сколько редакторской и издательской деятельностью. Среди тех, кто был замечен Уоллхеймом и был опубликован, такие авторы, как Филип К. Дик, Сэмюэл Дилени, Джон Браннер, Харлан Эллисон, Урсула Ле Гуин, Роберт Силверберг, Роджер Желязны. Одним из первых Уоллхейм издавал и Стругацких в США («Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Понедельник начинается в субботу»), и в 1987 году Аркадий и Борис даже познакомились с ним лично на Ворлдконе в Брайтоне.

4 октября: Партийный футуролог

100 лет назад родился Георгий Хосроевич ШАХНАЗАРОВ (Георгий ШАХ) (1924-2001), русский писатель, политолог, футуролог, партийный работник и общественный деятель, автор сборников «И деревья, как всадники...», «Всевидящее Око», монографий «Фиаско футурологии», «Грядущий миропорядок».

Фантастика для партийного работника была не большой отдушиной, которая позволяла говорить

о том, что политиков не очень интересовало. В рассказе «И деревья, как всадники...» говорится о далёком будущем, в котором некий деятель, желая возродить забытые шедевры, сознательно идёт на плагиат, чтобы вернуть некоторые произведения читателям. Цитата из поэмы Сергея Есенина «Чёрный человек» дала название рассказу. Забавно, но однажды в 1980-е годы на каком-то всероссийском мероприятии книголюбов я попытался рассказать об этом человеку, который считал себя большим знатоком Есенина, и прочитал ему: «И деревья, как всадники, съехались в нашем саду». Невероятно, но этот знаток не распознал цитаты Есенина!

5 октября: Великий постмодернист

75 лет назад родился **Питер АКРОЙД [Peter ACKROYD]** (р. 1949), английский поэт и писатель, автор романов «Хоксмур», «Первый свет», «Дом док-

тора Ди», «Завещание Оскара Уайльда», «Мильтон в Америке», «Повесть о Платоне», «Лондонские сочинители», «Журнал Виктора Франкенштейна».

Сам писатель ни разу не назвал себя постмодернистом, но его интерес к теме авторства, первичности и вторичности текста, заимствованию, присвоению, стилизации, выбор персонажей, среди которых немало писателей, аллюзии и цитаты, всё это очень характерно как раз для постмодернизма. Неслучайно он написал множество биографий писателей – Диккенса, Блейка, Шекспира, Коллинза, Томаса Мора, Эдгара По, а параллельно и художественные произведения об авторах, и пересказы известных фантастических книг.

8 октября: Женщина, ставшая спасительницей мира

75 лет назад родилась **Сьюзен /Сигурни/ Александра УИВЕР [Susan /Sigourney/ Alexandra WEAVER]** (р. 1949), американская актриса, исполни-

тельница ролей в тетралогии «Чужие» (Эллен Рипли), трилогии «Аватар» (Грейс Огустин, Кири Огустин), дилогии «Охотники за привидениями» (Дана Барретт), в фильмах «Белоснежка: Страшная сказка» (Клаудиа Хоффман), «В поисках Галактики» (Гвен ДеМарко), «Таинственный лес» (Элис Хант), «Новые приключения Золушки» (Фрида), «Перемотка» (Мисс Лоусон), «Хижина в лесу» (Режиссёр), «Красные огни» (Маргарет Мэтисон), «Вампирши» (Цессерия), «Робот по имени Чаппи» (Мишель Брэдли).

Получившая известность после выхода фильма «Чужой», Сигурни Уивер не стала исполнительницей одной роли благодаря тому, в частности, что сиквел «Чужого» вышел через 7 лет, и за это время актриса успела сняться в четырёх других фильмах. В «Чужого» Уивер привёл ряд случайностей. Во-первых, в процессе подготовки создатели фильма отказались от первоначального замысла сделать главным героем мужчину (и не прогадали, заменив его решительной женщиной). Во-вторых, поначалу на роль Рипли намечались и пробовались другие актрисы, более известные, так что и тут Сигурни повезло. А время показало, что ей под силу самые разные и интересные персонажи. В «Аватаре», например, она сыграла и маму, и дочку Огустин.

9 октября: Мыслитель мирового уровня

150 лет назад родился **Николай Константинович РЕРИХ** (1874-1947), русский художник и писатель, автор фантастической повести «Пламя», многочисленных сказок.

Жизнь автора около 7000 картин, около 30 томов литературных трудов, автора идеи и инициатора пакта Рериха, основателя международных культурных движений «Мир через культуру» и «Знамя Мира», конечно, невозможно уложить в десяток строк короткой справки. Несмотря на то, что исто-

рия его жизни широко известна, многое в ней до сих пор остаётся загадочным и вызывает споры. Например, что было целью поездки Рериха в Центрально-азиатскую экспедицию? Гуляют противоречивые и спорные версии: а) исключительно художественные и этнографические цели; б) выполнение агентурных заданий ОГПУ; в) большая политика, строительство «Новой Страны»; г) поиск Шамбалы. Ясно лишь, что фигура Николая Рериха значительна и масштабна.

13 октября: От дьяка до космонавта

90 лет назад родился **Савелий Викторович КРАМАРОВ [Savely KRAMAROV]** (1934-1995), советский и американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Сказка о потерянном времени» (Вася-дедушка),

«Город мастеров» (Клик-Кляк), «Тридцать три» (Родион Хомутов, поэт-графоман), «Баллада о Чердачнике» (Бертран Кепка), «Формула радуги» (Вася, пьющий отдыхающий), «Тайна железной двери» (Гитарист Зайцев), «Золотые рога» (Сундук, злой разбойник), «Эта весёлая планета» (Изобретатель Прохор), «Иван Васильевич меняет профессию» (Феофан, дьяк Посольского Приказа), «Мама» (Волчонок), «Новые приключения капитана Врунгеля» (Свиристый Гарри, агент-гангстер), «Космическая одиссея 2010» (Доктор Владимир Руденко, советский космонавт).

Будучи в расцвете сил и настоящей звездой, Крамаров в конце 1970-х годов стал сниматься всё реже, ему практически перестали предлагать роли. Причиной стала его религиозность (он посещал синагогу и отказывался работать в субботу) и эмиграция дяди в Израиль. А самого его из Советского Союза не выпускали, до тех пор, пока они с Александром Левенбуком не написали письмо президенту США Рональду Рейгану, в котором пожаловались на свою судьбу. О жизни Крамарова в Америке до сих пор у нас в России обычно говорят, что она не за-

далась. Тем не менее он снялся в ряде известных фильмов, вступил в Гильдию киноактёров США, на гонорары приобрёл дом в Санта-Монике, на берегу Тихого океана.

14 октября: Красавчик Педро Зурита

90 лет назад родился **Михаил Михайлович КОЗАКОВ** (1934-2011), русский актер, исполнитель ролей в спектаклях «Гамлет» (в разных театрах: Гамлет, Полоний, Тень отца Гамлета), «Голый король» (Камергер), «Сирано де Бержерак» (Сирано), «Всегда в продаже» (Женя Кисточкин), «Дон Жуан» (Дон Жуан), «Король Лир» (Лир), в к/ф «Суд сумасшедших» (Мишель), «Человек-амфибия» (Педро Зурита), «Два дня чудес» (Профессор-экзаменатор Института Добрых Волшебств), «Иван да Марья» (Кассир), «Уникум» (Иосиф Тимурович Петров, гипнотизёр), «Сцены из трагедии «Фауст»» (Фауст), «Господин оформитель» (Грильо), «Тень, или Может быть, всё обойдётся» (Цезарь Борджиа), «Роковые яйца» (Воланд), «Сказка. Есть» (Станислав Далиевич

Сальвадор, директор школы), в трилогии «Любовь-морковь» (Доктор Коган).

Художественный руководитель театра «Ленком» Марк Захаров так сказал о Михаиле Козакове: «Это был очень красивый и очень своеобразный человек, который прожил красивую, очень непростую, иногда путаную, иногда странную, необъяснимую жизнь. Потому что метания между Израилем и Россией, конечно, они не прибавляли ни здоровья, ни сил творческих, ни вдохновений. Но, тем не менее, такая трагическая, но вместе с тем счастливая судьба была уготована этому красивому, прекрасному, очень одарённому человеку».

15 октября: Такой разный инопланетянин

100 лет назад родился Леонард РОЗЕНСОН (Марк ЛЕНАРД) [Leonard ROSENSON] Mark

LENARD] (1924-1996), американский актёр, исполнитель ряда ролей в сериале «Star Trek», в частности, роли отца Спока, роли ромуланского командира и клингонского капитана (единственный актёр, который играл в «Звёздном Пути» роли представителей трёх разных инопланетных рас), снимался также в сериалах «Дикий дикий Запад», «Миссия невыполнима», «Планета обезьян», «Невероятный Халк», «Бак Роджерс в 25 веке», «Мир иной».

В сериале «Планета обезьян» Марк Ленард исполнил роль Генерала Урко – злобной гориллообразной обезьяны, дополнив таким образом серию сыгранных инопланетян. А в 1993 году Ленард и его коллега по «Звёздному Пути» Уолтер Кёниг сыграли в постановке театра в Лос-Анджелесе «Мальчики осенью», в которой герой Ленарда Гекльберри Финн встречается со своим другом Томасом Сойером спустя 50 лет после событий, описанных Марком Твенном.

17 октября: Представитель «неофициального искусства

100 лет назад родился Юло Ильмар Йоханнесович СООСТЕР (Ю.СМОРОДИН) [Ülo Ilmar SOOSTER] (1924-1970), советский эстонский художник, оформитель ряда книг серии «Зарубежная фантастика» (А.Азимова, Р.Брэдбери, Г.Гаррисона, Г.Каттнера, М.Крайтона, К.Саймака, К.Фиалковского,

М.Фрейна), автор иллюстраций в журнале «Знание – сила».

В 1944 году был мобилизован в немецкую армию санитаром, но дезертировал и вернулся в родной хутор. А вот в 1949 году был арестован в Таллине как враг народа за принадлежность к антисоветской группе, намеревавшейся захватить самолёт для побега во Францию. В 1962 году после участия в выставке в Манеже, разгромленной Хрущёвым, лишается работы и берёт псевдоним Смородин. Такова краткая биография одного из самых оригинальных художников 1960-х годов.

18 октября: Автор кое-каких стихов

90 лет назад родился Игорь Всеволодович МОЖЕЙКО (Кир БУЛЫЧЁВ; Александр ГЕ; Г.К.ЗАВАРУХИН; Ю.ЛЕСОРУБНИК; Николай ЛОЖКИН; МАУН СЕЙН ДЖИ; Лев Христофорович МИНЦ; Ю.МИТИН; Ю.МИХАЙЛОВСКИЙ; Сен Томас ПУРКИНЭ; Б.ТИШИНСКИЙ; Корнелий УДА-

ЛОВ; Сара ФАН; Иван ШЛАГБАУМ) (1934-2003), русский историк и писатель, автор сериалов оключениях Алисы Селезневой, Великом Гусляре, Галактической Полиции, Реке Хронос, Павлыше и др. произведений, лауреат Аэлиты 1997 года.

Среди обильного наследия Кира Булычёва есть множество забавных стихотворений, изданных малым тиражом библиографом писателя Михаилом Манаковым. Они легко запоминаются, например:

Я пришёл к тебе с пакетом
Рассказать, что Солнце село.
Что Луна и все планеты
Взяты по тому же делу.

21 октября: Звёздный Король

120 лет назад родился Эдмонд Мур ГАМИЛЬТОН (Александр БЛЕЙД; Бретт СТЕРЛИНГ) [Edmond Moore HAMILTON (Alexander BLADE; Brett STERLING)] (1904-1977), американский фантаст, автор романов «Звёздные короли», «Возвращение на звёзды», «Сокровища громовой Луны» и мн. др.

В 1946 году Гамильтон женился на писательнице Ли Брэккетт, с которой познакомился чуть раньше в Лос-Анджелесе. Жена сама писала фантастику,

свидетелями на свадьбе были также супруги-фантасты Кэтрин Мур и Генри Каттнер, а близким другом новой семьи стал молодой местный фэн и автор Рэй Брэдбери. Автор сорока романов и стольких же повестей по праву считается одним из основателей космической оперы в мировой фантастике, наравне с Эдвардом «Доком» Смитом и Джеком Уильямсоном.

21 октября: **Волшебница Земноморья**

95 лет назад родилась **Урсула Крёбер ЛЕ ГУИН [Ursula Kroeber LE GUIN]** (1929-2018), автор тетралогии «Волшебник Земноморья», серии романов Хайнсовского цикла («Мир Роканнона», «Планета изгнания», «Город иллюзий», «Левая рука Тьмы» и др.).

Станислав Лем не очень-то жаловал фэнтези, но к «Волшебнику Земноморья» написал послесловие, в котором утверждал: «Это роман о том, как юноша в вымышленной стране обучается у выдуманных мудрецов, владеющих фантастическим искусством магии. Одновременно это реалистический роман – о формировании личности, о преодолении трудностей, о том, как запальчивая легкомысленность становится зрелостью. Наконец, это изящная

притча о том, как можно дорасти до преодоления собственной смерти, не впадая ни в жалкий страх, ни в глупую спесь. Повествование ведётся чисто и спокойно, в камерном приглушении. Напомню о спасительном превращении молодого Геда в птицу, которое действительно высвобождает его из затруднительного положения, но само становится для него новой угрозой. Ведь это просто образцовая ситуация человеческого познания, ведь и наука, одаривая нас новыми свободами, одновременно подвергает нас новым опасностям».

25 октября: **Яркий представитель метареализма**

70 лет назад родился **Юрий Николаевич АРБОВ** (1954-2023), русский поэт, публицист, культуролог, эссеист, писатель и сценарист, автор сценариев к/ф «Господин оформитель», «Дни затмения» (с А.Стругацким, Б.Стругацким, П.Кадочниковым),

«Посвящённый», «Сфинкс», «Камень», тетралогии «Молох» – «Телец» – «Солнце» – «Фауст», «Чудо», «Орлеан», «Монах и бес», «Мысленный волк», «Нос, или Заговор “не таких”», романов «Биг-бит», «Чудо», «Столкновение с бабочкой».

Постоянный соавтор Александра Сокурова, сценарист двенадцати его лент. Борис Стругацкий вспоминал о работе над фильмом «Дни затмения»: «Андрей Тарковский был с нами жёсток, бескомпромиссен и дьявольски неуступчив. Александр Сокуров, снявший замечательный фильм «День затмения», был, напротив, мягок, уступчив, готов к компромиссам, его совсем нетрудно было убедить и переубедить. Просто он ТОЧНО знал, что там будет в конце концов и на самом деле – в его кино, в объективе камеры, на плёнке, на экране. И когда настал момент, он предложил свой, выношенный и любимый вариант (сделанный для него Юрием Арабовым) и именно по этому сценарию и отснял фильм, – фильм значительный, мощный, превосходящий в своём роде, – но очень далёкий и от исходной повести («За миллиард лет до конца света»), и от последнего варианта авторского сценария».

27 октября: **Гангстер и сталкер**

80 лет назад родился **Николай Петрович КАРАЧЕНЦОВ** (1944-2018), русский актёр, сын художника П.Я.Караченцова, исполнитель ролей в к/ф «Приключения Электроника» (Урри, гангстер из банды Стампа), «Короли и капуста» (Дикки Мелони), «Дом, который построил Свифт» (Лилипут Флим), «Две стрелы. Детектив каменного века» (Человек Боя), «Светлая личность» (Егор Карлович Филюрин), «Подземелье ведьм» (Жан Лемот), «Д.Д.Д. Досье детектива Дубровского» (Роман Романович Дубровский), «32 декабря» (Дворник Петрович), в спектаклях «Золотой ключик» (Кот Базилио), «Тиль» (Тиль

Уленшпигель), «Гамлет» (Лаэрт), в аудиопостановках «Кот в сапогах» (Младший брат), «Пер Гюнт» (Пер Гюнт), «Дневники Адама и Евы» (Адам), «Пикник на обочине» (Рэдрик Шухарт), исполнитель аудиокниг «Всё лето в один день» и «Запах сарсапарели» (Рэй Брэдбери), «Пикник на обочине» (Аркадий и Борис Стругацкие).

При поступлении в Школу-студию МХАТ Караченцов чуть не вылетел из абитуриентов. А на следующий год будущий актёр стал отличником и начал получать стипендию. На втором и третьем курсах Николай Караченцов играл в постановках по пьесам Михаила Булгакова «Иван Васильевич» и «Последние дни». Жена писателя, Елена Булгакова, лично приходила к ним на курс. До конца своего обучения Караченцов получал пятёрки и считался одним из лучших студентов. В 23 года он окончил институт и стал работать в Московском театре им. Ленинского комсомола, где и проработал 40 лет. Свою верность месту работы актёр объяснял уважением к Марку Захарову: «Наверное, я мог бы устроиться в любой театр Москвы. Но какой смысл уходить от лучшего режиссёра?»

Такие дела Сентябрь, 2024:

1 сентября: **Алексей Сергеевич Кудинович** (р. 2 марта 1961), актёр театра и кино, исполнитель ролей в спектаклях «Средство Макропулоса», «Конёк-Горбунок», «Король Лир», «Каменный цветок», «Сирано де Бержерак», «Снежная королева», в к/ф «Роковые яйца». 73 года. (*Википедия*)

2 сентября: **Владимир Львович Турианский** (р. 21 августа 1935), поэт, композитор, бард, радиоэлектромеханик, геолог, автор песни «Кабестан» на стихи Бориса Стругацкого из романа «Страна багровых туч». 89 лет. (*Википедия*)

5 сентября: **Лоран Тирап [Laurent Tirard]** (р. 18 февраля 1967), французский кинорежиссёр и сценарист, поставил к/ф «Астерикс и Обеликс в Британии». 57 лет. (*Википедия*)

6 сентября: **Валерий Михайлович Воскобойников** (р. 1 апреля 1939), писатель и драматург, литературный наставник и соавтор М.Семеновой, автор пьесы «Планета 111-200», романов «Война Владигора», «Повесть о неустрашимом Зигфриде и могущественных нибелунгах», «Блистательный Гильгамеш». 85 лет. (*Екатерина Каретникова*)

7 сентября: **Виктор Ильич Коган** (р. 4 апреля 1949), переводчик англо-американской литературы, переводил произведения К.Бакли, У.Берроуза, Т.Вулфа, Р.Даля, Д.Делилло, Е.Косински, Т.Пинчона. 75 лет. (*Википедия*)

7 сентября: **Павел Юхимович Рахшмир** (р. 18 июля 1935), историк, специалист по политической и культурной истории стран За-

пада в Новое и Новейшее время, редактор книг «В мире культуры», «Консерватизм и цивилизационные вызовы современности», друг и соратник Е.Тамарченко. 89 лет. (*Николай Подосокорский*)

8 сентября: **Валерий Михайлович Бассэль** (р. 12 июля 1939), актёр и театральный режиссёр, исполнитель роли в к/ф «Волшебный голос Джельсомино». (*Николай Подосокорский*)

8 сентября: **Леонид Григорьевич Окунев** (р. 25 января 1949), актёр театра и кино, исполнитель ролей в к/ф «Патриотическая комедия», «Пелагия и белый бульдог». 75 лет. (*Википедия*)

8 сентября: **Питер Ренадей [Peter Renaday]** (р. 9 июня 1935), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Компьютер в кроссовках», «Самый сильный человек в мире», «Кот из космоса», «Дьявол и Макс Девлин», «Ангел», озвучивал фильмы и сериалы «Приключения Пинокио», «Чёрный котёл», «Принц Египта», «Скуби-Ду и призрак ведьмы», «Дорога на Эльдорадо», «Шрек», «Мадагаскар», «Трансформеры», «Аладдин». 89 лет. (*Википедия*)

8 сентября: **Синохара Эми [篠原恵美]** (р. 8 августа 1963), японская сэйю и певица, озвучивала роли в аниме «Сейлор Мун», «Наруто», «Кибергород Эдо», «Покемон», «Космический пират капитан Харлок» и др. 61 год. (*Википедия*)

9 сентября: **Джеймс Эрл Джонс [James Earl Jones]** (р. 17 января 1931), американский актёр, наиболее известный по голосу Дарта Вейдера в «Звёздных войнах», исполнивший также роли в к/ф «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу», «Изгоняющий дьявола 2: Еретик», «Конан-варвар»,

«Аллан Куотермейн и потерянный город золота», «Поле его мечты», «Мрачные сказки прерий», «Судья Дредд», «Каспер: начало», «Очень страшное кино 4», также озвучил многие мультфильмы. 93 года. (*Мир фантастики*)

9 сентября: **Джон Кассадей [John Cassaday]** (р. 14 декабря 1971), американский художник комиксов, писатель и телевизионный режиссёр, работал в проектах «Planetary», «Удивительные Люди-Икс», «Капитан Америка», «Звёздные войны», в качестве концепт-художника над экранизацией графического романа «Хранители». 52 года. (*Сергей Соболев*)

9 сентября: **Ли Хой-сан [李海生]** (р. 15 апреля 1941), гонконгский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Семь золотых вампиров», «Демон лютни», «Призрак-информатор». 83 года. (*Wikipedia*)

9 сентября: **Карен Араевич Свасьян [Կարեն Սվաշյան]** (р. 2 января 1948), армянский философ, историк культуры, литературовед, антрополог, переводчик «Заката Европы» Освальда Шпенглера, автор книг «Эстетическая сущность интуитивной философии А.Бергсона», «Проблема символа в современной философии», «Философское мировоззрение Гёте», «Иоганн Вольфганг Гёте», «Ницше, или Как становятся Богом. Две вариации на одну судьбу» и др. 76 лет. (*Николай Подосокорский*)

10 сентября: **Сергей Иосифович Гиндин** (р. 11 сентября 1945), лингвист и литературовед, автор работ по творчеству Валерия Брюсова, редактор газеты «Первое сентября». 78 лет. (*Николай Подосокорский*)

10 сентября: **Марина Витальевна Полицеймако** (р. 19 февраля 1938), актриса театра

и кино, исполнительница ролей в спектаклях «Что делать?», «Замок», «Сказки», в к/ф «Райские яблочки». 86 лет. (*Николай Подосокорский*)

11 сентября: **Чедвик /Чэд/ Стивен МакКуин [Chadwich /Chad/ Steven McQueen]** (р. 28 декабря 1960), американский актёр, продюсер, мастер боевых искусств и автогонщик, исполнитель ролей в к/ф «Смертельный круг», «Огневая мощь», «Одержимые ночью». 63 года. (*Wikipedia*)

11 сентября: **Кеннет Чарлз Коуп [Kenneth Charles Cope]** (р. 14 апреля 1931), британский актёр и сценарист, исполнитель ролей в к/ф «Икс: Неизвестное», «Проклятые», «Остров обречённых гореть» («Ночь большой жары»), в сериалах «Рэндалл и Хопкирк (Умершие)», «Доктор Кто». 93 года. (*Wikipedia*)

13 сентября: **Франка Беттойя [Franca Bettoja]** (р. 14 мая 1936), итальянская актриса, исполнительница ролей в к/ф «Последний человек на Земле», «Не трогай белую женщину». 88 лет. (*Wikipedia*)

17 сентября: **Нельсон Ричард Демиль [Nelson Richard DeMille]** (р. 23 августа 1943), американский писатель, автор романа «Квест», нескольких технотриллеров в соавторстве с Томасом Блоком. 81 год. (*Wikipedia*)

18 сентября: **Лех Солуба [Lech Sołuba]** (р. 20 января 1948), польский актёр театра и кино, исполнитель роли в к/ф «Перстень и роза». 76 лет. (*Wikipedia*)

20 сентября: **Кэтрин Грант Кросби [Kathryn Grant Crosby]** (р. 25 ноября 1933), американская актриса и певица, исполнительница ролей в к/ф «Ночь, когда взорвался мир», «Седьмое

путешествие Синдбада», «1001 арабская ночь», «Посвящение Сары». 90 лет. (*Википедия*)

21 сентября: **Владислав Аркадьевич Верестников** (р. 4 января 1947), оперный певец (баритон) и педагог, исполнитель партий в операх «Ночь перед Рождеством», «Кащей Бессмертный», «Фауст», «Ифигения в Авлиде», «Пиковая дама». 77 лет. (*Википедия*)

22 сентября: **Фредрик Джеймисон [Fredric Jameson]** (р. 14 апреля 1934), американский литературный критик и теоретик марксизма, автор работ «Сартр: Истояники стиля», «Мифы агрессии: Уиндхэм Левис, модернист как фашист», «Политическое бессознательное: Нарратив как социально-символический акт», «Археология будущего», «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма», «Культурный поворот», «Марксизм и интерпретация культуры». 90 лет. (*Википедия*)

24 сентября: **Пьер-Вильям Гленн [Pierre-William Glenn]** (р. 31 октября 1943), французский кинооператор и режиссёр, снял к/ф «Прямой репортаж о смерти», «Цена риска», поставил по собственному сценарию короткометражный фильм «Печальная и одинокая смерть Эдгара Аллана По». 80 лет. (*Википедия*)

25 сентября: **Роман Сергеевич Мадянов** (р. 22 июля 1962), актёр театра и кино, исполнитель ролей в спектаклях «Иван-царевич», «Роезнкранц и Гильденстерн мертвы», в к/ф «Мелкий бес», «Роковые яйца», «Досье детектива Дубровского», «Кожа саламандры», «Заколдованный участок», «СуперБобровы», «Седьмая руна», «Страна чудес», «Монах и бес», «Вурдалаки», «По щучьему велению». 62 года. (*Николай Подосокорский*)

26 сентября: **Алексей Николаевич Мещеряков** (р. 12 августа 1961), писатель, поэт, публицист, автор сказочных книг «Данилка-волшебник и его родичи», «Нашествие волшебников». 63 года. (*Википедия*)

26 сентября: **Абдулла Мухаммед Хасаб Хаба [أبوح نسوح دمحم لاداب]** (р. 31 марта 1936), арабский переводчик русской литературы, литературный эксперт, меценат, перевёл с русского на арабский более 55 книг, в том числе А.Толстого, М.Булгакова, братьев Стругацких. 88 лет. (*Николай Подосокорский*)

27 сентября: **Томас Роудс Роквелл [Thomas Rhodes Rockwell]** (р. 13 марта 1933), американский писатель детских книг, автор романа «Кррррик!». 91 год. (*Википедия*)

27 сентября: **Маргарет Натали/Мэгги/Смит [Margaret Natalie «Maggie» Smith]** (р. 28 декабря 1934), британская актриса, исполнительница ролей в к/ф «Битва титанов», «Капитан Крюк», «Из времени во время», «Мальчик по имени Рождество», фильмах о Гарри Поттере. 89 лет. (*Николай Подосокорский*)

28 сентября: **Кристоффер /Крис/ Кристофферсон [Kristoffer /Kris/ Kristofferson]** (р. 22 июня 1936), американский кантри-певец, автор песен, актёр, исполнитель ролей в к/ф «Моряк, который потерял милость моря», «Тысячелетие», «Блэйд», «Блэйд 2», «Блэйд: Троица», «Планета обезьян», «Пиджак». 88 лет. (*Википедия*)

30 сентября: **Александр Иосифович Пахотин** (р. 21 апреля 1955), филолог, педагог, писатель, драматург, автор сборника «Агент М», переводчик произведений П.Гэллико, Дж.Дилейни, С.Ликока, Дж.Оруэлла, Ф.Фармера, Р.Хайнлайна. 69 лет. (*Википедия*)

Р.І.Р. – Дополнения:

11 июля: **Мэри Джейн Энг [Mary Jane Eng]** (р. 26 января 1933), американская писательница, автор романов «Арслан», «Дом в снегу», «Колесо ветров», «Человек-радуга». 91 год. (*Дэвид Лангфорд*)

3 августа: **Джордж Уильям Шенк [George William Schenk]** (р. 12 февраля 1942), американский телесценарист и продюсер, работал над фидьмами «Суперзверь», «Мир будущего», «Смертельная луна», «Фантом Голливуда». 82 года. (*Дэвид Лангфорд*)

5 августа: **Джонатан /Джон/ Эпри [Jonathan /John/ Aprea]** (р. 4 марта 1941), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Степфордские жёны», «Киборг-охотник», «Игра», «Маньчжурский кандидат» и в сериалах «Чудо-женщина», «Силы Мэтью Стара», «Сказки тёмной стороны». 83 года. (*Дэвид Лангфорд*)

6 августа: **Джеймс /Джим/ Гилберт Когран [James /Jim/ Gilbert Caughran]** (р. 16 октября 1940), американский любитель фантастики, редактор Fancyclopedia 3, издатель десятка фэнзинов. 83 года. (*Дэвид Лангфорд*)

10 августа: **Джанет Элен Моррис [Janet Ellen Morris]** (р. 25 мая 1946), американская писательница, автор тетралогии о куртизанке Силистре, трилогии «Танцовщица грез», романов «Сорокаминутная война», «Полководец», «Маленькая Адиада», «Исследователи в аду», участница проекта «Мир воров» (большинство написанного – с мужем Крисом Моррисом, часть – с Дэвидом Дрейком). (*Дэвид Лангфорд*)

11 августа: **Анхель Саласар [Ángel Salazar]** (р. 2 марта 1956), американско-кубинский ко-

мик и актёр, исполнитель ролей в к/ф «Удачное наследство», «Маньяк-полицейский 2», «Вампиры-байкеры 2 и 3». 68 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

12 августа: **Ким Кахана-ст. [Kim Kahana, Sr.]** (р. 16 октября 1929), американский актёр, каскадёр и хореограф, работал над трюками в более 300 фильмах, в частности, в к/ф «Планиета обезьян», «Человек Омега», «Зелёный сойлент», «Джиперс Криперс», «Бак Роджерс в 25 веке». 94 года. (*Дэвид Лангфорд*)

13 августа: **Грегори /Грег/ Стенли Кин [Gregory /Greg/ Stanley Kihn]** (р. 10 июля 1949), американский рок-музыкант и писатель, автор романов «Шоу ужасов», «Отенок бледности», «Большой рок-бит», «Рука Моджо», «Последняя легенда Сохо». 75 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

15 августа: **Ральф Пьер Лакок (Питер Маршалл) [Ralph Pierre LaCock (Peter Marshall)]** (р. 30 марта 1926), американский ведущий игровых шоу, певец и актёр, исполнитель ролей в к/ф «49-й человек», «Кроличий тест», «Америкафон». 98 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

16 августа: **Роберт Сидуэй [Robert Sidaway]** (р. 24 января 1942), английский писатель, продюсер, режиссёр и актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Сказочные тайны», «Из неизвестного», «Доктор Кто», продюсер и автор сценариев сериалов «Мир Хаммера», «Культ-Тастик», фильма «Чудо: В погоне за радугой». 82 года. (*Дэвид Лангфорд*)

20 августа: **Танака Ацуко [田中敦子]** (р. 14 ноября 1962), японская актриса озвучивания и рассказчик, озвучивала роли почти в двухстах фильмах и сериалах, в том числе: «Мобильный доспех Гандам: Виктория»,

«Голубое семя», «Храбрый Рэйдин», «Агент Айка», «Призрак в доспехах», «Ковбой Бибоп», «Монстр», «Судьба / Ночь схватки», «Некий научный Рейлган», «Одному лишь Богу ведомый мир», «Невероятные приключения ДжоДжо». 61 год. (*Дэвид Лангфорд*)

28 августа: **Оби Ндефо [Obi Ndefo]** (р. 29 октября 1972), американский актёр и преподаватель йоги, исполнитель ролей в сериалах «Звёздный Путь», «Третья планета от Солнца», «Ангел», «Звёздные врата: SG-1». (*Wikipedia*)

31 августа: **Дмитрий Георгиевич Кринари** (р. 23 декабря 1959), художник, дизайнер, мастер по литью, активный любитель фантастики, член оргкомитета «Зилантконов». 64 года. (*Дэвид Лангфорд*)

Голоса из Сетей

1 сентября:

Дочитал в ночи «Странность» Нэйтана Баллингруда.

Я начинал читать эту книжку не как просточитатель. Как просточитатель я устроен так же, как все остальные: что-то слышал об авторе, прочел аннотацию, поглядел на обложку, стал читать и так далее. Я, когда приступил, уже знал, из аннотации в том числе, что это такое альтернативное прошлое – действие романа происходит в 1931 году на Марсе, колонизованном примерно как Дикий Запад. Там есть атмосфера, там есть поселенцы,

и хотя там нет ковбоев и салунов, зато есть шахтеры, шерифы, виселицы и вот эти маленькие городки, в которых в реальности ведь не все жители были ковбоями и не все дома – салунами.

Я начал читать – и, да, так оно и оказалось. Как пишет в послесловии автор, первые главы читала в том числе Карен Джой Фаулер, и она выдала чеканный слоган – мол, это «Марсианские хроники» плюс «Железная хватка» (что весьма обрадовало литагента Баллингруда). С первым понятно, второе – неоклассический (нео же? я думаю) вестерн Чарльза Портиса, 1968 года, с двумя экранизациями, вторую, братьев Коэнов с Джеффом Бриджесом, наверняка многие видели. Это история 14-летней девочки, которая решает отомстить бандитам за убийство отца и храбро отправляется в путь-дорогу с судебным исполнителем и техасским рейнджером. А «Странность» – тоже история 14-летней девочки, которая решает отомстить бандитам за разграбление семейной закусочной (отчего отец девочки окончательно впал в депрессию и вдобавок сделал кое-что нехорошее) и отправляется в путь-дорогу в некоторой странной компании – космического пилота, который никуда не летит, мощной бандитствующей бабы и семейного кухонного автомата по имени Ватсон.

Тут я перестал быть просточитателем и спросил себя: ну и что? Перенести вестерн на Марс – дело нехитрое. Джордж Лукас вон чего отчебучил. Если это всё, как бы хорошо оно ни было написано, этого очень мало. Это будет версия того рассказа Аверченко, «Неизлечимые», герой которого писал в любых декорациях порнуху про грудастую Лидию. А тут – не порнуха, а вестерн. Ну на Марсе. Ну с кухонным автоматом. Но в принципе-то то же самое.

Это общее место для историй типа «Униженные и оскорбленные и зомби». Тупо переписать – легко.

И не ценно. Впрягаясь в сочинение текста, который как бы перелицованная классика, ты должен выбрать: или тупо переписать – или сыграть в опасную игру с читателем. Использовать прием, чтобы сделать что-то еще. Короче, прием ради приема – или прием ради чего-то большего. Я подозревал первое и очень надеялся на второе.

«Странность» оправдала мои надежды сполна. Баллингруд проворачивает хитрющую штуку: подавая историю как новую «Железную хватку», он потихоньку замыливает глаз читателя. Марс уже и в первых главах отличается от Дикого Запада существенно, несмотря на наличие атмосферы (в обоих смыслах слова). Например, связь с Землей оборвалась, и никто не знает, почему, называется это Молчание. Например, кухонный автомат, как и другие автоматы, сам по себе не обладает сознанием, но проходит (иногда) тест Тьюринга, потому что набор алгоритмов оживает своеобразным процессором, и этот процессор – добываемое на Марсе вещество под названием Вредность Странность. Например, есть сектанты – их называют культистами, – которые вроде как поклоняются марсианским мотылькам. Но это всё остается поначалу немного за кормой восприятия (извините, ужасная метафора), потому что у нас тут мисс Аннабель Крисп решила воевать с ворами.

В результате в глубине книги до тебя доходит, что ты всю дорогу цеплялся за нормальность восприятия 14-летней девочки, которая, вообще говоря, не очень хорошо представляет себе реальность и сама цепляется за то же самое. А это не Дикий Запад, дорогой мой. Это Марс. И вот тут тебе становится реально страшно. Как там у «сплинов»: «Пока пою, протри свои обозреватели». И ты их протираешь вместе с Аннабель. Складываешь два и два – и как-то становится нехорошо.

И этот слоган от Карен Джой Фаулер – тоже обманка. На поверхности это, может, и «Марсианские хроники» (щепотка) + «Железная хватка», а на самом деле это (чутко спойлера) «Волшебник страны Оз» + «Солярис». Первое достаточно очевидно, второе в какой-то момент прописывается чуть не прямым текстом.

В общем, я рад, что прочел эту книгу. Перевод Ромы Демидова, просто отличный. Атмосферный, всё как надо, слова, стиль, саспенс.

Что до автора, у Нэйтана Баллингруда только что вышла повесть «Крипта Лунного Паука» (Crypt of the Moon Spider), первая в серии «Лунная готика», там 1923 год, Луна, психиатрическое заведение с нетрадиционными методами лечения и – обещают – космический ужас; поглядим.

Николай Караев

В дружественном чате обсуждают всефанатский, я так понял, хейт на, я так понял, сцену из второго сезона «Колец Власти», где, я так понял, некий орк оказывается не зверем во плоти, а семейным существом, с орчихой и орчонком, и не хочет оттого идти на войну. Все прислушиваются к гробу Толкина. Вертится, нет?..

Суть проблемы между тем ровно в Толкине. Он – в рамках сказки, но реалистичной, но сказки – сделал попытку создать «народ плохих», понимая, что так не бывает, что в реальности плохие есть в любом народе и по все стороны баррикад (как он писал сыну в письме), – но в аллегории, он считал, плохие могут быть по одну сторону, а хорошие – по другую.

Затык тут в том, что это реалистичная сказка. Не «в некотором царстве», а написанная языком реалистических романов. Но сказки плоховато проецируются на реалистичное повествование. Толкин

выкрутился: «Хоббит» написан скорее как сказка, поэтому орки там сказочно плохие, а «Властелин Колец» написан по-другому, но там и деталей насчет орков поменьше.

А вот когда речь шла о происхождении орков, Толкин не мог определиться – версий куча, не только «обезображенные Мелькором эльфы», они у него то от людей происходили, то от зверей. И ведь ровно потому и не мог, что тут наступают некие пределы реалистичности. Если они все от зверей и бездушные, это «народ плохих». Если они от эльфов или людей, возникает вопрос, могут ли быть хорошие орки, – мало ли, рецидив добродетели, еще что.

И уж точно всё это буксует при наведении на орков лупы и увеличении масштаба. Особенно на экране. Когда показывают «народ орков», массу, этот толкиновский сказочный нацизм (по определению, раз у нас тут «народ плохих») еще как-то прокатывается – масса прет, все плохие. А отдельный орк в естественной среде – не прокатывается. Совершенно непонятно, как с этим орком быть вообще, как они себя ведут, когда не воюют, что у них с культурой в широком смысле слова и так далее. Ну вон про кельтов античные авторы писали во многом то же, что Толкин про орков, – но мы же понимаем, что кельты как-то жили общинами, что и культура у них была вон какая, и были они и добрые, и злые, и так далее, и так далее.

А с орками Профессор поставил нам неразрешимую в рамках человеческой психологии задачу. И тут любое решение будет плохим или очень плохим. Мораль простая – о деталях сказок лучше не задумываться.

Николай Караев

Продолжаю читать Foul Days / «Темные дни» Геновевы Димовой, и книга бесит меня до такой

степени, что даже не хватает терпения отложить посты на потом, после того, как дочитаю. Ну, 44% – это уже достаточно для каких-то предварительных выводов.

После намеков на ромфант сюжет понесло в сторону детектива. Не то чтобы это была неожиданность, в аннотации «один подозрительно благородный детектив» упоминается, однако что и впрямь неприятно удивило, так это чудовищно неглубокая проработка антуража. Я упомянула в одном из предыдущих постов, что мир в романе напоминает «Аркейн» с его искусственным разделением на два города, темный и светлый, и это ощущение с той поры лишь усилилось. Но дело в том, что сериальный (!) «Аркейн» мне понравился во многом благодаря стилю. Если бы ту же самую историю сняли в другой манере, с персонажами, нарисованными и двигающимися иначе, с другим музыкальным сопровождением, сомневаюсь, что я обратила бы на нее внимание.

В «Темных днях» собственного стиля нет – ни необычного, ни обычного. Роман напоминает то «Чашу» Новик, то «Шестерку воронов» Бардуго, то приключения Аниты Блейк, то Гаррета, то какое-то другое городское фэнтези, нуар с вампирами, вурдалаками и городскими ведьмами... Вы не поверите, у одного персонажа второго плана фамилия Петросян – и это как будто объясняет несмешные шутки.

К списку фэнтезийных анахронизмов, кстати, добавляем бактерии и страховую полис. Интересно, кстати: героиня прекрасно знает, что такое страховая полис, но диктофон видит впервые в жизни.

И да, у наставницы главной героини есть кот. Кота зовут Moth, это уменьшительное от Behemoth. Тут я впервые поняла одного читателя, который как-то давно признался мне, что не любит такие штуки.

А вот на 44% выяснилось, что в городе Чернограде обитает еще и капитан Черная Борода. Типично балканский персонаж...

Про мифологическую часть скажу, когда будет 100%.

Наталья Осояну

Геновева Димова
Foul Days (2024)

Город Черноград стоит бок о бок с Белогоградом, но нет в целом мире двух других городов, которые бы настолько различались, как эти. Обитателям первого приходится нелегко, поскольку их постоянно атакуют монстры (и особенно сложно выжить в двенадцать дней после Нового года, когда нечисть устраивает длительный шабаш); а во втором живут легко, красиво и ярко, не уделяя слишком много внимания невезучим соседям за волшебной Стеной, которая надежно сдерживает как людей, так и нелюдей.

Молодая ведьма Косара из Чернограда в меру сил помогает людям обороняться от упырей, самодив, караконджулов и прочих тварей. В прошлом Косары таится жуткая тайна: семь лет назад ей не повезло столкнуться со Змеем, Царем монстров, и эта встреча оставила неизгладимый след. Обстоятельства складываются так, что в самом начале очередного разгула нечисти Косара теряет свою тень вместе с магической силой. Без тени ведьма обречена на смерть – ко всему прочему, «теневого недуга» Косары развивается куда быстрее, чем это происходит обычно. Потеряв магию, она может полагаться лишь на свой ум, изворотливость и удачу – да еще на симпатичного детектива из Белогограда, который почему-то настроен ей помочь. Но хватит ли этого, чтобы выжить?..

Геновева Димова родилась в Болгарии, но вот уже больше десяти лет живет в Шотландии, где выучилась на археолога (если точнее, она специализируется на археоботанике). *Foul Days* – ее первый роман, на который, судя по послесловию, ушло шесть лет. Книга позиционируется как фэнтези с сильными балканскими мотивами, а писательницу называют подающей большие надежды.

Foul days – в буквальном смысле «грязные, поганые, скверные» и так далее дни; так называется у болгар и в целом у южных славян период между Рождеством и Крещением, на протяжении которого особенно сильно проявляет себя разнообразная нечисть. Иными словами, это всем известные Святки. Еще период называется иногда «днями караконджулов», и, судя по всему, этих монстров вы видите на обложках романа в облике больших собак или волков.

Вообще-то согласно поверьям караконджулы – скорее бесы с очень длинными лапами, но поскольку южнославянская мифология не отличается согласованностью, можно на эту деталь закрыть глаза. А вот на что лично у меня глаза не закрываются, так это на еще одну балканскую легенду, согласно которой караконджулы весь год старательно пилят Мировое древо, желая его обрушить, а Поганые дни – это их единственный отпуск. И вот когда он заканчивается, тварюшки возвращаются к работе, чтобы обнаружить (каждый раз как в первый раз, видимо) удивительную вещь: проклятое Древо целее некуда! Ничего не поделаешь, приходится начинать все с начала. Такой вот аспект праздника. В книге Димовой они приходят, чтобы охотиться и жрать; хотя постулируется, что защититься от караконджула можно,

если задать ему загадку (это сбивает нечисть с толку), в сюжете это не играет роли.

Схожим образом обстоят дела со всей другой южнославянской нечистью: автор, судя по всему, в ней неплохо разбирается, но почему-то богатейший потенциал болгарской мифологии (не говоря уже о южно- и вообще славянской в целом) так и остался совершенно неиспользованным. Не будь писательница болгаркой по рождению, я бы сказала, что это культурная апроприация как она есть. Наверное, читатель, который не в теме, ничего не заметит (как не заметили, судя по отзывам, заграничные фанаты романа), но я устала закатывать глаза. Взяты только вершки – название, имена, минимум характерных свойств, – никакой стройной системы мироустройства вы в романе не обнаружите. Мало того, в описанное подобие системы пальцем лучше не тыкать, оно развалится. Например, от Нового года до Йорданова дня (Богоявления) у нас в Чернограде 12 дней проходят, да? Хм... (На самом деле считать надо не от Нового года, а от Рождества, но в книге-то New Year) Церковь есть, крестное знамение есть – но молитв нет, христианского аспекта в суевериях нет, один раз пошутили на тему того, что ведьма в храме может сгореть, и все. Мир Чернограда и Белограда достаточно развит в промышленном и социальном смысле, в наличии электричество, знания о бактериях, отпечатках пальцев (!!!) и адреналине, граммофоны, диктофоны и кофе, однако мы НИЧЕГО не знаем о том, что находится за пределами этих двух городов, ни единого слова. Видимо, там еще одна волшебная Стена, которую никто не в состоянии пересечь.

Итак, два первых вывода:

1. Если балканская мифология вас интересует всерьез, то книгу не советую – вы только запутаетесь. Если просто в качестве экзотики, читайте

дальше, есть еще пару замечаний другого рода, которые помогут определиться.

2. Если в фэнтези вам нужна мало-мальски реалистичная картинка – книга точно не для вас, потому что уровень условности здесь как в сериале «Аркейн» или в сказочной части «Принцессы-Невесты». Все на честном слове и на одном крыле, и хорошо бы к этому добавился какой-нибудь нетривиальный стиль изложения – но, увы, тоже не обнаружено.

С точки зрения жанра интересно, что роман в «Азбуке» определили в серию ромфанта. На этапе 6%, где героиня вспомнила про свою встречу со Змеем с отчетливыми темно-властелинскими интонациями, это показалось мне крайне правильным решением, но вот теперь, прочитав книгу целиком, я в растерянности. Мне кажется, любители и любительницы ромфанта будут... разочарованы, потому что дальше книга развивается по законам криминального романа, где по одну сторону попавшая в беду героиня и коп, с которым ее свела судьба, а по другую – босс мафии и его приспешники. И в этих условиях «любовная линия» сведется к минимуму (постельных сцен, уж извините за спойлер, точно нет).

Ну и, наконец, что по истории в целом? Здесь роман опять делает крутой вираж и оказывается, что история в целом – про преодоление травмы. То есть с героиней в прошлом случилось нечто ужасное, и это, как уже было сказано, оставило неизгладимый след. Фактически, ей нужно было разобраться в себе, понять, кто на самом деле виноват в кое-каких событиях, и таким образом не только вновь обрести утраченную по глупости магию, но и познать всю степень собственной мощи. На этом пути она будет тупить, совершать нелогичные поступки и забывать важные вещи, но я, наверное, уже бью кнутом мертвую лошадь, простите...

– Я могу учуять другую ведьму за множество миль, – продолжила Русева. – От тебя магией и не пахнет, зато несет дешевым парфюмом и кислой капустой.

«А от тебя – бытовой ксенофобией и манией величия».

Резюме: роман, на мой взгляд, собирает бинго дебютанта. Средний балл на Goodreads у него относительно высокий, да и отзывы в целом хорошие, так что вы спокойно можете мне не верить и читать, а я же сокрушенно вздохну о том, до чего же нынче все стало примитивным, и пойду перезагружусь с каким-нибудь нон-фикшеном.

Наталья Осоюну

Читаю канал страдающих литераторов, добрая четверть постов – нытье о продвижении. Все издатели делают неправильно. Продвигают не то, не так, не туда и, простите, без смазки. Потому, видимо, шедевры и не продаются, а то уделали бы Толстоевского и Лию Арден.

Двадцать лет назад, когда я работал редактором в «Азбуке» (еще не «Аттикус»), вопросами продвижения тоже интересовался. И сейчас продолжаю, по инерции. И знаете – динамика очень заметна, даже на этом небольшом в историческом масштабе временном отрезке.

Что у нас тогда (с собой) было, двадцать лет назад? Приоритетные выкладки в книжных магазинах, плакаты в магазинах, брэндированные стеллажи в магазинах, изредка презентации в магазинах. Электронные рассылки, в том числе с релизами, обложками и анонсами – в медиа и представителям ритейла (которые никогда ничего кроме прайсов не читали, и сейчас кроме маленьких «независимых» не читают). Наружка, наружная реклама – при большом везении и солидном бюджете, например,

в метро. Встречи с авторами на столичных книжных ярмарках ММКВЯ, НонФикшн и Петербургском книжном салоне, куда издатели везли своих топовых писателей за большие деньги. Встречи с авторами на смежных мероприятиях, которых тоже было раз-два и обчелся. Публикации в медиа, газетах-журналах, реже на радио, еще реже – на ТВ (чисто рекламные врезки оплачивались, но чаще отдел пиара просто раздавал книжки рецензентам и обозревателям из дружественных СМИ, благо репутация у «Азбуки» уже тогда была о-го-го). Свой сайт – убогий. Своя газета, которая быстро закрылась за нерентабельностью. Во второй половине нулевых попытались ввести новую практику, ежемесячный выезд части редакции в книжные магазины, где редакторы рассказывали мирно дремлющим продавцам об основных издательских проектах, но это как-то не взлетело. Может, что-то забыл, но по большому счету – всё.

Что появилось с тех пор? Блоги во всех соцсетях от Нельзязграмма до Телеги – и авторские, и редакторские, и издательские, и книжных обозревателей. Мегапопулярные видеоподкастеры на Трубе. Аудиоподкасты. Прямые трансляции с разнообразных ивентов от Москвы до самых до окраин. Буктрейлеры. Вообще соцсети сильно развились, там возможно всякое – и таргетированная реклама, и коллаборации, и взаимопиар. Вывоз авторов на бесчисленные книжные фестивали в регионах (причем не за счет издателей). Торговля на книжных фестивалях в регионах (логистика и аренда места оплачивается организаторами, то есть опять-таки не издателями). Раздача блогерам и продажа фанатам всякого бессмысленного стаффа, от бомбочек для ванн до подушек-обнимашек (с портретом Вадима Панова, ага). Лимитированные издания – которыми счастливые обладатели потом опять-таки

будут хвастаться в соцсетях. Реклама на площадках онлайн-магазинов. Сгенерированные дешевыми копитайтерами и/или нейросетью отзывы на площадках онлайн-магазинов, чтобы поднять книгу в выдаче. Еще что-то наверняка забыл-упустил. При этом прежние механизмы никуда не делись: и телевизор кто-то еще смотрит, и на Арбате можно видеорастяжку разместить (привет, «Строки»!), и в метро рекламу повесить – непонятно, зачем и на какие шиши, но будет круто.

Иными словами, за последние двадцать лет поле деятельности для издательских пиарщиков расширилось до невероятных размеров. Не в последнюю очередь – за счет низкобюджетных и безбюджетных механизмов продвижения. Но чем ниже бюджет, тем выше должна быть квалификация пиарщика. А таких людей по объявлению на фулл-тайм в Москве за 55 тыщ чистыми не наберешь, и в любом случае они много бессмысленных и беспощадных проектов не потянут.

Ах да. Лучше всего в те годы начинающие авторы из нашего сегмента, НФ&Ф, продавались в «Армаде»-«Альфа-книге», которая на продвижение болт забила и сосредоточилась на работе с ритейлом.

Василий Владимировский

2 сентября:

Аниматор Хаяо Миядзаки стал лауреатом премии Рамона Магсайса, которая считается аналогом Нобелевской премии в странах Азии. Об этом объявил фонд, являющийся учредителем награды.

«Отражая свое уважение к молодой аудитории, Миядзаки не упрощает свои сюжеты и истории.

Он берется за сложные темы, используя искусство, чтобы сделать их понятными для детей, будь то защита окружающей среды, стремление к миру или отстаивание прав и роли женщин в обществе», – говорится в пояснении фонда.

Миядзаки – автор многочисленных анимационных картин, из которых учредители премии особо отметили «Мой сосед Тоторо» (1988 год), «Принцесса Мононоке» (1997 год), «Унесенные призраками» (2001 год), «Ходячий замок» (2004 год), «Рыбка Поньо на утесе» (2008 год) и его последнюю работу «Мальчик и птица» (2023 год).

Помимо Миядзаки лауреатами премии стали вьетнамский врач Нгуен Тхи Нгок Фьонг, которая изучала последствия применения американскими военными токсичных химикатов во время войны во Вьетнаме, основатель образовательной благотворительной организации из Бутана, экоактивистка из Индонезии, а также Движение сельских врачей из Таиланда.

Азиатский аналог Нобелевской премии был учрежден в 1957 году. Она названа именем президента Филиппин Рамона Магсайса, который погиб в том же году в результате авиакатастрофы.

Николай Подсокорский

Я ДАЖЕ НЕ ПОДОЗРЕВАЛ, ЧТО ВСЕ МЫ ВСТУПИМ В ТЕМНУЮ ЭПОХУ, В КОТОРОЙ МЕТОДЫ ПЫТОК И ЛОМКИ ЛИЧНОСТИ УСПЕШНО ПОСОСТЯЗАЮТСЯ С МОРДОРОМ

51 год назад умер Дж. Р. Р. Толкин (1892-1973), британский писатель и филолог, ветеран Первой мировой войны. Прочитую фрагмент из его письма к Майклу Стрейту 1956 года:

«Надеюсь, «Властелин Колец» вам понравился? Понравился – вот ключевое слово. Ибо писалась книга для того, чтобы развлечь (в высшем смысле этого слова): чтобы ее было приятно читать. Ровным счетом никакой аллегории в ней не содержится: ни нравственной, ни политической, ни современной. Это «волшебная сказка», однако написанная, – согласно убеждению, которое я некогда высказал

в пространном эссе «О волшебных сказках», что именно они – аудитория наиболее подходящая, – для взрослых.

Потому что, как мне кажется, волшебная сказка отражает «истину» по-своему, иначе, нежели аллегория или (развернутая) сатира, или «реализм», причем в определенном смысле куда более действительно. Но прежде всего она должна состояться просто как история, увлечь, понравиться и даже в определенных случаях растрогать, и в пределах своего собственного вымышленного мира обрести (литературную) убедительность. В этом и состояла моя первоначальная цель.

Но, конечно же, если собираешься обратиться к «взрослым» (духовно зрелым людям, по крайней мере), их не удастся порадовать, увлечь или растрогать, если только все в целом или отдельные

эпизоды не окажутся посвящены чему-то достойному рассмотрению, – более, например, нежели просто опасность и бегство: должна быть некая соотнесенность с «участью человеческой» (всех времен). Так что нечто от собственных размышлений и «ценностей» рассказчика в повествование неизбежно проникнет. И это – не то же самое, что аллегория.

Мы все, группами или индивидуально, иллюстрируем некие общие принципы, но мы их не олицетворяем. Хоббиты – ничуть не более «аллегория», нежели (скажем) пигмеи африканских лесов. Голлум для меня – просто-напросто «персонаж», вымышленная личность, которая, оказавшись в такой-то ситуации, повела себя так-то и так-то под давлением обстоятельств, поскольку такое представлялось вполне вероятным (в любой личности, реальной или вымышленной, есть элемент непредсказуемости; в противном случае он/она представляли бы собою не индивидуальность, но «типаж»).

Попытаюсь ответить на ваши конкретные вопросы. Финальная сцена Квеста оформлена так просто потому, что, применительно к ситуации и к «характерам» Фродо, Сэма и Голлума, данные события показались мне технически, нравственно и психологически убедительными. Но, конечно же, если вам требуются дополнительные соображения, скажу, что в плане данной истории «катастрофа» служит примером (одного из аспектов) знакомых слов: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого».

«Не введи нас в искушение и т. д.» – моление более трудное, и над ним реже задумываются. В контексте моей книги предполагается, что, хотя у каждого события или ситуации есть (по меньшей мере) два аспекта: история и развитие индивидуума (нечто такое, откуда он может почерпнуть добро,

добро наивысшее, для себя самого, или потерпеть в этом неудачу) и история мира (которая зависит от его действия самого по себе) – есть тем не менее исключительные ситуации, в которых можно оказаться.

«Жертвенные» ситуации, сказал бы я: т. е. положения, в которых «благополучие» мира зависит от поведения индивидуума в обстоятельствах, которые требуют от него страдания и стойкости, далеко выходящих за обычные рамки, – и может даже случиться так (или показаться, с человеческой точки зрения), что потребуются сила тела и духа, которой он не обладает; он в определенном смысле обречен на провал, обречен поддаться искушению или сломаться под давлением вопреки его «воле»: то есть вопреки любому выбору, который он мог бы совершить или совершил бы, не будучи ничем стеснен, не под принуждением.

Фродо оказался именно в таком положении: по всей видимости, в безвыходной ловушке; персонаж, наделенный большей врожденной силой, возможно, не смог бы противиться соблазну власти Кольца так долго; персонаж более слабый не мог бы надеяться противостоять Кольцу в миг финального решения. (Еще до того, как отправиться в путь, Фродо уже не хотел причинять вред Кольцу и был неспособен уступить его Сэму.)

След., Квест был обречен на неудачу как часть мирского замысла и был обречен закончиться катастрофой как история «облагораживания» смиренного Фродо, его «освящения». Неудачей он и обернулся бы; так оно и вышло с отдельно взятым Фродо. Он «отступился» – и я даже получил одно яростное письмо, в котором утверждалось, что его надо было не чествовать, а казнить как предателя. Поверьте, до того, как я его прочел, я и сам не гадавался, насколько эта ситуация «актуальна».

Она естественным образом возникла из «сюжета», в общих чертах набросанного в 1936 г. Я даже не подозревал, что, еще до того как книга увидит свет, все мы вступим в темную эпоху, в которой методы пыток и ломки личности успешно посостязаются с Мордором и Кольцом и поставят перед нами практическую проблему того, что честные люди доброй воли, будучи сломлены, превращаются в отступников и предателей.

Но в этот самый миг «спасение» мира и самого Фродо осуществляется благодаря проявленной им прежде жалости и прощению обиды. В любой момент всякий, кто наделен благоразумием, сказал бы Фродо, что Голлум непременно его предаст и в конце концов, чего доброго, ограбит. «Пожалеть» его и не убить было сущим безрассудством – или проявлением мистической веры в абсолютную самооценку жалости и великодушия, даже если во временном мире они пагубны. И Голлум в самом деле ограбил Фродо и причинил ему зло в финале – но, благодаря «благодати», это последнее предательство произошло в тот самый момент, когда завершающий злой поступок обернулся высшим благодеянием, какое только возможно было совершить для Фродо!

Через ситуацию, созданную его «прощением», он спасся сам и освободился от своего бремени. И высочайшие почести ему оказали по справедливости: ведь ясно, что они с Сэмом и не подумали скрывать истинного хода событий. Что до итогового приговора Голлуму, об этом мне бы задумываться не хотелось. Это означало бы пытаться «*Goddess privitee*», как говорили в Средние века. Голлум жалок, однако он погиб, упорствуя во злобе, и тот факт, что это послужило добру, – не его заслуга. Его потрясающие храбрость и выносливость – здесь он не уступал Фродо с Сэмом, а может, и превосходил их, – поставленные

на службу злу, изумительны, но чести ему не делают. Боюсь, во что бы мы ни верили, мы вынуждены взглянуть в лицо тому факту, что есть на свете субъекты, которые уступают искушению, отказываются от своего шанса на благородство или спасение и кажутся «проклятыми».

Их «проклятость» не измеряется в терминах макрокосма (где может привести и к добру). Но мы, все, кто находится «в той же лодке», не должны узурпировать место Судии. Подчиняющая власть Кольца оказалась чересчур сильна для подлой душонки Смеагола. Однако он никогда не подпал бы под нее, если бы не стал подлым воришкой еще до того, как Кольцо оказалось у него на пути. А надо ли ему было вообще оказываться у него на пути? А надо ли вообще опасностям возникать на пути у любого из нас?

Попытавшись вообразить, как Голлум преодолевает искушение, мы получим своего рода ответ. История сложилась бы совсем по-другому! Оттягивая решение и не укрепив все еще не до конца извращенную волю Смеагола в стремлении к добру во время спора в шлаковой расщелине, он ослабил сам себя в преддверии последнего своего шанса, когда у логова Шелоб зарождающуюся любовь к Фродо слишком легко иссушила Сэмова ревность. После того он погиб».

Из книги: **Толкин, Джон Рональд Руэл. Письма / пер. с англ. С.Б. Лихачевой. – Москва: Издательство АСТ, 2019. 752 с.**

Николай Подсокорский

Не могу не поделиться радостью, хотя эта радость несколько погранична. Игра слов намеренна; я скачал наконец все номера викторианского спиритического журнала *Borderland*, который в 1893–1897 года издавал не кто иной, как Уильям Томас

Стед – самый известный журналист империи, скандальнейшая фигура, отец таблоидов, который в итоге даже и помер сенсационно – на борту «Титаника». А вот в 1890-е Стеда потянуло в спиритизм. И это было время, когда спиритизм имел репутацию вполне научной гипотезы. Если вы верили в эволюцию, вы могли поверить и в общение с духами (и кое-кто так и делал), про великого спирита Артура Конан Дойля все знают, ну и так далее.

Так вот, в последнем номере «Пограничья» есть статья «Новости с Марса». Мол, неслучайно все вдруг стали писать про Марс – вот и «Марсианин» Джорджа дю Морье, и «Война миров» мистер Уэллса, и миссис Бёрбэнк из Квинсленда, одна из самых известных австралийских медиумов, сообщает: невидимые друзья сказали ей, что марсианская фауна включает крылатых лошадей. Реально, вот так и написано.

Ну и там дальше есть подробное описание Марса, полученное от лондонского транс-медиума мистером Старлингом. Включая даже и образец марсианского языка – в виде стихов. «Одного катрена, – пишут, – вероятно, достаточно». О чем точно стихи – не сообщается, только что это обращение к солнцу. Викторианцы такие викторианцы.

Николай Караев

Патрик Закшевский

Что читал молодой Лем? Фантастика из далекого прошлого

<https://culture.pl/ru/article/chto-chital-molodoy-lem-fantastika-iz-dalekogo-proshlogo>

Это статья о трех польских фантастах, которых читал в юности Лем и чье влияние можно отследить в его творчестве. Честно признаюсь, что ни одного из них я (пока) не читала, но видимо, для полноты

картины придется все же когда-нибудь уделить им время. В конце концов, их рекомендует сам Лем.

Список упомянутых авторов и их произведений:

Стефан Грабинский “Демон движения”

Эжи Жулавский “Лунная трилогия”

Владислав Уминский “На самолете вокруг света” и др.

Инар Искендрова

Маттиас Швартц «Экспедиции в другие миры. Советская приключенческая и научно-фантастическая литература от Октябрьской революции до конца сталинской эпохи. 1917-1956 гг.»

Введение, стр. 11

1. Исходное представление: приключенческая литература – вредное и сомнительное чтение, стр. 16

2. Предыстория: приключенческая литература в России до 1917 года, стр. 20

3. Локализация и размытие понятий: приключенческая литература и научная фантастика, стр. 23

4. Генеалогии: «рождение» научной фантастики, стр. 28

5. Экспедиции в другие миры: о терминологии данного исследования, стр. 31

6. История восприятия, степень изученности проблемы и состояние источников, стр. 35

7. Структура книги, стр. 44

Часть I

«КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПИНКЕРТОНЫ» – ЧЕРНОВИКИ И ВАРИАНТЫ ПОПУЛЯРНОЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

1917–1932

1. Наследие Пинкертонна – начало новой развлекательной литературы, стр. 63

1.1 Бог готтентотов – полемическая статья Корнея Чуковского против пинкертоновщины, стр. 66

1.2 Литература для масс – развитие издательств и журналов, стр. 75

1.3 Приключения в стране большевиков – западные бестселлеры периода НЭПа, стр. 88

2. «Следопыт» и «Овод» – перестройка приключенческой литературы, стр. 116

2.1 Воспитание чувств – призыв Николая Бухарина к созданию «коммунистического Пинкертонна», стр. 120

2.2 «Красные дьяволята» – герои гражданской войны Павла Бляхина и Леонида Остроумова, стр. 126

2.3 Всемирные Следопыты – художественная реконструкция экзотического, стр. 140

3. Маски мировой революции – адаптации и пародии пинкертоновщины, стр. 177

3.1 «Роман тайн» – размышления Виктора Шкловского об авантюрном романе, стр. 185

3.2 Тайна вещи – трилогия «Месс-Менд» Мариэтты Шагинян, стр. 194

3.3 Столкновение миров – «Аэлита» Алексея Толстого и закат Европы, стр. 219

4. Эксперименты по созданию нового человека – медиафантазии и технологические фантазии, стр. 250

4.1 Поэтика кинематографа – медиамодификации приключенческого жанра, стр. 256

4.2 Электрификация мысли – психо-машины и лучи смерти, стр. 269

4.3 Мечтатели на полюсе власти – безумные ученые Александра Беляева, стр. 283

5. Научная фантастика – установление новых жанровых границ, стр. 322

5.1 Лаборатория Нового Робинзона – расширение популяризации науки, стр. 327

5.2 Наши Майн Риды и Жюль Верны – ограничения научной фантастики, стр. 336

5.3 Как создавался Робинзон – конец «компинкертонна», стр. 352

Часть II

ПАДЧЕРИЦА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1932–1941

6. Конец контрабанде – съезд писателей 1934 года, стр. 377

6.1 Накануне съезда – попытки узаконить советскую научную фантастику, стр. 381

6.2 Сказки и мифы для молодежи – переосмысление истории литературы Максимом Горьким, стр. 387

6.3 Разделение науки и фантастики – концепция новой детской литературы Самуила Маршака, стр. 397

7. Детская литература для взрослых – поэтика научно-художественных экспедиций, стр. 416

7.1 Живая географическая карта – рассказы Михаила Ильина о социалистическом строительстве, стр. 421

7.2 Изгнание экзотики – поэтизации пустыни Паустовским и Зуевым-Ордынцем, стр. 433

7.3 Издательская политика после съезда писателей – продолжение существования приключенческой литературы, стр. 446

8. Золушка приходит на бал – союз приключений и фантастики, стр. 466

8.1 Кинопоэтика приключений – экранизации Верна и Стивенсона Владимиром Вайнштоком, стр. 472

8.2 Дети капитана Гранта – выход на сцену нового поколения авторов, стр. 480

8.3 Сравнение Александром Беляевым «фантастического приключенческого романа» с Золушкой, стр. 489

9. Пути героических искателей приключений – разочарование в других мирах, стр. 510

9.1 Социалистический Жюль Верн – «Тайна двух океанов» Григория Адамова, стр. 513

9.2 Слепой гость – приключенческая поэтика террора Всеволода Воеводина и Евгения Рысса, стр. 522

9.3 Первый советский приключенческий роман – «Джура» Георгия Тушкана, стр. 530

10. Москва как лаборатория чудес – очарование собственного мира, стр. 547

10.1 Видения будущего технической интеллигенцией – чудо-генераторы Казанцева и Долгушина, стр. 554

10.2 Воскрешение мертвых – «Старик Хоттабыч» Лазаря Лагина, стр. 570

10.3 Разрушение канона – споры о дальнейшем развитии жанра, стр. 585

Часть III

БЕЛЛЕТРИЗИРОВАНИЕ НАУК – РАЗДЕЛЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ.

1941–1953

11. Борьба с блокадой – прощание с советской приключенческой литературой, стр. 607

11.1 Имажинисты и прокуроры – тщетная попытка создать независимую секцию, стр. 612

11.2 Шерлок Холмс в роли следователя – концепция детективного романа Мариэтты Шагинян, стр. 621

11.3 Суперагенты и чудо-оружие – беллетризация Великой Отечественной войны, стр. 633

12. Большая мечта – научная фантастика послевоенного периода, стр. 650

12.1 Ящик Пандоры – секция научно-художественной литературы, стр. 653

12.2 Воплощение большой мечты – концепция научной фантастики Кирилла Андреева, стр. 658

12.3 Судьба прозорливца – научно-фантастические переходы границ, стр. 663

13. Хромающая в сторону мечта – попытки поэтизировать науки, стр. 685

13.1 Тени минувшего – рассказы о необыкновенном Ивана Ефремова, стр. 688

13.2 Творческий дарвинизм – проза Палея и Студитского сбивается с пути, стр. 711

13.3 Гости из Космоса – неопознанные летающие объекты из других миров, стр. 721

14. Золушка покидает балл – внедрение научно-художественной литературы, стр. 754

14.1 Большая мечта инженеров – реорганизация секции, стр. 759

14.2 Фантазма беллетризации – идеологизация популяризации науки, стр. 768

14.3 Покорение природы – перестройка советской географии, стр. 777

15. Остров разочарования – «фантастика ближнего прицела», стр. 801

15.1 Зов в будущее – устранение фантастического, стр. 803

15.2 Тени под землей – поэтика пронизательности Немцова и Охотникова, стр. 815

15.3 Конец иллюзий – дебаты и новые начинания после смерти Сталина, стр. 833

Приложения

1. Источники

1.1 Архивные материалы, стр. 854

1.2 Воспоминания, переписки, стр. 854

1.3 Художественная литература, очерки, прозаические очерки, стр. 855

1.4 Публицистика, отзывы, стр. 867

1.5 Фильмы, стр. 880

2. Дополнительная литература

2.1 Справочные материалы, библиографии, стр. 881

2.2 Монографии, очерки, стр. 882

Об авторе, стр. 904.

Объём 43 а.л.

Сергей Соболев

3 сентября:

Дарья Раскина, «Война и потусторонний мир». Изд. Like Book

Новая оптика на эпоху 1812 года – всегда большая радость, ведь толстовский взгляд буквально въелся в голову читателей, даже если «Войну и мир» последний раз они брали в руки в школе. В книге Дарьи Раскиной реальность альтернативна. Наравне с обычной Россией существует Россия Потусторонняя – государство мертвых, где, впрочем, царят примерно те же нравы; только живут там

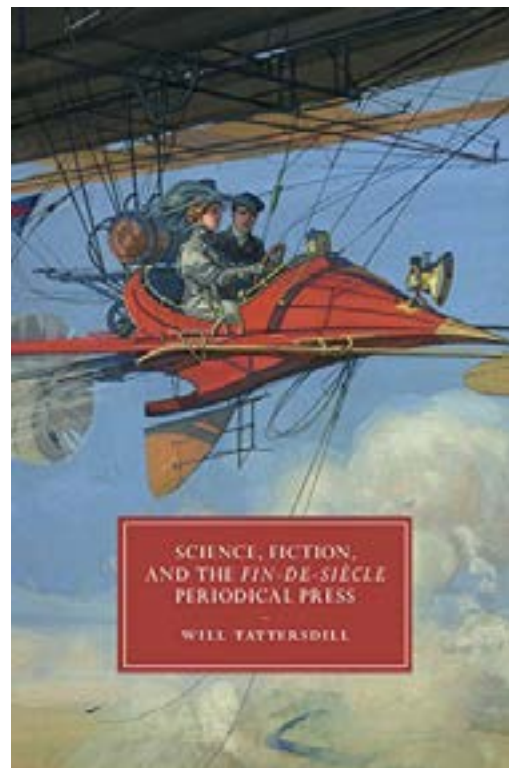
усопшие, бесы и герои фольклора. Недавно там отгремела гражданская война. Россия «живая» озабочена борьбой с Наполеоном. Петр Волконский отправляется к новоиспеченной императрице Потусторонней России с посланием от императора, но оказывается впутан в череду интриг и приключений. К тому же он узнает, что его сестра Александра, воевавшая под видом мужчины, погибла и попала в гвардию Кащея. Тот, побеждённый в недавней гражданской войне, хочет взять реванш... А Александра – вернуться к брату и жизни.

«Война и потусторонний мир» – то, что называют большой литературой на жанровой платформе: фантастическое допущение (альтернативная эпоха) здесь неразрывно сопряжено с авторскими размышлениями, которые, безусловно, переплетаются с Толстовской философией. Перед читателем роман прежде всего о семейных отношениях и разрушительной силе войны – хоть в потустороннем, хоть в реальном мире. Это переосмысление «Войны и мира» намеренно лишено толстовского размаха – масштаб событий здесь сужен: все для того, чтобы сильнее акцентировать внимание на сюжетных

линиях двух главных героев, Петра и Александры Волконских. Укорененная в толстовском контексте, это книга, однако, заигрывает и с канонами русской литературы XVIII-XIX века – здесь есть оммажи и на «Пиковую даму», и на «Бедную Лизу», и на «Хозяйку медной горы», а бал в потустороннем мире – буквально на первых страницах, – напоминает смесь роскошных празднеств Толстого и булгаковского бала у Сатаны. Иными словами, перед читателями – зеркало, в котором отражаются как герои классики, так и сказочные персонажи: переосмысленные соловьи-разбойники, Кощей и Бага-Яга. Притом последние весьма свежо переосмыслены и адаптированы под дух эпохи.

Такую игру с «Войной и миром» легко превратить в цветастый балаган и глупую пародию, но Дарья Раскина относится к первоисточнику с должным уважением. Надо сказать, что этот роман – не столько оммаж Толстому, сколько поиск новой оптики на описываемые им события, попытка показать эпоху наполеоновских войн с помощью иных писательских инструментов. Все здесь – от потустороннего царства и сюжета-квеста до отсылки и зеркальности повествования (Петр и Саша как бы одновременно преодолевают путь в разные стороны), – просто необходимые автору декорации, на фоне которых можно неспешно пофилософствовать и показать личностный рост персонажей, не слишком играя в кэмпболовский «путь героя» (хотя в романе тоже много архетипичных образов и деталей). Как итог, получается весьма плотный и не чересчур стилизованный текст, где автор не гонится за излишней динамикой: делает упор прежде всего на литературной игре и развитии характеров персонажей. С ними читатель еще встретится в продолжении – ведь беды Потусторонней России только начинаются.

Денис Лукьянов

Наконец достал книжку с чудной обложкой, и про фантастику, и про викторианство, а внутри – белый тезис, который мне нравится, хотя я до него не додумался. Впрочем, основной компонент тезиса мне знаком – невиданное смешение жанров в викторианской периодике. Если кто листал викторианские журналы, тот знает: мало того, что фикшн идет вперемешку с нонфикшн; мало того, что за рецензией на математический трактат следует статья о судостроении викингов, а потом что-то про спиритизм, а потом про ирландских персонажей у Шекспира, а потом рассказ о джентльмене, который вскрыл жуткую тайну, что стихи Браунинга на деле писал Теннисон, а потом репортаж с англо-бурской; так еще и внутри текстов не было границ – в рецензию

на математический трактат запросто вклинивались строчки Саути, в очередной полемике о теории эволюции цитировали Джейн Остин, а в богословском эссе прибегали к алгебре, например.

А Уилл Тэттерсдилл говорит простую вещь: от такого смешения жанров и родилась фантастика.

И ведь прав.

Николай Караев

Околоеженедельная рубрика «Выдранное у других» с ошметками фантастических аннотаций, скрывающих под неказистыми лохмотьями алмазы-шедевры от Гарун аль-Рашидов наших дней.

...Маргарита Блинова «Ядожал. Академия З.А.В.Р.»... [*Сегодня смог! – Поздравляю, сэр!..*]

...он ярый женоненавистник и слышать ничего не хочет ни обо мне, ни о магии. Ничего, я надену личину мужчины... [*заинтригован Станиславский / боится выйти в туалет*]

...Здесь, на меже веков и культур, поля засеяли озимые идеи единого королевства...

...ожившие танки пугают тех, кто не верил в чудо...

...юной королеве придется окунуться в грязные дворцовые интриги...

...Перед вами сборник новых рассказов от автора, вдохновившего создателей феноменально популярной компьютерной игры «Зайчик»! Впервые! Первая глава неопубликованного романа «Зайчик»! Узнай, что случилось ДО основной арки сюжета рассказа «Зайчик»!..

...рассказы сопровождаются иллюстрациями и мини-комиксами от Дарьи Стерх и Надежды Main Shen Катышевцевой для большего погружения в атмосферу ужаса...

...Детективное агентство «Розовые Аллеи» – когда уже никто не может помочь...

...На место преступления прибывает инспектор Магического Комитета Фёдор Жрановский...

...Сила мертвой воды начинает бурлить в ней с новой силой...

...Классический фолк-хоррор от автора «Пищблока-2» и телеграм-канала «Будет страшно»...

...Я должна выйти замуж по договору за сильнейшего темного мага, а попала в дом чернокнижника, любящего конфеты...

...Расследование выводит его на Шин Харин, таинственную женщину, которая оказывается кумихо...

...Кто ещё защитит простых жителей от кикиморы-раздорки? А по силам другим справиться с брахляшкой, который прячет потерянные вещи?..

Николай Караев

Путеводитель по школьным страданиям великих людей

Марк Твен притворялся по утрам мертвым, чтобы не идти в школу. За плохое поведение его сажали на женскую сторону класса, но он не считал это наказанием.

Как-то Владимир Набоков нарисовал карикатуру на своего домашнего учителя. Тот показал ее родителям со словами: «Вот последнее произведение вашего дегенеративного сына».

Принимая Максимилиана Волошина в гимназию, директор предупредил его мать, что идиотов исправить невозможно.

Даниил Хармс приносил в школу валторну и играл на ней во время уроков, а если учитель хотел поставить ему двойку, давил на жалость и назывался сиротой.

Однажды директор школы порол Джорджа Оруэлла до тех пор, пока у хлыста не отлетела рукоятка.

Когда Сальвадор Дали понимал, что его могут вызвать к доске, он прятался под лавку и закрывал лицо руками. Тогда учителя разрешали ему выйти из класса и погулять в саду, чтобы успокоиться.

Николая Гоголя одноклассники за его мрачность прозвали Таинственный Карло – в честь героя романа Вальтера Скотта.

Пабло Пикассо ненавидел школу, и няне приходилось буквально вносить его на занятия.

Владимир Маяковский удивлял учителя по Закону Божьему своим взглядом на грехопадение. Он считал, что для Адама необходимость в поте добывать свой хлеб была благом – ведь каждый должен работать.

Джеймса Джойса одноклассники однажды избили из-за того, что он считал Байрона лучшим из поэтов.

После уроков алгебры Михаил Булгаков и товарищи стояли на головах, что поставить мозги на место.

Однажды учитель словесности в гимназии Корнея Чуковского рассказывал об устаревших словах и предрекал слову «отнюдь» скорую смерть. Чуковскому стало жалко слово, и он подговорил своих одноклассников вместо «нет» использовать «отнюдь». Администрация гимназии посчитала это нарушением дисциплины и оставила Чуковского без обеда.

Преподаватель словесности Велимира Хлебникова был очень недоволен учеником – он считал, что у Хлебникова есть способности к литературе, но он их губит стремлением к «необычайным выражениям».

Александра Грина исключили из училища за то, что он переделал стихотворение Пушкина «Собрание насекомых», высмеяв в нем школьных учителей.

Шамиль Идиатуллин

«Механическое вмешательство» (Альпина. Проза, 2024)

С искусственным интеллектом у меня отношения своеобразные. Было время, развлекалась тем, что задавала вопросы и гадала на ответах бота, названного в честь Порфирия Петровича, – того, который полицейский алгоритм авторства писателя, чья ежегодная новинка в номинации «осенняя скрепа» конкурирует с кострами рябин. Читала Нейро Пепперштейна, угадывая, где Павел, где GPT-чат. Генерировала дурацкие картинки. Переводила с китайского инструкцию к наушникам. По-прежнему не верю в восстание машин и отношусь скептически к творческому началу ИИ, но иногда пользуюсь его возможностями, раскидывая материал курса на лекции или составляю расписание – очень удобно, кстати. Но в соавторы не брала, я и с людьми тяжело уживаюсь.

Сборник, для которого известные писатели придумали 15 рассказов вместе с Алисой, ждала, не строя ожиданий. На то он и эксперимент, хотя удался в любом случае, никто ведь не выдвигал гипотезу и ничего не доказывал, а кое-кто, говорят, даже получил удовольствие.

Некоторые авторы разговаривали с ИИ, задавали подсказки, просили реконструировать какие-то нереальные ситуации при реальных исходниках. Кто-то почти бесшовно вплавил ответы нейросети в собственный текст. Большинство остались такими, к каким привык их постоянный читатель, но все же немного иными – до этого мало кто из них работал с программируемой языковой моделью, а это непросто: я, пытаясь однажды вырастить из краткого синопсиса своего текста расширенную его версию, дошла до белого каления, задавая подсказки, сдалась и придумала самостоятельно. Поэтому усилия коллег оценила.

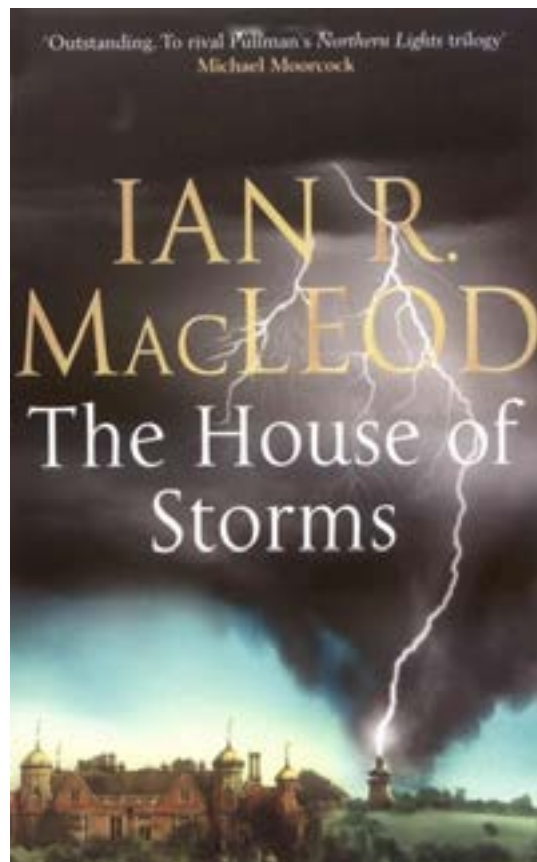
При этом в текстах Яны Вагнер, Ксении Буржской, Даши Благовой и Хелены Побяржиной, даже в тревожных, пугающих и грустных эпизодах, много нежности – ностальгической, смягчающей щемящий ужас, принимающей горевание. Шамиль Идиатуллин написал ехидный ретрослэшер – понятно, кого из классиков абый любит, но какими чертами наделил бы фанфики, буде пришла бы ему фантазия написать такой. А Юлия Яковлева как будто бы из облюбванной авантюрно-исторической прозы шагнула в современную семейную драму, что одновременно может быть скетчем для комика. Татьяна Толстая, Анна Матвеева, Ислам Ханипаев и Рагим Джафаров выступили в своей привычной манере – стремительно и порой парадоксально. Эмоционально и выверенно даже графически – это уже про Александру Шалашову и Марго Гритт. Не изменили себе Женя Некрасова, чей рассказ написан в ею же заложенной неофольклорной традиции, и Дмитрий Захаров, втиснувший многослойную жизнь в 11 энергичных страниц. Текст Лешки Сальникова (любой, чего скрывать) я хочу гладить по предплечью и повторять голосом великой Раневской: «милый, милый».

В общем, со стороны кажется, что это была добрая охота. В Букмейте уже можно послушать. Бумага потихоньку развозится по городам и весям.

Анастасия Шевченко

Йен Р. Маклауд
The House of Storms
(Вселенная эфир – 2)

Второй роман из цикла про эфир, как и первый – абсолютно самостоятельная история, и хотя кое-какие связи с сюжетом «Светлых веков» в нем имеются, понимать их подоплеку совершенно не обязательно, на сюжет они не влияют.

«Дом бурь» начинается как история Элис Мейнелл, супруги главы Гильдии телеграфистов, красивой и элегантной дамы средних лет, которая добилась в жизни практически всего, чего хотела, но получила мощный удар от судьбы там, где не ждала. Мы видим ее в первый раз в автомобиле, который едет из Бристоля в загородное поместье Инверкомб. Элис везет туда своего сына Ральфа – везет, как ей кажется, умирать, поскольку ни одна клиника и ни один санаторий Континента не сумели вылечить его от неназванной болезни, по симптомам напоминающей туберкулез легких.

Впрочем, не все так просто (Элис Мейнелл никогда не сдаётся): в Инверкомбе есть кое-что особенное, экспериментальная установка, способная регулировать погоду. Последняя надежда заключается в том, что с помощью этой штуковины получится создать идеальный климат, которым не могут похвастать упомянутые санатории. Но никто не в силах предсказать, что случится на самом деле. К тому же Инверкомб – странное место.

Поблизости от Инверкомба расположена деревенька под названием Клист, чьи жители рыбачат, собирают на берегу моллюсков, подрабатывают в окрестных имениях и понемногу занимаются «частной торговлей» (это такой эвфемизм для контрабанды). Обстоятельства складываются так, что девушка по имени Мэрион Прайс попадает в особняк Мейнеллов в качестве горничной – и нетрудно догадаться, что их с Ральфом судьбы окажутся связаны.

А еще не так уж далеко от Инверкомба находится место, где живут подменши – преобразенные эфиром до неузнаваемости, выброшенные из привычного общества парии (или Избранные, как они сами себя называют то ли всерьез, то ли с горькой иронией). Догадаться о том, что некий старый грех и новая катастрофа заставят Элис прийти туда, уже сложнее, но так случится.

И все завертится. «Дом бурь» по структуре и динамике сюжета сильно отличается от «Светлых веков», прежде всего, потому что в этом романе три главных героя – Элис, Ральф и Мэрион; все прочие вертятся вокруг этого треугольника, и даже очень масштабные, глобальные события окажутся с ним связаны не всегда тем образом, в который легко поверить, но факт есть факт. Если «Светлые века» – книга о революции, «Дом бурь» в определенный момент становится книгой о войне, но оба романа

в целом повествуют об эпохе жесточайшего перелома (ведь в этом альтернативном мире, так уж вышло, каждые сто лет не просто заканчивается один век и начинается другой, а происходит какой-нибудь социальный катаклизм). И мир во время этого перелома обходится крайне сурово со всеми, независимо от предшествующих грехов и заслуг. Если помнить об этой особенности «Вселенной эфира», в Инверкомбе, каким он описан в первой половине книги, отчетливо проступают идиллические черты, признаки безвозвратно ушедшего Золотого века – как в Крагдарре в «Короле утра, королеве дня», как во множестве произведений о мире перед началом Первой мировой.

На бурном фоне развиваются личные драмы; любовь Ральфа и Мэрион – возможно, одно из самых красивых, тонких, лиричных описаний, какие мне попадались в литературе в целом. Маклауд в том, что касается эмоций, силен: у него здорово получается показывать, а не рассказывать о них. Элис, как третий элемент упомянутой ранее геометрической фигуры, выступает как будто в явной роли Злой королевы из «Белоснежки», что подчеркивается ее особыми отношениями с отражением в зеркале, но она не типовой персонаж, не клише, а запоминающаяся, очень яркая личность. Возможно, даже слишком яркая, потому что кое-какие ее особенности и поступки попросту обескураживают, но что написано, то написано.

У «Дома бурь», как и у «Светлых веков», совершенно однозначный финал, но мне бы хотелось прочесть продолжение – о новой эпохе в мире, который опять преобразился и стал жить по новым правилам.

Книгу рекомендую любителям нестандартного фэнтези с английским выше среднего.

Наталья Осояну

4 сентября:

В общем, как я понимаю, премии «Ревизор» вручены, лучший критик-блогер – Ася Шевченко, с чем ее от души поздравляю. Гринч форева!

Василий Владимирский

Кстатическая мысль, очевидная, но почему-то я не видел ее нигде: Лю Цысинь ведь прямейший наследник Герберта Уэллса.

Мы, люди, существа, населяющие Землю, должны были казаться им такими же чуждыми и примитивными, как нам – обезьяны и лемуры. Разумом человек признает, что жизнь – это непрерывная борьба за существование, и на Марсе, очевидно, думают так же. Их мир начал уже охлаждаться, а на Земле все еще кипит жизнь, но это жизнь каких-то низших тварей. Завоевать новый мир, ближе к Солнцу, – вот их единственное спасение от неуклонно надвигающейся гибели.

Замените Марс на Трисолярис – и вуаля (отсюда еще шаг до теории Темного Леса, впрочем). И вот триеоряриане марсиане посылают к Земле свой флот. Ну и дальше понятно.

Николай Караев

Режиссер **Тим Бертон** получил именную звезду на Голливудской «Аллее славы»! На церемонии также присутствовали Моника Белуччи, Вайнона Райдер, Майкл Китон и Дэнни ДеВито.

За свою карьеру маэстро приложил руку к целому ряду фильмов, среди которых «Эдвард Руки-ножницы», «Алиса в стране чудес», «Сонная лощина»,

«Труп невесты», диалогия «Бэтмена», «Кошмар перед Рождеством» и многие другие.

Мир фантастики

Анна Бжезинская «Вода в решете. Апокриф колдуньи»

Мне всегда нравилась серия «Шедевры фэнтези» за то, что позволяет познакомиться с самыми разными авторами и с различными проявлениями жанра фэнтези, ведь он очень многогранен. Данный роман представляет собой запутанную литературную игру, в которой прием ненадежного рассказчика возведен в абсолют. Временами у меня возникал вопрос, а фэнтези ли это вообще? Дело в том, что все фантадопущения в романе можно списать на бредни спятившей от пыток женщины.

Повествование в романе представляет собой протокол допросов пожилой женщины, Ла Веккья, которую обвиняют в убийстве заезжего инквизитора. Каждая глава открывается похожими вступлениями, предшествующими началу допроса. Здесь практически нет диалогов как таковых – это просто рассказ женщины о своем жизненном пути, и история эта получается очень печальной. Главная героиня отрицает все обвинения. Ее рассказ начинается с самого детства. История эта полна загадочных совпадений и нескольких версий одной правды. Вы можете верить одной из них, а можете другой, от этого будет зависеть ваше восприятие романа. С переменным успехом то одна, то другая версия кажется более убедительной. Ла Веккья вплетает в свой рассказ разные небылицы и тут же опровергает их. В ответ на все показания соседей и очевидцев она находит логичные объяснения и мотивы, сводящиеся к их собственным грехам. В зависимости от вашей точки зрения Ла Веккья может предстать как злостной колдуньей, долго лелеявшей

свою месть, так и несчастной женщиной, с которой жизнь обошлась очень жестоко. По ее словам, часто она просто оказывалась не в том месте не в то время. Например, когда ее спутника обвинили в ереси и казнили, она с позором покинула город. Только вот потом этот самый город вымер от чумы. Совпадение? Решать вам, дорогие читатели.

Хотелось бы отметить отличный поэтический язык и стилизацию под Средневековье, благодаря чему читать роман приятно. Автор очень внимателен к деталям, чего требует и от читателей. Нередко небольшая оговорка в начале романа поможет понять происходящее в финале. События в романе развиваются очень неспешно. Одно и то же происшествие упоминается по несколько раз и каждый раз раскрывается иначе. Читать роман довольно непросто: Анна Бжезинская сумела уложить очень много загадок в относительно небольшой роман.

Красной нитью через все повествование проходит вермилион. Это вещество издавна добывали в родной деревне главной героини. По одной из версий, это обычная киноварь, которой красят кожу и ткани. По другой, вермилион – кровь самого

настоящего дракона, обладающая огромной магической силой. Якобы он может даже возрождать мертвых!

Большую роль в романе играют также пропавшие братья Ла Веккьи. Будет сразу несколько интерпретаций их личности. Правду же об этом мы так и не узнаем.

Финал романа оставляет после себя множество вопросов без ответов. Читателям предстоит самим выбрать, во что верить. Что же из всего сказанного главной героиней правда, так и останется загадкой. Лично мне так и не удалось сопереживать главной героине и привязаться к ней – слишком уж много у нее масок.

Итог: «Вода в решетке. Апокриф колдуньи» – красивый, но сложный и многогранный роман для вдумчивого чтения. Если вы хотите чего-то простого, на пару вечеров отдыха, лучше пройти мимо. Если же вы любитель Средневековья и многомерного повествования – читать нужно однозначно.

Жанр: Тёмное фэнтези

Оценка: 7/10

Алексей Севериан

Несколько слов о фильме «Чужой: Ромул»

С каждым новым фильмом франшизы понимание того, что настоящий Чужой закончился вместе с титрами картины Ридли Скотта, становится всё более отчетливым. Всё, что было снято после, или сделано неудачно или имеет весьма слабое отношение непосредственно к Чужому и идеям авторов оригинала.

Джеймс Кэмерон снял отличный боевик, но переименовал самого ксеноморфа, сохранил главный визуальный образ и героиню, но почти ничего

не оставил от атмосферы и фобий, воплощенных в монстре, придуманном Х.Р. Гигером.

Третий фильм сделал шаг по направлению к оригиналу, но производственный ад, через который прошёл фильм, поглотил многие интересные задумки и стал причиной конфликта между режиссером Дэвидом Финчером и продюсерами. Количество статей на тему «как хорошо могло бы быть, если бы...» многое говорит о результате.

Далее была четвёртая часть Жана Пьера-Жёне, ещё дальше отошедшая от оригинального фильма.

Но при том, что складной единой истории из квадрологии не вышло и её части воспринимаются скорее, как отдельные сюжеты, каждая из перечисленных картин была наполнена авторским видением вселенной, в которой завёлся ксеноморф.

Далее у Ридли Скотта получилось сделать шаг в сторону от центрального образа франшизы и перенести фокус на историю расы инженеров/жокеев. Но при том, что о результате снова говорит огромное количество статей и видеороликов на тему «как хорошо могло бы быть, если бы дед сделал всё так, как задумывалось изначально», «Прометей» и «Завет» всё же расширили вселенную.

Что же собой представляет фильм Феде Альвареса «Чужой: Ромул»? С первых кадров видно, как авторы стараются воссоздать атмосферу первых фильмов. Тут вам и темные коридоры космической станции и гуляющие по ним лучи света и ретрофутуристичные приборные панели с экранами. Дизайнеры и декораторы постарались, чтобы всё выглядело «как раньше». К созданию лицехватов и ксеноморфов привлекли специалистов, работавших с Кэмероном над «Чужими», во время съемок использовались ростовые фигуры монстров. Всё это даёт определённый результат – порой действительно возникает ощущение, что смотришь фильм, снятый в конце 70-х или в 80-х годах прошлого века. Компьютерная графика почти не бросается в глаза и её сочетание с аниматрониками и костюмами монстров получилось удачным. Но что там с сюжетом?

Действия фильма разворачиваются между событиями первой и второй частей франшизы. Группа молодых колонистов решает навестить брошенную космическую станцию. Молодёжь мечтает покинуть принадлежащие корпорации родные места, где люди постоянно мрут от эпидемий и сложных условий жизни. А на станции можно разжиться криокапсулами, и рвануть к другой планете. Надо ли упоминать о том, что на станции то всё и случится?

ВНИМАНИЕ! ДАЛЕЕ БУДУТ СПОЙЛЕРЫ!

К завязке сюжета у меня возникло несколько вопросов. Судя по тому, как нам представили Рейн,

главную героиню фильма, и её синтетического друга Энди, у ребят в колонии есть обязанности, но практически нет прав. Условия контракта могут быть изменены корпорацией в любой момент, и даже в Спортлото не пожалуешься. Но при этом молодые люди, едва сводящие концы с концами, имеют в своём полном распоряжении космический корабль. Причём никаких вопросов к их полёту у администрации колонии не возникает. Даже разрешения на взлёт не надо запрашивать, лети на корпоративном корабле куда хочешь в любое время.

Второй момент – пойманный сигнал со станции, которая, как окажется позже, вполне себе функционирует и представляет для корпорации огромный интерес. Зависла она не где-нибудь в далёких далях, куда сложно добраться и откуда сигнал каким-то чудом был бы получен кораблём наших героев, а прямо над колонией, принадлежащей корпорации. Понятно, что администрация небольшой шахтёрской колонии не знала, что происходит на станции, но, вероятно, аппаратура их космопорта должна была уловить исходящий оттуда сигнал. Но даже если сигнал был получен только кораблём, разве не должен его бортовой компьютер зафиксировать сигнал и сделать соответствующую запись в судовом журнале? Не должна ли эта запись быть передана в космопорт, чтобы оповестить администрацию о ЧП?

То есть ситуация такова: на орбите находится важный объект, где проводились эксперименты, результаты которых могли оказать влияние на развитие всего человечества. Над объектом утерян контроль, но корпорацию это совершенно не заботит. Как не заботит её и то, что через 30 часов станция погибнет вместе с уникальными биологическими образцами. Получается, что с одной стороны корпорация следит за каждым колонистом из-за

нехватки рабочей силы, а с другой стороны не контролирует полёты своих кораблей, не соблюдает элементарный режим, необходимый для обеспечения минимальной безопасности, и наплевательски относится к дорогостоящему оборудованию.

Третий момент – Энди. Энди – бракованный синтез, рассказывающий не смешные шутки. Он принадлежал отцу Рейн и теперь она относится к Энди, как к брату, нуждающемуся в опеке. Такой персонаж в предстоящем полёте был бы обузой. К тому же, как выяснилось позже, на планету, на которую задумали смыться ребята, синтезов с собой брать нельзя. Но трогательные взаимоотношения Рейн и Энди необходимо было протащить через весь сюжет, потому что трогательные отношения между нормальными людьми – это, видимо, слишком скучно, а остальные члены команды вообще никаких чувств у зрителя не вызывают. Поэтому ребята берут хворого андроида с собой, ведь только он может помочь им попасть на станцию. Авторы объяснили это так: Энди создан корпорацией, а значит! он знает язык системы и примерно, как P2D2 в «Звёздных войнах», будет открывать им все двери через терминал.

Тут у меня два вопроса: 1. В какой момент коварные бесчеловечные корпорации растеряли своё коварство и бесчеловечность и начали выкидывать на свалку андроидов, с помощью которых можно попасть на любой их закрытый объект? 2. Смогу ли я попасть на любой объект Самсунга или Ксиаоми, найдя на свалке произведенный ими смартфон?

Возможно, я всё слишком усложняю. Но всё же хотелось бы, чтобы очередной молодёжный ужастик о злоключениях подростков на заброшке хотя бы иногда напоминал зрителю о том, что он ещё и немного научно-фантастический триллер.

Словом, завязка, на мой взгляд, не задалась. Слишком уж надуманной она вышла. Но основная проблема сюжета состоит в том, что кроме завязки авторы не придумали никаких сценарных решений, и из всего, что было показано далее, можно обсудить, пожалуй, только финал. Всё, что находится между, представляет собой довольно качественный и практически бессмысленный аттракцион с беготнёй, воплями, стрельбой, парой-тройкой интересных моментов и парой-тройкой глупостей.

При этом, какую бы слабость зритель не испытывал к воплям, стрельбе и глупостям, практически всё показанное после завязки сюжета он уже видел в предыдущих фильмах. И не раз. И когда понимаешь, что завязка то и была той самой изюминкой и ничего нового в историю о ксеноморфах «Ромул» не привносит, то становится скучно. Не знаю, можно ли вечно смотреть на скалящегося ксеноморфа, но за тем, как гибнет очередная группа бестолковых паникёров, надоедает наблюдать спустя пятнадцать-двадцать минут после начала основного действия. Смотря на страдальческие лица героев почти с самого начала становится понятно, кто из них погибнет и в каком примерно порядке. Альтернатива, где интрига?!

Представьте, насколько внезапной в рамках этой франшизы оказалась бы история о победителях, о том, как группа организованных, собранных, смекалистых ребят высадилась на станцию, получила бы то, что им нужно, резво уничтожила монстров с помощью подручных средств и отправилась бы к своей цели. Фильм смог бы удивить хотя бы чем-то.

Когда Ридли Скотт снимал первый фильм, сюжет тоже не был чем-то уникальным, на тот момент существовало немало историй об инопланетных монстрах. Успех фильма во многом стал возможен

благодаря выдающейся работе художников, декораторов и аниматоров. Авторам удалось совместить страх перед ужасающим хищником с образом мрачного будущего, удачно сыграть на целом наборе зрительских фобий, создать иллюзию достоверности кошмара. Местами нерациональное поведение членов экипажа оправдывалось уникальной ситуацией, в которой только робот может вести себя рационально. Такое может сработать только один раз.

Не то, чтобы поведение героев «Ромула» было каким-то особенно раздражающим. Абсолютное большинство подростков (да и взрослых, пожалуй) повели бы себя в похожей ситуации, скорее всего, ещё хуже. Проблема в том, что в отличие от героев, зритель, знакомый хотя бы с одним фильмом серии, уже знает, что будет происходить в ближайший час.

После 45 лет существования франшизы лицехватами и ксеноморфом сложно кого-то удивить и понастоящему напугать. А так как «Ромул» по сути своей это бездумная и невыверенная смесь из всех предыдущих частей, то и ксеноморф похож на то самое чудовище только внешне. Монстр непостоянен, как юная девица, он то ужасен и неумолим, как в первом фильме, то туп и уязвим, как во втором.

Да, в каждом фильме присутствуют свои нюансы, но не так уж важно, как именно ксеноморф или его родственник убьёт очередную жертву. Куда интереснее подтекст истории и детали, раскрывающие недосказанности прошлых частей. А у «Ромула» с этим как-то не задалось. И получился нестрашный слэшер о героях, которым не сопереживаешь. Очередное «Пробуждение силы», если проводить аналогию с ЗВ.

Смерти разной степени отвратительности подкреплены массой визуальных отсылок к предыдущим частям серии. Вот главная героиня яростно стреляет прямо как Рипли в «Чужих», вот воссоз-

данный на компьютере образ андроида из первого фильма, совсем как живой, правда-правда, а вот ксеноморф ужасающе близок к лицу героини прямо как в третьем фильме. Разве не должно всё это вызывать умиление старых фанатов Чужого? Только вот в третьей части у монстра были определенные причины для такого поведения, а каковы предпосылки этого момента в фильме Альвареса? Их нет, эпизод нужен только ради визуальной отсылки.

Недавний проект Жереми Перена «Марс Экспресс» тоже состоит из отсылок и своих идей там практически нет. Но при этом в фильме присутствует оригинальный сюжет без привязки к какой-либо франшизе, хороший юмор, детально проработанный мир и живые герои. Но когда, кроме отсылок к прошлым проектам, оммажей и копирования сцен в сюжетном плане авторам больше нечего предложить зрителю, то это провал. Местами красивый, местами качественный, местами даже способный тронуть за живое совсем неискущенного зрителя, но всё же провал.

И провал этот куда сильнее и чувствительнее, чем неудача Скотта с продолжениями. Потому что дед, насколько бы сильно вы его не любили, создавал настоящее зрелище и хотя бы пытался придумать что-то новое и двигать лор вперёд. Несмотря на все недостатки «Прометей» и «Завета», о них вспоминают и обсуждают до сих пор. А что обсуждать в сюжете «Ромула»? Насколько велик коэффициент идиотизма у героини, вкалывающей себе странное неизученное и неизвестное ей вещество? Или оригинальность вылупившейся в финале кракозябры?

Если задача состояла в том, чтобы сделать своеобразный ремейк первой части, учтя опыт последующих фильмов, и таким образом перезапустить франшизу, открыв её новому зрителю, то «Ромул»

выполнил своё предназначение. Но тогда не ясно, почему вся рекламная компания строилась на ностальгических образах, призывая в кино в первую очередь тех, кто на протяжении десятилетий следил за развитием вселенной.

Максимально всё упростив, пожертвовав тайной, говоря обо всём в открытую, лишая зрителя возможности выстраивать свои версии, авторы «Ромула» пересказывают на свой лад то, что рассказывали создатели предыдущих фильмов на протяжении сорока пяти лет, и открывают Чужого новому поколению зрителей. Но сможет ли он напугать или чем-то заинтересовать это новое поколение? Или же встанет в один ряд с терминатором, продающим шторы?

P.S. Официально в кинотеатре просмотренное действие называлось «Ева» 18+. Такой фильм действительно существует. Это психологический триллер 2018 года, в котором снимается Изабель Юппер. «Писатель-самозванец ищет вдохновения в обществе опытной проститутки. Изабель Юппер сводит с ума Гаспара Ульея» – гласит аннотация. Всю вторую половину «Ромула» думал о том, что лучше бы показали «Еву».

RocketMan

Случайно наткнулся на фантастическую графику Николая Лутохина, человека, которого помотало по XX веку: родился в 1932 году в Югославии в семье русских эмигрантов, после войны переехал в Венгрию, окончил Академию художеств

в Будапеште, потом, в 1955 году, «вынужден был» переехать в СССР (не знаю, что это значит). Вытерпел там 20 лет и в 1975-м эмигрировал в ФРГ, в Мюнхен, где и прожил до последнего дня августа 2000 года. И везде он был художником, рисовал фантастическую графику, иллюстрировал книжки и тексты в журналах. А в последний день августа 2000 года, в депрессии после смерти жены, поджег свой дом и сам погиб в пожаре.

Николай Караев

5 сентября:

Анастасия Гор, «Самайнтаун». Изд. Черным-бело

Все началось почти сотню лет назад, когда некто по имени Джек очнулся в чужом доме без головы, зато с особенной, горящей синем пламенем, свечой. Тогда Джек познакомился с Розой, которая рассказала ему о многом – в том числе о языческих

праздниках Колеса Года (Самайн, Мабон, Йоль, Ламмас и другие). Теперь же безголовый Джек, носящий причудливые наряды и тыкву вместо головы – воплощение Самайна и живой символ города Самайнтауна, где никогда не кончается осень, а населяют его странные существа, не-люди: от вуду-колдунов до вампиров. Вот, например, друзья Джека: русалка-инвалид, поверившая старой ведьме, получившая ноги вместо хвоста, но не научившаяся ими пользоваться; королева фей, соблазняющая мужчин; вампир, боящийся вида крови. Отличная компания, не так ли? Но однажды в городе, и так полном странностей, начинают происходить вещи из ряда вон: какие-то непонятные убийства, лихорадка, а потом... а потом в городе появляется Ламмас, воплощение летнего праздника. И что-то вынюхивает. Расспрашивает об изначальной свечке, которую хранит Джек... Лжет ли незваный гость, или правда готов дать ответ на главный вопрос: кто такой Джек на самом деле?

Новый роман Анастасии Гор – это прежде всего гимн Самайну и, собственно, самому Самайнтауну, который здесь становится не просто основной

й локацией, но центральной смысловой единицей текста. Город этот автор бережно собрала из всевозможных проявлений хэллоуновской поры в поп-культуре – от музыки до игрушек, – по сути овеце- ствив праздник и все с ним связанное; неувовимо готический, Самайнтаун – прежде всего яркий Диснейленд, предлагающий развлечение и верование на любой вкус. Его любят туристы и обожают местные. Это не страшная «Сонная лощина», которую все обходят стороной – наоборот, точка всеобщего притяжения, этакая улучшенная и модернизированная версия городка из «Кошмара перед Рождеством» Тима Бертона. Как там в песне из этого мультфильма? «Город дрим, город дым – под названием Хэллоуин!». Самайнтаун Анастасии Гор, однако, пространство отчасти еще и сакральное – у него есть определенное предназначение и таинственная история появления, которая от читателя тщательно скрывается.

Впрочем, скрывается здесь много чего – и это основной писательский прием, превращающий книгу в настоящий пейдж-тернер, стоящий рядом с «Ночью в тоскливом Октябре» Желязны или недавним «Мистером Вечным Кануном» Владимира Торуна и Олега Яковлева. Пред читателем действительно умело закрученный детектив с обаятельными и харизматичными персонажами, где с каждой страницей – а их тут прилично, – сюжет закручивается все сильнее и сильнее. К тому же, Анастасии Гор работает сразу в нескольких временных пластах – чередуя события настоящего то с сорокалетним, то со столетним прошлым, автор путает читателя, уводит от основного повествования, зато помогает восстановить прогалы в знании: о природе Джека и Самайнтауна, не говоря уж о предыстории второстепенных героев. В конце все разрозненные эпизоды-флешбеки встают на свои места.

Нужно просто прочитать до конца, чтобы события сложились в целую сагу. Камерная история о волшебном городке и его жителях оказывается здесь чем-то много большим. В «Саммайнтауне» ощутим совершенно иной подход Анастасии Гор – в сравнении с другими ее книгами, – к языку, сюжетостроению, психологизму героев и работе с подтекстами, в числе которых и большое количество аллюзии. Итого получается история о чувстве вины, предназначении и утратах, которые каждый переносит по-своему, но не каждый умеет принять и двинуться дальше. Для таких в мире Анастасии Гор не остается будущего. «Самайнтаун» – увлекательнейший роман, сочетающий и психологическую прозу, и мистический детектив, да к тому же встающий в условный канон «хеллоуновских текстов» как влитой. И пусть читателей не пугает объем – это одна из редких книг, где он незаметен. И критически необходим.

Денис Лукьянов

В начале лета 2024 года на фестивале «Большая книга» в славном городе Новосибирске слушал дискуссию авторок янг-эдалта. Помимо прочего там задавали вопрос, чего не хватает в ЯЭ – и ответ, честно говоря, меня слегка удивил. Не хватает, говорят, антиутопий, нет у нас своих «Голодных игр», обидно прямо!

Тут, конечно, для серьезного разговора надо проводить исследование, собирать статистику, но по моим ощущениям как раз антиутопий в русскоязычной литературе в последние полтора-два года появилась уйма. То есть расцвет условного «жанра», конечно, остался в прошлом, в той эпохе, когда межавторские серии неудержимо манили писателей звоном монет. Ну, помните – известная франшиза про метрополитен после ядерной войны,

другая франшиза, про катастрофу в зоне отчуждения у Чернобыльской АЭС: туда авторы ломились толпами, тиражи были миллионные, на гонорары покупали квартиры и яхты. Рыба ищет, где глубже, писатель-фантаст – где гонорары выше. Это примерно конец нулевых, начало 2010-х. Потом читатель подустал, ажиотаж спал, новый подъем интереса к антиутопиям наметился, на глазок, аккурат в 2023-м. Сейчас все гораздо скромнее, с полоч такие книги не метут, но понемногу разбирают.

Что любопытно, за антиутопию сейчас часто выдают просто романы о больных, неблагополучных мирах – в чем-то похожих на наш, в чем-то радикально отличающихся. Хороший пример – «Телефонист» Владимира Чернявского, финалиста премии «Новые горизонты-2023». Роман недурной, много узнаваемых деталей – но при этом история человечества у Чернявского складывалась совсем иначе: в этом мире, например, нет религии, вообще никакой. Вышла книжка в серии «Проект «1984»», и там две трети произведений написаны по тому же принципу. Или вот антиутопией часто называют «Кадавров» Поляринова – а ведь формально это альтернативная история с развилкой на рубеже тысячелетий, другой, соседний поджанр. Но кто ж в такие мелочи будет вникать кроме конченных душнил?

Тут надо оговориться, что все эти приливы и отливы интереса касаются авторов условно начинающих, молодых. Если речь об антиутопиях для взрослых, все более-мене ровненько, без особых пиков и спадов. Виктор Пелевин и Владимир Сорокин как писали антиутопии, так и пишут. Один из самых интересных на мой взгляд романов 2021 года, не только фантастических, «Стекло» белоруса Тима Скоренко – антиутопия, и написан он уж точно не менее технично, чем «Кадавры». Активно нелюбимые

мною «Золотой ключ» и «Факап» покойного Михаила Харитоновна – антиутопии. «Кластер» Дмитрия Захарова – антиутопия. И так далее, вплоть до «Хлорофилии» Андрея Рубанова – это, кто не помнит, роман 2009 года издания.

Я уж не говорю о том, что лучшая антиутопия десятилетия, если не всего двадцать первого века, «Остров Сахалин» Эдуарда Веркина, вышла еще в 2018 году. Переведен этот роман, кстати, на семь языков, включая японский (см. картинке). Но в России о нем знает три с половиной инвалида. Просто не было такого острого, я бы сказал болезненного интереса журналистов и книжных обозревателей к этому типу литературы, отличные книги не получили того резонанса, которого заслуживали. Ну, будем надеяться, авторам новых антиутопий повезет больше. Даже если художественно их романы – слабее.

Можно цитировать, да.)))

Василий Владимирский

6 сентября:

Прочел тут, что Конни Уиллис готовит нам очередную роман «Оксфордского цикла», рабочее название – The Spanner in the Works («При помощи гаечного ключа и такой-то матери Всё идет не по плану»), там по сюжету женщина из 1980 года попадает в будущий Оксфорд, что типа невозможно, и ее пытаются вернуть, но всякий раз промахиваются и попадают в разные периоды жизни Оксфорда, поэтому там среди персонажей – Перси Биш Шелли, Льюис Кэрролл, Дороти Сэйерс, инклинги (то есть Джон Р. Р. Толкин, Клайв Стейплз Льюис и Чарльз Уильямс), в общем, «вся его братва и семья». Намечено к выходу в июне 2025-го. Впрочем, на русский не перевели и предыдущий текст цикла, дилогию Blackout/All Clear.

Это я просмотрел список готовящихся книг от Locus. Не могу сказать, что там прямо вот много всего, чего душа желает. Разве что Роберт Джексон Беннетт, A Drop of Corruption («Капля развращения») – еще один роман о детективе Ане Долабре, сиквел к The Tainted Cup, которая ждет меня на книжной полке.

Николай Караев

7 сентября:

Хол Клемент «Экспедиция «Тяготение»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Хол Клемент – писатель из так называемого Золотого века фантастики. Он известен в нашей стране гораздо меньше, чем, например, Роберт Хайнлайн или Рэй Брэдбери. Тем не менее в библиографии писателя можно найти немало интересных работ, самой признанной из которых и является

«Экспедиция «Тяготение». По жанру роман можно отнести к «твердой» научной фантастике и поджанру ксенофантастики.

По сюжету экспедиция землян отправляется на планету Месклин, где условия максимально суровы. Планета движется по сильно вытянутой эллиптической орбите и сама имеет необычную форму. В результате этого на экваторе сила тяготения равняется 3-4G, а на полюсах 700-800G. Добавим к этому температуру в полторы сотни градусов Цельсия ниже нуля, океаны из жидкого метана, атмосферу с преобладанием водорода и получим место, где точно не захочет жить ни один человек. Однако вопреки ожиданиям землян на Месклине имеется вполне развитая биосфера и даже разумная жизнь. Месклиниты внешне напоминают членистоногих – что-то среднее между раком и гусеницей длиной чуть более фута. Живут они как раз-таки ближе к полюсам, в зонах максимальной гравитации, вследствие чего их тело по крепости превосходит сталь. Помним же про 700G... В самом начале романа между землянами и месклинитами устанавливается первый контакт. Проходит он максимально

мирно, что довольно редко для фантастической литературы. Один из учёных-землян, Чарлз Лэкленд, заводит дружбу с торговцем-месклинитом, Барленнаном, и они обмениваются сведениями о культуре и достижениях своих цивилизаций. Да-да, абориген без особых усилий выучил английский язык. Результатом этого общения стало то, что Лэкленд попросил Барленнана помочь найти ракету, потерпевшую крушение в зоне высокого тяготения. По понятным причинам сами земляне не могут отправиться в те регионы, а на ракете находится дорогостоящее оборудование, содержащее важные сведения о физических явлениях на Месклине. Храбрые маленькие аборигены с энтузиазмом отправляются в путь.

Хола Клемента нередко называют фантастом-технарем. Очень много внимания он уделяет подробностям культуры и физиологии месклинитов, а также физике их планеты. Кого-то такое обилие научных данных может утомить, но лично мне было интересно читать про особенности жителей планеты, столь непохожей на нашу. Например, для них не существует понятия прыжка и полета, а падение даже с совсем небольшой высоты может оказаться смертельным. Их корабли состоят из множества скреплённых друг с другом плотников (иначе не пережить гигантские волны этого мира), а дома не имеют крыш. Все это помогает создать цельный образ чуждой нам культуры. Способствует этому и хорошая научная составляющая романа. Автор объясняет происходящее с точки зрения физики, химии и биологии.

Большая часть романа посвящена путешествию команды Барленнана к потерянной ракете. Это довольно простой и линейный квест, похожий на классику приключенческой литературы. Однако на

своем пути месклениты встретят немало опасностей, что делает роман динамичным и нескучным.

Минусом романа для меня стала некоторая нереалистичность образа месклинитов. Я совсем не про описание физиологии существ живущих при предельном тяготении. В моей голове не укладывается тот факт, что живые организмы, сформировавшиеся в столь отличных от наших условиях, имеют столь сходное с нами мышлением. Хотя и этому факту я попытался найти логичное объяснение.

Довольно необычным для фантастики того времени был мирный первый контакт. К тому же, именно человечество выступает здесь в роли венца творения. Месклениты многому хотят научиться у технически развитых людей. А что если убрать всю фантастическую составляющую и под этим углом посмотреть на роман. Более технически развитая держава встречает слаборазвитых аборигенов. Это ли не история столкновения европейцев с многими племенами туземцев. Однако это лишь мое мнение, и не обязательно правильное.

Итог: «Экспедиция Тяготение» – интересный образец ксенофантастики. Хотя месклениты и получились излишне человечными, за их приключениями было интересно наблюдать. Роман изобилует научными подробностями, поэтому подойдёт для неспешного вдумчивого чтения.

Алексей Севериан

Китайцы создали Джарвиса – ИИ-дворецкого легендарного Тони Старка.

Приложение Zhixiaobao действительно напоминает Джарвиса – ИИ-дворецкого из фильма «Железный человек», управляющего всеми внутренними системами лаборатории Тони Старка, его домом, доспехами и т.д.

Приложение Zhixiaobao, интегрирующее работу многих ИИ-агентов, разработано китайским финтех-гигантом Ant Group, оператором одного из крупнейших в Китае платежных сервисов Alipay.

По информации разработчиков, ИИ-агент по голосовым командам людей осуществляет доступ к более чем 8000 цифровых услуг и более чем 4 миллионами мини-приложений, предоставляемых Alipay, что делает его полезным практически для всех онлайн-функций на материке.

Команды для заказа доставки еды, создания круговой диаграммы анализа ежемесячных расходов, пополнения счета мобильного телефона, проверки статуса доставки посылки, записи на прием в больницу и т.д. и т.п. можно мгновенно выполнить в приложении, нажав на различные сервисы Alibaba, включая торговую платформу Taobao, логистический сервис Cainiao, службу доставки еды Ele.me и онлайн-картографический сервис Gaode.

Приложение также предоставляет ряд встроенных агентов искусственного интеллекта, таких как «репетитор английского языка» и «фитнес-профессионал», каждый из которых обладает определенными предметными знаниями, что делает их экспертами в своих областях.

Интегратор ИИ-агентов сделан на основе LLM Bailing от Ant Group. И его пользователи могут либо

загрузить мобильное приложение, либо просто открыть домашнюю страницу приложения Alpaу.

Посмотрим, как это все будет работать. Но ничего подобного в области интеграторов сервисных ИИ-агентов пока не слышно ни от OpenAI с Microsoft, ни от Google.

Сергей Карелов

8 сентября:

Если кому-то в жизни не хватало человекоподобной панды с сиськами, вот и она. И это не хухры, это Всероссийский конкурс фантастики и проектирования будущего в сеттинге «Берлога». Конкурс проводится по 11 номинациям, включая «рассказ». Призы за первые три места – 20, 10 и 5 тысяч рублей, большие деньги. Все работы должны разви-

вать сеттинг «Берлога», созданный в рамках Национальной киберфизической платформы. В жюри там Сергей Переслегин, Вадим Панов, Сергей Чекмаев, Вячеслав Макаров (sapienti sat) и другие люди. Сеттинг «Берлоги» – это, видимо, вот оно: *Основа энергетики – медовая инфраструктура (на Берлоге, в отличие от Земли, не успели сформироваться каменный уголь и нефть)... Мы получаем снимки полей медоносов, механизированных пасек, караванов стратостатов с мёдом, тянущихся от пасек к городам и космопортам...*

Николай Караев

(Досматриваю второй сезон «Дома дракона»)

– Вступайте под наши знамёна, или мы отрубим вам голову!

– Нас вообще тут в замке трое: я, какая-то баба и гусь. Можем поставить под знамёна гуся. Головы рубить тоже можете начать с него.

– Ходят слухи, что ваш род незаконно лишили права на соседний замок, мы могли бы посодействовать...

– Ой, там крыша течет и даже гуся нет.

– Вам нужны гуси? Мы можем прислать десятки, сотни гусей в обмен на армию!

– Это особый гусь. Согласно древнему пророчеству...

– Бабы сказки! Наш род издревле плевал на пророчество и запекал гусей в пирогах!

– А тесто дрожжевое брали или бездрожжевое?

– Дрожжевое. Матушка моя перед полетом на драконе всегда месила квашню к удаче.

– Великие дела творила ваша матушка. Помнится, мельницу моего деда сожгла, озорница.

– Вы желаете мельницу?

– Иметь мельницу в наше время – рискованная затея. Того и гляди сожгут, и мыши опять же.

– Мыши – к дурным вестям.

– Непокойно нынче в королевствах.

– Темные времена. Даже драконам мяса недокладывают.

– Отойти бы от дел. Хозяйство завести, овец там, курей, репу. От трона этого занозы знаете какие?

– У милорда так вообще геморрой выскочил. С кулак.

– От геморроя луковую шелуху хорошо.

– О, извольте рецептик написать, лекарям с воном отправлю. Да и у меня самого, признаться...

– В нашем возрасте покой нужен, ванны теплые, послеобеденный сон. А вы то на коне, то на драконе. Знамена эти ещё. Вы их хоть стираете?

– Какое там. Всех прачек казнили за нелояльность. Принцы гнойниками пошли, вроде как яд в простынях.

– Ох, грехи наши тяжкие. Так чего вы хотели-то?

– Да... Забыл уже, ну его в пекло.

– Хотите, я разбужу для вас гуся?

Дарья Бобылёва

сгоняла двумя днями в другую столицу по делам между делами:

– пила гонконгских гусей с переводчиком Сергеем Карповым

– и стаут под дыню с писателем Владимиром Березиным

– с ними обоими рубились на темы первого, второго и десятого порядка и немного про колониализм

– таскала книги с писателем Шимуном Врочекком

– и побывали с ним почти в хорроре

– слипстримно пробежала сквозь ММКЯ в компании с панк-редактором Асей Шев

– запивала баранину портвейном в гостях у беллетриста Алёны Михалковой

– чесала пузо самому литературному псу Патрику

– а прямо сейчас возвращаюсь к самому соскучившемуся коту Чехову

кажется, получилось на редкость концентрированно (при том, что вчера я вообще-то весь день работала на корпорацию) и литературоцентрично

на фотопруфах остались только самые великие и самые очаровательные

К.А.Терина

Майкл Скотт Роэн

The Lord of Middle Air (1994)

XIII век, Англо-шотландское пограничье. И без того нелегкая жизнь местного простонародья и мелких феодалов становится еще тяжелее, когда король Александр II отправляет наместником одной из земель некоего лорда Николаса де Сули. Вместо того, чтобы навести порядок, лорд становится во главе местных бандитов, которые теперь не просто крадут скот у соседей, но и подрывают

их авторитет, тем самым позволяя де Сули в будущем расширить свои владения за чужой счет. Сделать ничего нельзя, ведь его назначил сам король, и он попросту не признается в том, что совершил ошибку. Ко всему прочему, быстро распространяются слухи, согласно которым наместник – самый настоящий колдун, заключивший сделку с дьяволом.

С произволом де Сули, засевшего в неприступном замке Эрмитаж, сталкивается и Уолтер Скот – семнадцатилетний сын лорда Роберта, чьи земли особенно часто подвергаются набегам. Во время погони за украденным стадом происходит то, чего никто не ожидал: на пути воров встает вернувшийся из дальних странствий сосед и родственник Уолтера и Роберта – Майкл Скот, человек загадочной судьбы и необычайной учености, покинувший родные края почти двадцать лет назад. Сам облик Майкла, а также его поступки буквально вопиют о том, что на землях несчастного Пограничья теперь уже не один черный маг, а целых два, причем у обоих имеются некие планы.

И что же теперь делать юному Уолтеру Скоту?..

Честно скажу, что про Майкла Скотта Розна я до недавнего времени не слышала, хотя у него на русском издано целых пять романов. The Lord of Middle Air, по-моему, и в оригинале не слишком заметили – на Goodreads у книги всего 57 оценок, средний балл 3,51 и шесть достаточно невнятных отзывов... По-моему, это несправедливо. Но давайте по порядку.

Майкл Скот – реальная и весьма интересная историческая личность, шотландский ученый, математик, философ и переводчик с арабского, а также придворный астролог императора Фридриха II. Но помимо настоящего Майкла Скота, есть еще легендарный – крайне могущественный черный маг,

которому покорялись демоны, и не было предела чудесам, которые он мог сотворить.

За колдовские деяния Данте отправил его в восьмой круг Ада:

А следующий, этот худобокой,
Звался Микеле Скотто и большим
В волшебных плутнях почитался докой.
(Пер. М. Лозинского)

Майкл неоднократно появлялся в литературных произведениях разных авторов, в частности, интересовавшийся его персоной Вальтер Скотт не только записывал соответствующие легенды, но и включил его в свою поэму «Песнь последнего менестреля»:

В тех дальних краях привело меня что-то
Под кровлю кудесника Майкла Скотта,
Известного всем мудрецам:
Когда в Саламанке, магистр чернокнижья,
Он жезл поднимал – дрожали в Париже
Все колокола Нотр-Дам.
Его заклинаний великая сила
Холм Элдонский натрое раскроила
И Твида течение остановила.
(Пер. Т. Гнедич)

И вот Майкл Скотт Розн в 1994 году написал роман про своего... в каком-то смысле тезку. Совпадение? Нет. Мать писателя – из того же рода, что и средневековый маг (но прямых наследников у Майкла Скота не было).

Строго говоря, сюжет у этой книги достаточно простой: все вертится вокруг мести Уолтера Скота Николасу де Сули за двойное оскорбление, нанесенное его роду – подлое убийство отца и кражу невесты. Майкл Скот поможет родственнику из соображений, которые я не буду раскрывать, а финал

истории не будет сюрпризом для того, кто знает упомянутые легенды (с учетом небольшого хронологического сдвига, в котором сам автор признается в предисловии).

Конечно, по законам жанра мы понимаем заранее, что месть свершится, но как именно? Волтера Скота ждут поразительные приключения, полные колдовства и волшебства, ему предстоит многое пережить и понять о мире и самом себе. Все эти перипетии описаны потрясающе красивым языком – тот не столь уж частый случай, когда у всех героев разная манера речи, соответствующая их образованности; но предупреждаю, что смысл шотландского просторечия второстепенных персонажей иногда удастся угадать лишь по контексту (или не удастся). В историческом смысле *The Lord of Middle Air* настолько соответствует эпохе, что иногда возникало ощущение, будто я читаю «Айвенго» или какой-то другой классический роман, но с магией. Впрочем, для кого-то это будет антирекомендацией.

Легенды про Майкла Скота, использованные автором, включают те, в которых фигурирует его самый могущественный демон-прислужник (вы быстро догадаетесь, кто это, но я все же оставляю его персону в тайне); историю о чуде на пиру у Фридриха II, которая в романе получила довольно неожиданное преломление; слухи про его обучение черной магии в школе самого дьявола – и это, ха-ха, знакомая некоторым Шоломанча, да, та самая школа соломонаров, где учился и граф Дракула. Учтены, по мере необходимости, и реальные факты из жизни героя, в первую очередь, его философские и научные достижения. И финал романа, заставивший меня слегка возмутиться, тоже в каком-то смысле соответствует биографии Майкла Скота, но выглядит чуть-чуть несообразно – и это единственный минус, который я могу отметить.

Так или иначе, мне понравилось. Рекомендую, в первую очередь, любителям мифопоэтического фэнтези и историй про Страну фей/эльфов в ее классическом виде.

Наталья Осояну

В ФБ Майкла Суэнвика – отличное фото Джеймса Патрика Келли. Суэнвик называет его *insouciant*. Беззаботный типа.

Николай Караев

Александр Дубовский

9 сентября:

Еще одно видео (https://www.youtube.com/watch?v=F_iQtMh9Ac&t=2s) о Леме с youtube канала RocketMan. На этот раз об “Эдеме”. Если видео о “Солярисе” я восприняла скорее нейтрально-положительно (с упором на нейтрально), то разбор “Эдема” от того же автора мне понравился намного больше. Обстоятельная и сдержанная подача, не-

много актуалочки и неожиданное для меня сравнение романа Лема с “Обитаемым островом” братьев Стругацких (я почему-то никогда не думала в сторону такого сопоставления). Короткая цитата для заправки:

Если на планете Эдем такие группы проживали в отдельных поселениях, то изолированные друг от друга идеологическими и прочими ментальными барьерами группы на планете Земля проживают рядом друг с другом. В них постоянно циркулируют гнев и ненависть по отношению ко всему, что не вписывается в их текущее видение мира. В этом мы уже значительно превзошли двутелов.

Инар Искендрова

Сделал вот такую книжку:

Дж. Г. Баллард «Империя Солнца»

448 стр., тираж 20 пронумерованных экземпляров.

Роман 1984 года, экранизированный Стивеном Спилбергом.

К проверенному классическому переводу добавлены иллюстрации и карта места действия.

Сергей Соболев

Из ФБ-мемориз, три года назад (ощущаются как десять):

Переводчик Владимир Бабков про фантастику:

Авторы этих книг, сказал я, – люди с бедным воображением. Они не в силах справиться с Реальностью. Ошеломленные крошечным ее кусочком, какой-нибудь песчаной дюной (а по-нашему барханом), они тащат ее к себе в дупло, как белка орех, и раздувают там до размеров Вселенной. Они населяют свои миры, бесконечно более примитивные, чем настоящий, плоскими подобиями людей и играют этими картонными фигурками в любовь и войну, потому что настоящие любовь и война им не по зубам. (Все персонажи Гибсона – пустышки. Кейс – пустая гильза, о чем говорит и его имя. Молли Милльонс состоит в основном из кошачьих когтей; это прекрасный архетипический образ, но не маловато ли для живого человека? И т.д.) Самое лучшее, что есть в этих мирах, – кусочки Реальности (как сленг шестидесятых, на котором говорят обитатели гибсоновского будущего), так на кой черт нужно все остальное?

Это не очень-то справедливо, и к тому же не очень честно, потому что я и до сих пор иногда читаю (ну, пытаюсь) фэнтези, фантастику и всякую такую муру. Но по крайней мере себе я, кажется, все-таки что-то объяснил.

Ну это ладно, у каждого свое мнение. Но в комментариях же сразу началась чистая классика, отмазывание тех, кто нам лично все-таки нравится. «Маркес, Кафка, Джойс – занимались реальностью»; «Лем из лучших, потому что он не миры создавал, а обкатывал философские идеи и парадоксы. Так что это не вполне фантастика, больше логика»; у Стругацких «притчи»; Брэдбери надобно отнести «в роман-

тики, ну или просто в исключения» (вар.: «не совсем фантаст, а в первую очередь лирический писатель-романтик»; Воннегут – «больше сатирик»)...

Мне все это напоминает старую историю, рассказанную Нилом Гейманом (лежит где-то на Ютьюбе): как он пришел получать какую-то крутую премию от Архисурьезного Реалистического Литературного Истеблишмента и, на весьма почетном месте в ожидании сидючи, выслушал оратора, который с трибуны гнал про «всякие там комиксы», все как один глупые, неживые и так далее. Ну, Гейман как честный человек потом встал и говорит: я, мол, тоже комиксы пишу. Если что. Ну мало ли. Тут оратор преобразается лицом и говорит: дорогой Нил, вы извините, но это же у вас не комиксы – это у вас ГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН!.. Ну и, говорит большой умища Нил Гейман, я себя ощутил как шлюха, которую объявили королевой бала.

Николай Караев

Александр Дубовский

Я уже показывала вам этот арт – череп на огромном камне в воде. Но историю точно не рассказывала. Даже не историю, а так – крохотную фишку о совпадениях в жизни и текстах.

В общем, несколько лет назад я написала большую повесть фэнтези (9 авторских или 8) и там одно ужасное существо оживало, если подростки рисовали его череп-морду на большом камне.

Нет, я никогда не видела такого. У нас обычно камни, если и раскрашивают, то однотонно. А в прошлые выходные увидела и камень, и морду-череп.

Совпало.

Екатерина Каретникова

10 сентября:

Марк Хэмил почтил память Джеймса Эрл Джонса:

Покойся с миром, отец.

Мир фантастики

Sci-Fi Drama ‘The Inquest of Pilot Pirx,’ From ‘Solaris’ Author Stanislaw Lem, to Be Adapted by Adrian Tchaikovsky (EXCLUSIVE)

Когда-то именно с «**Рассказов о Пилоте Пирксе**», которые мне порекомендовал мой преподаватель по физике, началось мое знакомство с творчеством **Станислава Лема**. Так что новую экранизацию буду ждать с большим интересом, тем более что за сценарий отвечал **Адриан Чайковский**,

которого я бы отнес к числу наиболее примечательных современных авторов научной фантастики.

Дмитрий Злотницкий

Отзыв о книге Нила Геймана «Американские боги»

Жёстко? Неожиданно? Да.
Загадочно? Определённо.
Понравилось? Нуу...

О чём книга

Что происходит с богами, когда мы пересекаем океан в поисках нового дома? Они путешествуют в наших сердцах, поселяются на новых землях, заботятся о тех, кто в них верит, и карают врагов. Но проходит время, сменяются поколения, и под влиянием других народов, вероисповеданий, прогресса вера слабеет. Новые идолы жестоко вытесняют старых богов, перебивая гордецов по одному. Только в объединении есть надежда на спасение. Грядёт буря. Грядёт война за сердца людей.

«Люди верят, думал Тень. Вот в чем все дело. Люди верят. А потом отказываются брать на себя ответственность за то, во что верят; они

создают, а потом не доверяют созданному. Люди населяют тьму призраками, богами, электронами, сказками. И это вера, крепкая как скала вера, заставляет вращаться землю».

Пару слов о книге

1. Сюжет и атмосфера

Книга – сплошная загадка. С первой главы Нил Гейман нагнетает атмосферу надвигающейся бури, подкрепляет странными событиями и не спешит с объяснениями. Вместе с главным героем я по крупицам собирал картину воедино, но даже на середине книги не было полного понимания происходящего.

Большая часть повествования – размеренная вербовка богов. Моментами даже становится

скучно, но сюжетные повороты, как наковальня Тора, оглушают и приводят в чувства.

Шикарная концовка. Понравилось настолько, что хочется закрыть глаза на минусы.

2. Персонажи

Больше всего понравился второстепенный персонаж – жена главного героя. Сцены с ней на протяжении всей книги шокирующие, загадочные, чувственные.

Остальные персонажи показались блеклыми. Намешано очень много пантеонов богов и как следствие – поверхностное раскрытие как самих персонажей, так и культуры каждого народа.

3. Противостояние богов

Эту тему классно раскрывает Бром, а здесь получилась какая-то бредятина. Люди попали под влияние зомбоящиков, кредитов, опиума и тп. Окей. Но сочетание киберпанка и язычества у меня совершенно не вяжется. Техномальчик против Одина. Чегоо?

«Нет слепцов хуже, чем те, кто не желает слушать».

Алексей Пак

Кстати, про **Адриана Чайковски**. Он являет собой редкий пример автора, который начал работать на ниве фэнтези, которое безусловно сейчас куда более популярно, чем научная фантастика, но по-настоящему прославился именно благодаря последней.

Я пробовал несколько его ранних фэнтезийных книг, но они меня не впечатляли, а вот его фантастические работы, в особенности **«Детей времени»**, я читал с огромным удовольствием. Но прямо

сейчас слушаю его недавний фэнтезийный роман **House of Open Wounds**, и хотя по трети книги делать окончательные выводы рано, пока кажется что у неё есть все шансы получить от меня очень высокую оценку.

Дмитрий Злотницкий

11 сентября:

Еще одна западная новинка. Главная героиня – человек, лояльная подданная межпланетной торговой империи, дослужилась до первого лейтенанта на межзвездном карго-судне, но тут капитан судна умирает, а героиню обвиняют в убийстве и еще в измене. И сажают в тюрьму. Но героиня оттуда как-то выбирается – и отправляется мстить обидчикам и всей империи.

Полагаю, в финале она добирается до императора, а еще лучше – императрицы, и когда уже вот-вот свершится правосудие, императрица так смотрит на героиню и говорит:

– Эдмон Дантес, ты?

И героиня такая:

– Фернан де Морсер, сука, вот ты где!

И бластером отжигает суке все тентакли.

Судьба переложений всегда интересна. Есть вот «Тигр! Тигр!» Альфреда Бестера по тому же «Графу Монте-Кристо». Есть аниме «Ганкуцуо», там далекое будущее и всякий космос. Теперь вот и «Графиня» есть.

Николай Караев

Эту дату забывать не следует.

Помнится, 11 сентября 2001 года, придя с работы, я включил телевизор (тогда его ещё имело смысл смотреть) и решил поначалу, что мне демонстрируют какой-то жуткий триллер, фильм-катастрофу.

И лишь через несколько минут с ужасом понял, что всё это взаправду...

Двадцать три года прошло с того страшного дня, когда на Цивилизацию, нагло ощерившись, обрушилось inferнальное варварское Зло. При этом цинично использовав для своего нападения плоды трудов этой самой Цивилизации.

Ящик Пандоры распахнулся настезь, и с того момента мы все обвалились в новую, плохо предсказуемую эпоху, где возможно всё что угодно. А извлекла ли Цивилизация уроки из кошмара 11 сентября – ох, не знаю, не знаю. На данный момент как-то незаметно.

И печальные события текущего 21-го века пока совершенно не дают надежды на наступление лунчезарного Полдня в 22-м...

Андрей Стругацкий

Ким Стэнли Робинсон «Красный Марс»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Довольно давно в моих списках на прочтение фигурирует «Марсианская трилогия» Робинсона. Я уже знаком с его ранним («Дикий берег») и поздним («Нью-Йорк 2140») творчеством, поэтому

захотелось всё же лучше узнать самый масштабный проект автора.

В первую очередь роман о колонизации Марса. Две космические сверхдержавы, США и Россия, отправляют на Марс первую сотню колонистов. Все они – выдающиеся учёные, лучшие в какой-либо из областей. Сначала им предстоит долгий перелёт до планеты, затем обустройство первой колонии. Довольно подробно описаны взаимодействия астронавтов: они спорят, создают группы, влюбляются и строят собственные планы на жизнь на красной планете.

По прибытии страсти разгораются ещё сильнее, вопросов возникает всё больше. Нужно ли терраформировать Марс или оставить всё как есть? А если нужно, то до какой степени? Какие страны будут управлять красной планетой? Что делать с ненасытными аппетитами транснациональных компаний, воспринимающих Марс лишь как источник ресурсов и перевалочный пункт для мигрантов? А что если установить местное самоуправление? Вопросов действительно много, и на все героям придётся найти ответы.

Структурно роман делится на восемь частей, в центре каждого свой конфликт. Лучше понять происходящее и посмотреть на конфликт с разных сторон помогает то, что в разных частях повествование идет от лица разных ПОВов. События романа растянуты на несколько десятилетий. При этом главные герои остаются в добром здравии и ясной памяти благодаря антивозрастной терапии. В это время покорение Марса будет идти довольно активно, задевая интересы большого количества социальных групп, что в итоге приведёт к революции.

Теперь немного об основных героях, характеры которых раскрыты очень подробно. Фрэнк Чалмерс – успешный политик, во всём конкурирующий со своим другом – Джоном Буном. Его прошлое было полно трудностей, и он своими силами добился положения в обществе. Джон Бун – лидер американской группы первой сотни, первый человек на Марсе и очень уважаемый политик. Грезит идеей создания на Марсе идеального общества равных. Благодаря уму и харизме чрезвычайно популярен, как у землян, так и у колонистов. Майя Катарина Тойтовна – лидер российской группы, сильная и харизматичная, хотя и несколько импульсивная личность. Стала причиной раздора между Фрэнком и Джоном, играя их чувствами. Надя Чернышевская – российский инженер, близкая подруга Майи, хотя совсем не похожа на неё по темпераменту. Спокойствие, хладнокровие и уверенность Нади не раз помогали всей команде. Аркадий Богданов – инженер-механик с анархистскими склонностями, мечтающий о независимости Марса от Земли. Его призывы к активным действиям не в малой степени поспособствовали восстанию колонистов. Сакс Рассел – гениальный учёный, сторонник активного терраформирования и лидер группировки «зелёных». Его цель – сделать Марс пригодным для

жизни людей. Энн Клейборн – ареолог, лидер группировки «красных» и ярый противник Сакса. Она борется за то, чтобы оставить Марс в первозданном виде. Хироко Ай – японский биолог, исповедует философию под названием Ареофания, т.е. уважительное отношение к планете. Вскоре именно Хироко становится духовным лидером группы марсиан, увлекающихся мистицизмом. Мишель Дюваль – психолог первой сотни. Койот – легендарная личность среди марсианских подпольщиков. Попал на Красную планету тайком, благодаря Хироко. Это ещё далеко не все важные персонажи. Стоит отметить, что в романе все ведущие роли занимают представители «первой сотни».

Лично меня очень зацепило описание процесса терраформирования Марса. Учёные на наших глазах разрабатывают методики повышения температуры и уровня кислорода, выводят живые организмы, способные жить на Марсе и т.д. Всё это описано очень подробно, и некоторых может отпугнуть. Книга в общем и целом отличается вниманием к деталям и неторопливым повествованием. Любителям экшена также лучше пройти мимо.

Итог: В романе описана история становления марсианской цивилизации длиной в несколько десятилетий. Как всегда, Робинсон много внимания уделяет деталям, научной составляющей, мыслям и чувствам героев. Лично я заранее знал, чего ожидать от романа, поэтому сумел получить максимум удовольствия от прочтения.

Алексей Севериан

Мы сейчас взасос любим все китайское. Партия сказала: «надо!» – комсомол ответил: «есть!». А меня вот больше интригует японская фантастика – она и оригинальнее, и традиции у нее глубже. (Хотя справедливости ради китаец Лю Цысинь четыреж-

ды удостоен главной японской жанровой премии «Сэйун» – не дает японцам спать чувство вины за военные преступления времен Второй мировой). Так вот, в серии «Погода в Токио» только что вышел сборник Аоко Мацуды «Где обитают дикие леди» (おばちゃんたちのいるところ). Судя по аннотации, это истории о героинях классического японского фольклора, живущих повседневной жизнью в современных европейских и азиатских городах – что уже само по себе любопытно.

Вообще на Родных Островах как я понял разбирая иероглифы вместе с гугл-переводчиком, Аоко Мацудо (松田青子) не считается фантастом, она проходит скорее по ведомству «большой литературы». Возможно, поэтому у нее на всех фотках такой испуганный вид. Но в 2021 году на конвенте в Монреале (Канада) этот сборник в переводе на английский был отмечен «Всемирной премией фэнтези» (World Fantasy Award) – уникальный случай в истории награды: с момента основания в 1975-м переводам там ничего не присуждалось, только один раз была вручена персональная премия переводчику.

В общем, вместе с этой книжкой у меня как раз набирается пять томов «премиальной» японской

фантастики. Еще «Пингвинья тропа», «All You Need is Kill», «Империя мертвецов» и «Орган геноцида». Надо будет наконец все их подряд прочитать и сделать обзор для какого-нибудь медиа.

Если какое-нибудь медиа такой обзор закажет, лол.

Василий Владимировский

12 сентября:

Американский Национальный книжный фонд (National Book Foundation) опубликовал шорт-лист (<https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/industry-news/awards-and-prizes/article/95905-2024-national-book-award-longlists-announced.html>) книжек в переводе (для США перевод фикшн – событие куда более исключительное, чем для наших палестин), и это всегда повод посмотреть на имеющуюся фантастику. Тут таких книжек три, две из них переведены с испанского. «Розовая слизь» (Mugre rosa = Pink Slime) Фернанды Триас по аннотации подозрительно напоминает «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» Гарри Гаррисона, точнее, поставленный по этому роману фильм «Зеленый сойлент», в котором этот самый сойлент (господи, ну какой он «сойлент»? это же среднее между soy и lentils, соей и чечевицей, «зеленая соевица» или «чечесоя», ей-бо) делали из, спойлер, людей. Впрочем, может, это и ложная ассоциация. «Древоточец» Лайлы Мартинес (Sarcoma = Woodworm) тоже похож на довольно обычный хоррор: таинственный дом с ангелами и демонами, из которого не могут выбраться бабушка и внучка, пропажа мальчика, всё заверте... (О, мне говорят, вышел и русский перевод в «Инспирии». Отлично.)

А вот третью книгу я буду искать. Это перевод с арабского романа кувейтской писательницы Бусайны аль-Эссы «Библиотека книжного цензора» (вот так, The Book Censor's Library, перевели назва-

ние *ملاعل حطس سراج* – «Хранитель внешнего мира», по-английски книгу долго анонсировали как The Guardian of Surfaces, «Хранитель внешнего»). Это роман про цензора в неназванной арабской стране, который днем читает тексты, отыскивая в них аллюзии на гомосексуализм, неодобренные религии и жизнь до местной Революции, а ночью, во сне, скитается по запрещенным литературным ландшафтам, и дома у него (обычное дело для цензоров, я так понимаю) целая библиотека запрещенки. Обещают что-то вроде Кэрролла, Кафки и Оруэлла. «Революция» как бы отсылает к Ирану, но в Википедии написано, что Бусайна аль-Эсса (на снимке) сама боролась с цензурой в Кувейте – до 2020 года, когда эту цензуру отменили.

Николай Караев

Отличная статья (<https://www.tvguide.com/news/the-lord-of-the-rings-the-rings-of-power-has-an-accent-problem/>) на близкую мне тему – система проносов/говоров в телесериале «Кольца Власти». Речь об accents, но это не акценты (как мне один раз объяснила Татьяна Андреевна Михайлова в ФБ), акцент – особенности произношения, когда говоришь на чужом языке, а тут речь о родном. Короче, статья убедительно доказывает, что сериал с до-тошностью, заслуживающей лучшего применения,

воспроизводит классовую систему прононсов Со-единенного Королевства.

То бишь:

- мохноноги-харфуты, предки хоббитов, «протые», грязные и глуповатые, говорят с ирландским прононсом (причем сценическим, таким, что «актеры Wild Mountain Thyme на этом фоне звучат как Дэниэл Дэй-Льюис», кто в теме, тот поймет), и это ровно тот карикатурный образ ирландцев, который сложился в викторианские времена;

- Том Бомбадил и пустынные харфуты говорят на английском юго-запада, в частности, Бомбадил – с корнским прононсом, юго-западные диалекты ассоциируются с неуклюжими деревенщинами;

- орки говорят на английском с прононсом кокни (!!!), то есть лондонского рабочего класса;

- гномы говорят с шотландским прононсом, типа – тут горы и там горы, просто эти живут снару-жи, а эти внутри, но в целом логично же;

- люди-южане говорят с прононсом севера Англии, он не очень статусный, мягко говоря;

- Саурон, эльфы, нуменорцы говорят на Received Pronunciation, это такой классический британский английский высших классов, на котором в наше время общаются королевская семья и еще 2% жителей острова;

- на том же RP говорит колдун из местности харфутов, потому что он – истари; как сказала мне жена, актер Киаран Хайндс – из Белфаста – мог бы и задуматься немного над тем, чего он творит;

- когда Саурон изображает человека, он гово-рит с северноанглийским прононсом, а как изобра-жает эльфа, так тут же переключается на Received Pronunciation.

То есть показывается то, чего у Толкина нет в принципе: что в Средиземье (а) прононсы играют классово (а в контексте мира еще и расово) разли-

чительную роль, как в Великобритании, и (б) рас-пределены точно так же, как в Великобритании.

Что еще хуже, это прононсы не натуральные, а сыгранные, и часто сыгранные так себе, что дает полный спектр обертонов – от смеха до гнева – для носителей прононсов. Галадриэль и Дурина IV играют валлийские актеры, но разговаривают они с классическим английским и шотландским про-нонсом (а шотландский, мне тут говорят, воспро-извести крайне сложно). Саурона и мохноножицу Нори играют австралийцы, но австралийского про-нонса там и рядом нет (потому что он выведен за пределы британской системы, вестимо). Арондир вообще пуэрториканец.

Автор статьи задает ряд простых вопросов. По-чему прононсы определяют персонажей классово и психологически именно так – почему, скажем, утонченные эльфы не могут говорить с ирланд-ским прононсом, а высокородные нуменорцы – с се-вероанглийским? И почему нельзя было сохранить родные говоры актеров?

Я почему говорю, что мне это близко: в Ирлан-дии есть прононсы, очень много, в каждой мест-ности свой, но нет *классовой системы* прононсов. Это сложно понять людям из культур, где есть дихо-томия «норма/метрополия – диалект/провинция». Актеры из абсолютной ирландской глуши играют в дублинском Театре Аббатства роли аристократов, сохраняя свой говор (который у нас назвали бы «де-ревенским» и искоренили бы к чертовой матери), и никто не слышит «несоответствия». Нет у ирланд-ских прононсов *классовой функции*. А у британ-ских – есть. И в жизни оно по-разному – человек мо-жет быть беден как церковная мышь, но говорить на RP, и наоборот. Но когда это переносится в куль-туру, начинается стереотипизация. По простому – расизм. Грязные простачки у нас будут ирландцы,

дворяне пусть вещают на RP, а орки – ну, оркам в самый раз кокни, да? Кокни – они же такие. «Уроды – они такие же, как Паша, только страшные», прости господи.

И если кто думает, что России это не касается, – вспомните истерику вокруг украинского прононса и высокомерное отношение к беларусскому. Да и к любому «провинциальному» и «деревенскому». Всю эту нормативную, бл, «культуру», которую давно пора пустить под откос.

Николай Каравев

Заканчиваем день странной новостью – Надежда Бабкина и гуманоидный робот по имени Арди спели дуэтом песню «Родина моя» на международном форуме объединенных культур.

«Смотришь – подобие человека, диву даешься: кукла запела!».

Киберпанк, который мы не ждали.
фото из канала Надежды Бабкиной

Мир фантастики

Интересная дебютная ловушка поджидает переводчика в самом начале воннегутовской Cat's

Cradle. (Вообще-то здесь и с названием закавыка: прижившееся у нас «Колыбель для кошки» выглядит сомнительно, потому что веревочная люлька, которую создатель атомной бомбы Хоникер показывает своему сыну, предназначена не для кошки, а для котенка. Правильнее было бы перевести название «Кошачья колыбель(ка)», но тогда получится неприятная для отечественного глаза и уха – хотя приятная для соответствующих англоязычных органов – аллитерация. А замена на люльку не проходит хотя бы из за навязшего у всех в зубах Тараса Бульбы. Вот и думайте, как тут быть.)

Первый абзац оригинала застрял у меня в памяти с самого детства – ну, со школы, потому что именно эту книжку я попытался читать тогда, во все не зная английского и надеясь только на словарь, и сломался уже на второй фразе:

Call me Jonah. My parents did, or nearly did. They called me John.

Мало того, что английские Jonah и John совпадают почти полностью, чего не скажешь о русской паре имен. Здесь прячется еще абсолютно не заметный для читателей оригинала переход от несовершенного вида глагола к совершенному – ну а как им, бедным, его заметить, если у них нет этой грамматической категории? Попробуем перевести этот абзац:

Зовите меня Ионой. Так звали меня родители – ну, или почти так. Они звали меня...

Стоп, стоп! Тут уж точно должно быть не звали, а называли! Звали-то они его, наверно, Джонни или как-нибудь вроде того – и даже если эти странные родители предпочитали полное имя, вариант «Они звали меня Джоном» все равно звучит так, будто подразумевается: «...хотя на самом деле мое имя

было другим». Да и во второй фразе вид, кажется, уже пора менять. И что у нас получается?

Зовите меня Ионой. Так (на)звали меня родители – ну, или почти так. Они назвали меня Джоном.

Вам нравится? Мне не очень (тем более что и имена на русском, опять же, не слишком похожие). Не стоит ли здесь рискнуть и отойти от прямого перевода подальше? Например, так:

Зовите меня Ионой. Вообще-то я Джон – мои родители не угадали с именем самую чуточку.

Ни на чем не настаиваю, но голову поломать, согласитесь, есть над чем. А опубликованный перевод такой:

Можете звать меня Ионой. Родители меня так назвали, вернее, чуть не назвали. Они меня назвали Джоном.

Он кажется мне совсем неудачным, но его разбор я отложу на потом, тем более что происхождение этого перевода окутано густым мраком.

Надеюсь, заинтриговал?

Владимир Бабков

13 сентября:

Бульвер-Литтон Э. *Занони* / пер. с англ.; вступит. ст. Г.О. Шокина. М.: Рипол Классик, 2024. 480 с. (Библиотека Лавкрафта).

Аннотация: Роман выдающегося английского литератора XIX века Эдварда Бульвера-Литтона «Занони» впервые издается на русском языке без купюр, с включением авторских предисловий и послесловия, эпиграфов и примечаний.

В творчестве писателя отразились практически все темы, волновавшие в позапрошлом веке

представителей «эзотерических» сообществ. На что способна человеческая природа? Возможно ли достижение «потомками Адама» некой высшей мудрости? Какие испытания должен преодолеть адепт на пути к этому состоянию? На какие образцы должен равняться современный человек, возжелавший духовного роста – и связанного с этим могущества?

На эти и многие другие вопросы пытается ответить герой публикуемого романа – бессмертный халдейский маг, чьи приключения совпадают с эпохой Великой французской революции.

Николай Подсокорский

Яцек Пекара «Меч ангелов» (сборник)

Жанр: Тёмное фэнтези/Героическое фэнтези

Оценка: 8/10

«Меч ангелов» – третий сборник повестей из цикла Яцека Пекары об инквизиторе Мордимере Маддердине. По своей структуре он не отличается от двух предыдущих. Точно так же в каждой новой повести Мордимера ждёт новое расследование, в котором ему предстоит столкнуться с кознями

нечистой силы. Не обойдут его стороной и интриги дворянства и церковников, которые давно затевают передел власти. В некоторых из повестей временами проскальзывают намеки на сквозной сюжет, но они лишь намеками и остаются. Наибольший интерес представляет именно последняя повесть, но обо всем по порядку.

«Глупцы идут на небеса»

Мордимер Маддердин встречает своего давнего товарища – драматурга Риттера. Тот знакомит инквизитора с актрисой потрясающей красоты – Илоной. Стоит отметить, что в то время молодая девушка, выступающая на сцене, была огромной редкостью. Подмостки не для женского пола. Однако отец девушки был преуспевающим купцом, вполне способным заплатить за необычное увлечение дочери. Благодаря необыкновенной красоте у девушки было множество поклонников, правда все их попытки добиться внимания актрисы не увенчались успехом. Что уж тут говорить, главный герой и сам мог бы влюбиться в нее, если бы не его неблагодар-

ное ремесло. Вскоре к Мордимеру за помощью обращается отец Илоны и просит за некоторую плату найти пропавшую дочь. Согласно его версии, девушку похитил один из отвергнутых ухажеров, питавших к Илоне буквально маниакальную страсть. Да, подобные дела не входят в обязанности инквизитора, но, во-первых, деньги лишними не бывают, а, во-вторых, девушка Мордимеру и правда понравилась.

От предыдущих повестей эта отличается тем маловажным фактом, что зло в итоге так и не было наказано. Точнее пострадали те, кто выбрал меньшее зло, чтобы предотвратить большее. Пекаре удастся создать неплохую интригу, а финал не предугадывался до самого конца. К тому же нам удалось увидеть Мордимера в новой роли – роли защитника и благодетеля.

«Кости и останки»

И снова в центре сюжета противостояние инквизиции и папской церкви. По сути своей это смысловое продолжение повести «Огонь сердца». Именно тогда Яцек Пекара обозначил грядущий передел властей, и Мордимер неожиданно для себя сыграл в этом немалую роль. В городке Столпен появился некто, поедающий трупы. Местные думают на злобного гуля и поручают расследование главному герою. Однако параллельно с этим за расследование берется и папский представитель Маурио Сфорца.

В этом рассказе ярко заметны отличия в работе представителей Святого Официума и папских церковников. Если инквизиторы хотят в первую очередь докопаться до истины, то для церковников основная цель – найти виновных. Это совсем не одно и то же, а, как известно, под пытками любой признает вину. Вот и здесь из-за своих убеждений

Мордимер и Сфорца вступают в противоборство. Чем это закончится и какую роль тут сыграет Весёлый Палач Гаспар вы узнаете при прочтении.

«Сиротки»

В этой повести Мордимер Маддердин прибывает в небольшое селение, где совсем недавно сожгли ведьму. Расправились с ней за похищение двух детей. Якобы она в лесу нашла двух сироток и заманила в свой дом, где пыталась их съесть. Обо всем этом селянам поведали сами спасшиеся дети. Само собой, лишний раз с предполагаемой ведьмой разговаривать никто не стал, и без лишних слов сожгли на костре. Только вот сжигать тварей тьмы – задача исключительно инквизиторов, и за нарушение этого правила можно и самому попроситься с жизнью. Вскоре селяне замечают, что с сиротками что-то не так: многого о своей жизни они не помнят, знакомых не узнают, да и вообще ведут себя странно. Бедному Мордимеру предстоит во всем этом разобраться.

Поначалу повесть показалась мне довольно слабой предсказуемой страшилкой – что что-то не так с сиротками было очевидно с самого начала. Однако считаю, что все это было лишь подводкой для того, чтобы столкнуть инквизитора с более сложной дилеммой. Перед Мордимером встаёт самый сложный выбор, и что победит в нем, совесть или долг, не было очевидно до самого финала. Лично меня его выбор изрядно покорибил, но главного героя ведёт через все искушения его несокрушимая вера.

«Маскарад»

Мордимер Маддердин, инквизитор Святого Официума, привык охотиться на чернокнижников и еретиков. Однако впервые к нему приходит чер-

нокнижник по собственному желанию и просит отвести его в тайную обитель – монастырь Амшилас. Якобы этот чернокнижник вызвал демона, не смог с ним справиться и теперь ищет спасения у святых мужей. В награду за защиту он обещает поделиться с инквизиторами тайными знаниями. Что же в такой нестандартной ситуации делать бедному Мордимеру?

В этот раз главный герой выступает в роли не следователя, а конвоира. Самое большое значение этой повести состоит в том, что нам наконец-то удастся чуть ближе познакомиться с таинственной обителью. Думаю, Амшилас и его тайны сыграют немалую роль в будущем.

«Меч ангелов»

«Меч ангелов» – заглавная повесть сборника. Начинается она довольно заурядно. Епископ поручает Мордимеру разобраться в странном деле. Местный палач, несмотря на немалый опыт, попытался до смерти двух преступников, что является грубым нарушением протокола. При этом практически все, кто при этом присутствовали, умерли при странных обстоятельствах. Единственный выживший, священник, явно что-то недоговаривает, но прижать его к стенке у Мордимера поначалу не получается. Однако главный герой решает проследить за ним, и то, что ему открывается, может повергнуть в ересь даже верующего человека.

В этой повести снова речь заходит о разных трактовках того, кем же на самом деле был Иисус, сошедший с креста. Наша точка зрения в альтернативном Средневековье Пекары считалась бы ересью. Помимо этого перед нами открывается истинная роль Мордимера во всем происходящем. Это опять же даёт огромный задел для продолжения.

Итог: Сборник не уступает предыдущим по качеству повестей. Читать о приключениях Мордимера Маддердина по-прежнему интересно. Структура повестей стала чуть более разнообразной. Я тем временем приступаю к чтению заключительного сборника.

Алексей Севериан

Может быть, дураков не становится больше, но они становятся все активнее.

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Художник Александр Круглов

Венички

Написал внезапно для медиа «Мастера Сибири» о Геннадии Прашкевиче – ну и о его автобиографической книге «Судовая роль», которую давеча выпустил «Престиж Бук». Вообще сперва планировал рассказать о другом новосибирце, Виталии Пищенко, и о ВТО МПФ. Но в процессе понял, что тут надо рассказывать о советской книгоиздатель-

ской системе, о политике в области фантастики за тридцать лет – иначе нифига не понятно будет новому поколению, в чем новаторство ВТО. А заодно про все фокусы «молодогравдейцев», про Щербакова-Медведева, про «четвертую волну» и вообще заметный кусок истории советской фантастики. Получится душновато для не специализированного литературного ресурса. Так что от первоначального замысла пришлось отказаться – Прашкевич пободрее будет.

Василий Владимирский

14 сентября:

Начал читать «СНТ» Владимира Сергеича Березина – это, конечно, никакая не «мистика дачной жизни», совсем не «Вьюрки», нормальный такой хороший, годный Березин. Сидят люди в своих садоводах, травят байки, накапливают какой-то глубоко личный опыт, осмысляют жизнь. Рассказы пока никак не связаны, разве что местом действия (и ежами). Да, что-то странное, непривычное с ними иногда происходит, но без мистики (почти), сверхъестественное в рамках статистической погрешности. Если уж с чем этот сборник и сравнивать, то, пожалуй, с Виктором Пелевиным 1990-х, времен «Омона Ра» и «Жизни насекомых». Только философские телеги покороче, не такие обязательные, без пелевинской назойливости. Ну и обязательная нотка ностальгии добавлена, как без нее. Хотя время действия вроде бы условные «наши дни».

Я, кстати, от своего участка в СНТ как раз только что избавился, о чем не жалею.

Василий Владимирский

ЗОВИТЕ МЕНЯ РИТОЙ (ну да, № 2...)

Передо мной лежит книжка «Библиотека мировой новеллы. Курт Воннегут» (М., Издательский дом «Звонница», 2001). Почему ее составитель Андрей Чигаров решил, что «Колыбель для кошки» – новелла, я сказать не могу, но она входит в сборник вместе с дюжиной рассказов, и в качестве ее переводчицы однозначно указана М.Ковалева. То есть, Маргарита. То есть, дочка.

Но вот чудеса: под тем же, слово в слово, переводом на Литресе стоит копирайт «Р. Райт-Ковалева, наследники, 1992». На Лайвлибе переводчицей названа только Рита. В разных интернет-магазинах и сетевых библиотеках все тот же перевод тоже приписывается одной Рите, а где-то мне попалось примечание, что Маргарита переводила в этой книжке только стихи. Фантлаб уверяет, что «Колыбель» переводили и мама, и дочка, причем каждая самостоятельно, а первый перевод (Ритин) вышел аж в 1970 году, но в советское время я этой книги на русском не видел и очень сомневаюсь, что мог ее прозевать. Впрочем, первой попыткой Рита явно осталась недовольна, поскольку, согласно тому же Фантлабу, перевела книгу заново в 1992 году (предварительно умерев в 1988-м)...

Где же правда? Текстологический анализ я провести не в силах и потому ограничусь простым – но уже в следующем посте, чтобы не превысить магическое число 4096.

ЗОВИТЕ МЕНЯ РИТОЙ (№3)

Напомню первый абзац:

Можете звать меня Ионой. Родители меня так называли, вернее, чуть не называли. Они меня называли Джоном.

С первых же слов озадачивает снисходительность тона. Рассказчик будто предлагает нам вместо полного имени звать его Вовчиком или Петрушей, но мы вроде не просили о таком одолжении, так что не пойти ли ему лесом? Кроме того, как пронизательно заметил в комментариях мой коллега Леонид, начало «Колыбели» прямо отсылает нас к началу «Моби Дика» (а торчащий из-за имени Ионы китовый ус и вовсе не оставляет в этом никаких сомнений), и потому у переводчика просто нет иных вариантов, кроме как стартовать с «Зовите меня...»

Далее, в каждой из трех фраз есть слово «меня», но опытный переводчик обязательно постарался бы развести эти местоимения по разным падежам или избавиться хотя бы от одного из них.

Затем, во второй фразе остался английский порядок слов: подлежащее – сказуемое и т.д., хотя по-русски его надо было бы изменить: так называли меня родители...

Но главный недостаток перевода состоит даже не в этих красноречивых деталях, а в том, что из него бесследно пропала воннегутовская чистота ритма. Воннегут относится к тем не очень многочисленным писателям, у которых вылизана и отлажена каждая фраза (и уж тем более первые!). Для него важны не только сами слова, но и их порядок, и пунктуация – а в переводе все это криво и разболтанно. Перед «вернее» просится пауза – то есть тире, вот такое, – но его нет. В третьей фразе дополнение зачем-то вылезло вперед сказуемого...

Как хотите, но мне не верится, чтобы переводчица с такой капитальной выучкой, как у Риты Райт, позволила себе столько небрежности на самом старте книги. Сдается мне, что создательница этого перевода вполне могла бы представиться таким образом:

Зовите меня Ритой. Вообще-то родители назвали меня не совсем так – они дали мне имя Маргарита...

Владимир Бабков

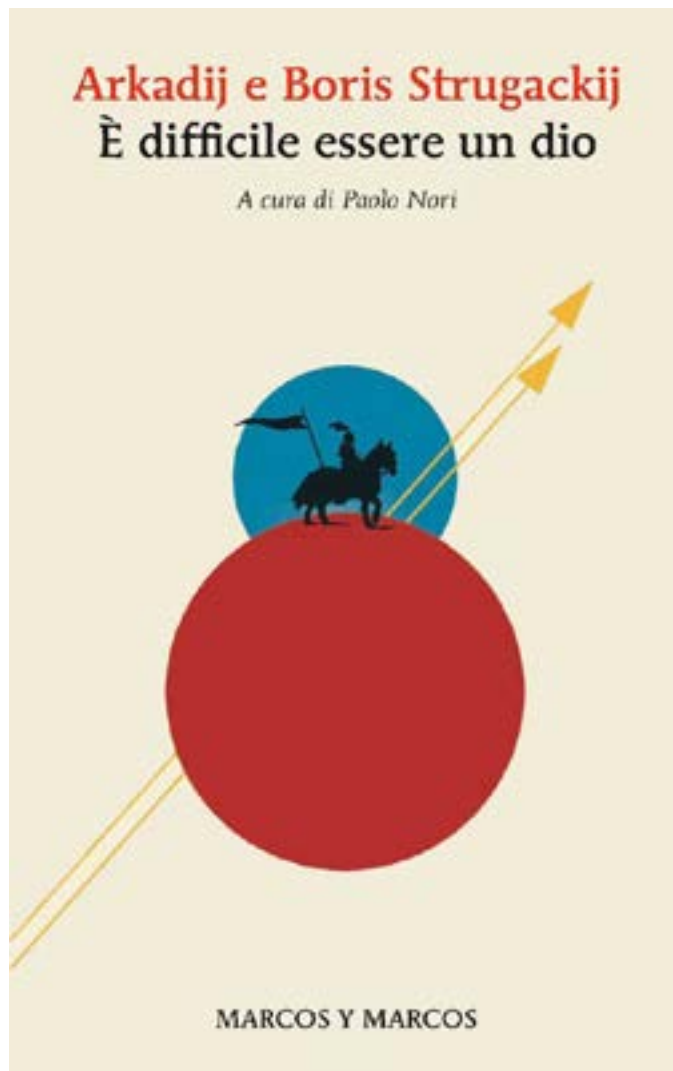
С удовлетворением отмечаю, что в последнее время книги Стругацких не только издаются и переиздаются на Западе, но они ещё иногда и заново переводятся.

В частности, в 2023 году в Италии вышло новое издание «Трудно быть богом», и на этот раз оно переведено с русского языка (предыдущие издания делались с английского перевода Уэндейн Акерман, жены Форреста Акермана, причём Уэндейн перевести Стругацких с немецкого издания! – о том, что в результате таких переводов получалось, можно говорить отдельно). Меня заинтересовало короткое предисловие Паоло Нори, который в Университете Пармы делал диплом по поэзии Велимира Хлебникова, переводил на итальянский произведения Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Хармса, Булгакова.

Быть рабами

Главный герой романа Аркадия и Бориса Стругацких в какой-то момент думает:

Двести тысяч мужчин и женщин. Двести тысяч кузнецов, оружейников, мясников, галантерейщиков, ювелиров, домашних хозяек, проститутток, монахов, менял, солдат, бродяг, уцелевших книголюбцев ворочались сейчас в душных, провонявших клопами постелях: спали, любились, пересчитывали в уме барыши, плакали, скрипели зубами от злости или от обиды... Двести тысяч человек! Было в них что-то общее для пришельца с Земли. Наверное, то, что все они почти без исключений были еще не людьми в современном смысле слова, а заготов-

ками, болванками, из которых только кровавые века истории выточат когда-нибудь настоящего гордого и свободного человека. Они были пассивны, жадны и невероятно, фантастически эгоистичны. Психологически почти все они были рабами – рабами веры, рабами себе подобных, рабами страстишек, рабами корыстолюбия. И если волею судеб

кто-нибудь из них рождался или становился господином, он не знал, что делать со своей свободой. Он снова торопился стать рабом – рабом богатства, рабом противоестественных излишеств, рабом распутных друзей, рабом своих рабов. Огромное большинство из них ни в чем не было виновато. Они были слишком пассивны и слишком невежественны. Рабство их зиждилось на пассивности и невежестве, а пассивность и невежество вновь и вновь порождали рабство. Если бы они все были одинаковы, руки опустились бы и не на что было бы надеяться. Но все-таки они были людьми, носителями искры разума.

Невероятно, как советский фантастический роман, опубликованный в 1964 году, и действие которого происходит на планете, похожей на Землю, но в состоянии средних веков, рассказывает нам о нас почти так же, как история столетней давности, «Записки из подполья», в которых главный герой, человек из подполья, говорит нам:

Ну, попробуйте, ну, дайте нам, например, побольше самостоятельности, развяжите любому из нас руки, расширьте круг деятельности, ослабьте опеку, и мы... да уверяю же вас: мы тотчас же попросимся опять обратно в опеку.

Мы все отвыкли от жизни, все хромаем, всякий более или менее. Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей «живой жизни» какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про неё. Ведь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаем за труд, почти что за службу, и все мы про себя согласны, что по книжке лучше. И чего копошимся мы иногда, чего блажим, чего просим? Сами не знаем чего. Нам же будет хуже, если наши блажные просьбы исполнят. Знаю, что вы, может быть, на

меня за это рассердитесь, закричите, ногами топаете: «Говорите, дескать, про себя одного и про ваши мизеры в подполье, а не смейте говорить: «все мы»». Позвольте, господа, ведь не оправдываюсь же я этим всемирством. Что же собственно до меня касается, то ведь я только доводил в моей жизни до крайности то, что вы не осмеливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумие, и тем утешались, обманывая сами себя. Так что я, пожалуй, еще «живее» вас выхожу. Да взгляните пристальнее! Ведь мы даже не знаем, где и живое-то живет теперь и что оно такое, как называется? Оставьте нас одних, без книжки, и мы тотчас запутаемся, потеряемся, – не будем знать, куда примкнуть, чего придерживаться; что любить и что ненавидеть, что уважать и что презирать? Мы даже и человеками-то быть тяготимся, – человеками с настоящим, собственным телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывальными общечеловеками. Мы мертворожденные, да и рождаемся-то давно уж не от живых отцов, и это нам все более и более нравится. Во вкус входим. Скоро выдумаем рождаться как-нибудь от идеи.

Это сходство, кажущееся мне столь невероятным, станет несколько менее невероятным, если принять во внимание, что этот советский научно-фантастический роман, как мы узнаем из послесловия Бориса Стругацкого, только в одной России за тридцать лет после выхода издан тиражом два миллиона шестьсот тысяч экземпляров, и был переведён в семнадцати странах, включая Болгарию, Испанию, Западную Германию (тогда была ещё и Западная Германия), Польшу, Восточную Германию (тогда была ещё и Восточная Германия, и было бы неплохо сравнить издания в обеих Германиях),

Италию, Соединённые Штаты Америки, Чехословакию, Югославию (тогда они ещё были) и т.д.

Приятного чтения.

Паоло Нори,
Казалеккьо-ди-Рено, май 2023 г.

БВИ

Натан Баллингруд The Strange / Странность

1931, Марс, Нью-Галвестон. Когда на планету пала Тишина, разрушившая все коммуникации между Землей и марсианской колонией, та застыла, парализованная страхом. Анабель Крисп работала в закусочной своего отца, когда на город напала банда Сайласа Мундта. Криспов ограбили, но самое главное, что у них забрали запись с голосом матери, оставшейся на Земле. От отчаяния и ярости Анабель отправляется в путь, чтобы нагнать воров и забрать единственный предмет, дорогой ее сердцу. В компании верного робота, вечно пьяного космического пилота-изгоя и вооруженной до зубов наемницы Анабель нужно пройти через заброшенный шахтерский город, где местные жители мутировали из-за воздействия минерала под названием Странность. А еще путников ждет пустыня и темный кратер Пибоди, где бродят дикие машины. Вскоре путники выяснят, что Марс таит немало секретов, а Нью-Галвестон, когда-то бывший безопасной гаванью, теперь стал коптящей свечой в мире, который пожирает мрак.

Есть особая разновидность ретро-фантастики, которую не стоит читать тем, кто жаждет научности. Ее и близко нет – разве что в виде иллюзии, которая работает лишь при условии, что читатель

согласится играть по правилам, установленным автором. Но, вместе с тем, это и не фэнтези: иначе строится сюжет, иначе описаны герои, все сделано иначе. Такая вот необычная фантастика. Мне первым делом пришло на ум «Сияние» Кэтрин Валенте, которое, кажется, никто из прочитавших не вспомнил (видимо, потому что не читал, и это многое говорит о популярности направления у любителей фантастики, да... впрочем, не будем о грустном). Как и в «Сиянии», в «Странности» можно путешествовать в космосе и жить за пределами Земли без технических ухищрений, которые понадобились бы колонистам при, допустим, современном или несколько опережающем его уровне технологического развития; ну и сами запредельные территории выглядят пусть чуждыми и опасными, но, по сути, вполне земными. Вы готовы к такой высокой степени условности? На ретро-Марсе Баллингруда яблони не цветут (разве что в теплицах), и все-таки в остальном это не настоящий Марс.

Помимо атмосферы ретро-НФ, в «Странности» есть элементы вестерна и хоррора; последний жанр

представляет собой традиционное направление творчества Натана Баллингруда (но не в той форме, где кровь-кишки-жуть-итогадалье; он совсем другой автор). Видимо, здесь опять стоит сделать оговорку: хоррор в «Странности» довольно причудливый, находится не на переднем плане, и любители уже этого направления литературы могут разочароваться. Что касается вестерна, его не комментирую, поскольку не слишком-то разбираюсь в таких вещах.

Ну и что же такое «Странность», если ее нельзя отнести к НФ, хоррору или вестерну в чистом виде? Я вам больше скажу, к категории «роман взросления» тоже отнести нельзя, поскольку главная героиня не меняется (а характер у нее изначально достаточно своеобразный и не самый приятный). Это скорее «роман не-сломления» (или наоборот?), предельно Анабель-центричный. Отсюда следует, что с этой странной книгой нужна внутренняя готовность принять ее как есть и не пытаться засунуть в какой-то конкретный ящик каталожного шкафа.

Простите за длинное предисловие. Итак, перейдем к сути.

«Странность» – рассказ пожилой женщины о том, что с ней случилось в возрасте четырнадцати лет, записанный в обстоятельствах, о которых мы ничего не узнаем до самого финала. Юная Анабель Крисп, какой мы ее видим в начале истории – грустный и замкнутый подросток; она любит отца и тоскует по матери, которая год назад улетела на Землю по семейным обстоятельствам и не может вернуться – вообще, не факт, что она жива, – потому что наступила Тишина, корабли больше не летают, связи нет, и вообще непонятно, что происходит на другой планете. Анабель, кроме отца, ценит лишь псевдоразумного кухонного робота Ватсона, что неудивительно, поскольку настоящих подруг у нее нет.

Привычная жизнь юной Анабель в определенный момент рухнет. Тут стоит отметить, что в описанных условиях существования марсианской колонии все бы обязательно рухнуло рано или поздно, потому что за год, прошедший с начала Тишины, Нью-Галвестон отчаянно пытался жить «как раньше», но всякий разумный человек не мог не понимать, что это не навсегда. Нужен был лишь повод, катализатор – и таковым стал визит Сайласа Мундта с друзьями в закусочную «Матушка Земля». Дальше все заверте... (тут могли быть спойлеры)... и в итоге Анабель пришлось отправляться в пустыню в очень странной компании, чтобы побывать в очень странных местах.

С событийной точки зрения мы как будто видим достаточно традиционный (пусть и короткий) квест: из пункта А в пункт В с остановкой в пункте С и некоторыми приключениями по пути; а затем обратно тем же маршрутом, но другим способом. Сомневаюсь, что описанный Баллингрудом Марс, оказавшийся во власти вещества под названием Странность, способен кого-то испугать – особенно если речь идет об опытных читателях хоррора, – но в моем случае получилось ощутить атмосферу причудливой, нарастающей жути. Могу даже признаться, что до появления сбрендивших боевых машин Марс казался вполне привлекательным и даже в чем-то волшебным. Сдается мне, именно такого эффекта добивался автор, постепенно выводя и героиню, и читателя из зоны условного комфорта – из-под одеяла, лучшей детской защиты от монстров в темной комнате – туда, где зловещими стаями летают необычные марсианские мотыльки и скелет в скафандре возделывает жуткий сад.

Если выйти за пределы событийной составляющей и подумать, что за историю мы видим глазами Анабель, то это будет, по-моему, история о том, как

человечество, в очередной раз играя с несоизмеримо превосходящими силами, успешно доигралось. Причина загадочной Тишины в романе объясняется – да, это объяснение представляет собой теорию Анабель, но теорию, на мой взгляд, очень стройную и крепкую. В глобальном смысле судьба героини аналогична судьбе марсианского человечества: оба условных субъекта – дети, вышвырнутые в жестокий мир, ошарашенные его непонятными правилами, вынужденные искать свое место. И никто этим детям, конечно, не гарантирует вообще ничего.

Баллингруд – из тех авторов, с которыми я, видимо, на одной волне. Что в предыдущих произведениях, что в «Странности» описанные им картины оживают и вызывают трепет, даже если выглядят зловещими. И вот что интересно: вижу сравнения с «Солярисом», хотя здесь стоило бы вспомнить совсем другой роман Лема о столкновении с непостижимым инопланетным разумом, совершенно не похожим на Океан. Точнее, с чем-то инопланетным, смертельно опасным, враждебным – таким, с чем разговор в принципе невозможен. Это я про «Непобедимого», если кто не догадался сам.

Кто победил в столкновении Анабель Крисп с миром, вопрос спорный; не буду навязывать свою трактовку финала. Роман мне очень понравился, но понимаю тех, у кого он вызвал недоумение и отторжение. Так или иначе, Баллингруд – мой автор, и я этому рада.

Наталья Осояну

15 сентября:

Вспомнил, пока писал, еще один классический в узких кругах текст, где редактор вымарал явную фантастику – и текст выиграл. Это «Пикник у Висячей скалы» (1967) австралийки Джоан Линдси. Там

суть сюжета (это не очень спойлер, потому что очарование книги и фильма 1975 года (новый я не смотрел) не в сюжете) в том, что в начале XX века во время заглавного пикника пропали три девочки и учительница – совершенно мистическим образом. Так вот, в рукописи у романа была еще одна, 18-я глава, в которой описывалось, как учительница с ученицами буквально в режиме остановившегося времени пролезают в некую щель в скале в другое измерение. Но редактор посоветовал Линдси это дело обрубить. В результате роман перестал быть явной фантастикой, зато стал классикой – а с этой фантастической последней главой (ее сильно позже издали отдельно) шансов явно было бы меньше, потому что в жизни таинственность идет людям как корове седло, а в искусстве и с книгами/фильмами всё строго наоборот.

Николай Караев

Судя по всему, мало кто смотрел «Пикник у Висячей скалы» 1975 года, так что я воспользуюсь случаем и скажу, что это стоит сделать. У этого фильма есть три достоинства. Во-первых, Энн-Луиз Ламберт в роли Миранды – актрисе 19-20 лет, играет она школьницу, и играет как запредельное, потустороннее, ангельско-непонятное существо. Во-вторых,

музыка. Как ни странно, она основана не на австралийских мелодиях, а на румынских, и она, как бы это сказать... начинается как такое вот светлое, радостное, солнечное, а через пару тактов ты понимаешь, что она тебя схватила и волочет в непонятное измерение. И отсюда вот третье – как сумма романа, актеров, музыки, операторской работы и так далее: это один из очень редких фильмов, которые реально дают ощущение какого-то запределья. Как в той песне БГ, где «всё было неестественно мирно, как в кино, когда ждет западня» – только тут западня за пределами реальности, и отсюда ее понять невозможно, но можно ощутить, и ты, как тот же капитан Воронин, реально переходишь границы в какой-то мифологический континуум. Роман Джоан Линдси родился из ее сна. Такие сны – не редкость, удивительно другое – и она, и люди, снимавшие фильм, эту пространство сна сумели сохранить. Трейлер, в общем, передает это ощущение тоже. И – разгадки не будет. Будет только чувство, которое вам не придется забыть.

Николай Караев

Только посмотрев фильм Кантена Дюпье Daaaaaali!, я сообразил, что никогда не был в доме Дали в Порт-Льигате.

И вот упущение исправлено.

Дом набит чучелами зверей и птиц, в прихожей скалится белый медведь, подаренный Эдвардом Джеймсом, на шкафу стоят фаршированные лебеди, в спальне – козлята, и я чувствую, как в горле начинает плясать аллергия на их шерсть. Гала любила бессмертники, и всюду лежат охапки засушенных цветов. Дали строил и расширял дом в годы франкизма и как-то сосуществовал там без особых забот. Когда Гала умерла, он уехал из Порт-Льигата и больше не возвращался.

И вот теперь по его спальне, гостиной, мастерской, по гардеробной Галы и купальне бродят профаны и фотографируют то, что совсем не предназначалось для их подлых глаз. Все очень печально, и я чувствую, как Дали в раю оскорблен нашествием варваров.

Так что я приобрел травматический опыт. К тому же Дюпье снимал вовсе не в Порт-Льигате, а имитировал его во Франции. Зато Дали там играют шесть актеров, поэтому и букв А шесть.

Дмитрий Волчек

Этой осенью авторов просят встать к стенке и держать руки на виду.

Синенькое фото сделано 10 сентября в «Яндекс-музее» на презентации сборника «Механическое вмешательство» (издательство «Альпина.Проза»), (с) Ира Полярная.

Красненькое – 13 сентября в научно-технической библиотеке СО РАН на фестивале «Книжная Сибирь», (с) Валерий Панов

Шамиль Идиатуллин

Бен Гэлли «Жуткое утешение»

Жанр: Тёмное фэнтези/героическое фэнтези

Оценка: 8/10

«Жуткое утешение» – продолжение романа «Гонка за смертью» из одноименной трилогии. По жанру цикл можно отнести к темному фэнтези со всеми соответствующими атрибутами. Мир романа отчасти напоминает Древний Египет, но с фантастическими допущениями. Действие происходит в Араксе, Городе Тысячи Душ, – столице могучей империи. Только вот в самой империи не все так благополучно. Пока богачи пируют в высоченных башнях, бедняки едва сводят концы с концами. Трущобами правит криминал. Основная фишка цикла – это призраки, или души. Если человек умер в смятении, его душу можно поработить. Призраки служат слугами или солдатами, выполняют самую тяжелую и грязную работу. Есть среди них и свободные, но их число ничтожно мало. Таким образом человек не может обрести свободу даже после смерти. Умерев, например, на каменоломне, раб продолжает трудиться на ней до скончания веков. Призрака можно убить или покалечить оружием из меди,

остальные материалы для них безопасны. Стоит ли уточнять, что в Араксе процветает торговля душами, и человека могут попросту убить и поработить? Официально, это вне закона, но законы соблюдаются очень избирательно. Торы и талы, владельцы душ-рабов, располагают огромным количеством половин монет, к которым и привязаны призраки. Их можно продавать или обменивать. Больше всего душ, конечно же, у императора Аракса.

В первом романе мы в основном знакомимся с главными героями. Мне она напомнила шахматную доску, на которой автор умело расставлял свои фигуры. Вторая же часть – своеобразный мостик к третьему тому, где должен разрешиться глобальный конфликт.

Главный герой – новоиспеченный призрак Келтро Базальт. Гениального вора, взломщика и циника, подставили, в результате чего он был убит и поработен. Он постепенно осваивается в новой форме, бунтует против своих хозяев и неожиданно для себя становится избранником Древних Богов. Для меня Келтро был и остаётся самым ярким персонажем цикла – его цинизм и сарказм в немалой степени украшают роман. Он не в меру нагл, за что нередко терпит побои, труслив и не лезет за словом в карман. Он максимально не подходит на роль избранного, но пути Богов неисповедимы. Получив от них способность вселяться в других людей, Келтро первым делом идёт в таверну и напивается. Избранным быть он совсем не желает и с завидным упорством бежит от своего предназначения. Единственное чего он хочет – это снова быть свободным, даже при условии, что обычные человеческие радости ему теперь недоступны. У очередного своего хозяина он встречает одушевленный клинок Острый, и между двумя пленниками возникает своеобраз-

ная дружба. За их общением было очень интересно наблюдать.

Меньше всего сюжетного времени досталось наследной принцессе Сизин. Она активно плетет интриги с целью захватить престол своего отца, который якобы давно уже не выходит из своего хранилища душ. Благодаря ее замыслам Аракс пребывает в самом настоящем хаосе.

«Жуткое утешение» – самое настоящее темное фэнтези. За отборное насилие, характеризующее этот поджанр, в романе отвечает босс Боран Темса. Этот душекрад с медной когтистой ногой, пользуясь покровительством будущей императрицы, вырезает одного тора за другим, присваивая себе их половины монет. Таким образом, в кратчайшие сроки он становится одним из богатейших людей в Араксе. Многие недовольны стремительным повышением дерзкого выскочки, но поделаться ничем не могут. Главы с Темсой буквально сочатся кровью, переполненные убийствами. Однако стоит отметить, что автор не слишком искусен в подобном, и в тексте много самоповторов, от которых быстро устаешь.

Жена императора Нилит все так же путешествует по пустыне с телом и призраком собственного мужа. Личность этой женщины Гэлли раскрыл лишь в конце первого тома. Устав от беспечности императора, который сбежал из дворца и инкогнито предавался всевозможным грехам на окраине империи, Нилит находит его и убивает, собираясь поработить. Самому императору эта идея, конечно же, не нравится, и он всячески пытается ей помешать. Для осуществления задуманного супруге императора нужно за 30 дней добраться до Аракса и окунуть тело мужа в воды реки Никс. Времени все меньше, а на пути множество препятствий – ведь пустыня жестока.

Помимо вышперечисленных персонажей в романе появляются главы от лица второстепенных персонажей. Это богатая вдова, купившая призрак Келтро, и государственная дознавательница Кодекса, расследующая похищение душ. С одной стороны, их главы придают повествованию большую глубину, а с другой, отвлекают от главного действия. Лично меня немало позлила манера Бена Гэлли заканчивать каждую главу жирным клиффхэнгером. Наступает важный момент, глава кончается, а ты осознаешь, что продолжения ждать нужно ещё несколько глав.

Что мне также не понравилось в романе, так это отсутствие хоть какого-то промежуточного финала. Действий в романе довольно много, но по сути ничего глобально не поменялось. Келтро все так же пытается сбежать, Сизин плетет интриги, Нилит бредёт по пустыне, а Темса творит беспредел на улицах Аракса. С чего начали – тем и закончили.

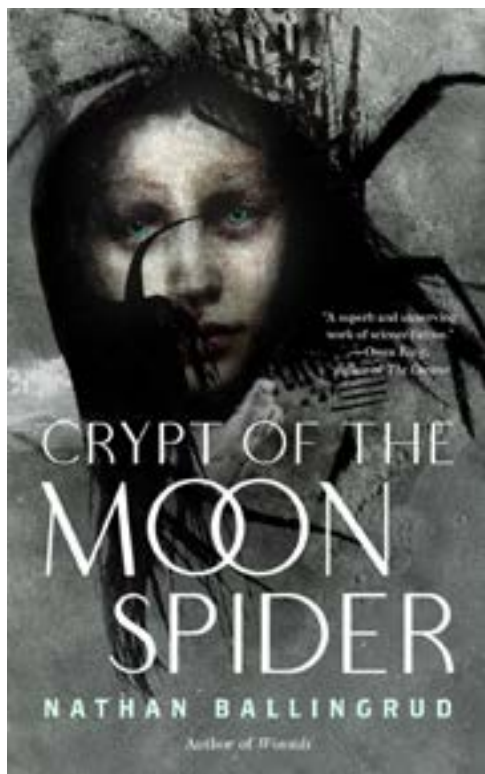
Итог: «Жуткое утешение» производит очень странное впечатление. Очень интересный мир, хорошая динамика, харизматичные персонажи – плюсы романа. В то же время он – лишь мостик между первой частью и финалом. Длинный и затянутый. Суть происходящего становится яснее, но этого явно мало для целой книги на 500 страниц. Финал я читать буду, но после второй книги осталось неприятное послевкусие.

Алексей Севериан

Прекрасный фэнзин Journey Planet сделал темой очередного номера «права работников в НФ», и среди многого прочего – от Уильяма Морриса и Фредерика Пола до Аллена Стила и Наоми Критцер – там внутри есть 9-страничная статья о критике капита-

лизма Клиффорда Саймака (Симака то есть, у нас закрепилось неверное произношение). Саймак – писатель для меня абсолютно великий и абсолютно же непонятый: глубоко левый и глубоко верующий, но для него то и другое не было проявлением ни политики, ни религии, – он просто видел мир именно таким (и правильно видел, если вы меня спросите), и вписал всё это в свои романы, которые чаще воспринимались как просто-фантастика, как максимум – с какими-то «пасторальными» обертонами. Сам он комментировал свои тексты очень редко, исследовать их толком никто не исследовал (я прошелся по самым верхам для трех предисловий к его сборникам), при публикации на русском контекст утрачивался вовсе – так что мало кому придет в голову, что «Кольцо вокруг солнца» – это книга о маккартизме, например, а «Снова и снова» – о реинкарнации империи, расизма и manifest destiny, хотя там это сказано вот прямым текстом (но не в русском переводе, ясен пень). В принципе Саймак должен быть – и, я уверен, будет – в пантоне фантастики рядом с Филипом Диком, они писали примерно об одном, хотя и довольно по-разному, и вообще одного поля ягоды. Возвращаясь к Journey Planet: там показано, например, что и «Однажды на Меркурии» (1941), и «Инструменты» (1942) – антикапиталистические притчи, и что Саймак критиковал капитализм с левых позиций последовательно и всё более комплексно. Оба рассказа, кстати, опубликовал Джон Кэмпбелл в своем Astounding. А мы тут спорили, есть ли критика капитализма в «Нейроманте» Уильяма Гибсона. Критика капитализма, товарищи, много где есть, просто чего не хочешь видеть, того и не увидишь.

Николай Караев

Натан Баллингруд

Crypt of the Moon Spider / Усыпальница Лунного паука

(Готическая лунная трилогия, часть 1)

Много лет назад в пещере на Луне, покрытой густыми лесами и ручьями, жил паук невообразимых размеров. Его шелковая паутина наделяла первых адептов огромной силой, внушающей благоговейный трепет.

Наступил 1923 год. Вероника Бринкли отправляется на Луну, в Бэрроуфилдскую лечебницу для меланхоликов. Это известное заведение, и методы доктора Бэррингтона Калла, инвазивные и весьма результативные, удостоились множества хвалебных рецензий. И все очень просто! Требуется

лишь внедрить небольшое количество паутины в миндалевидное тело, добавить одну-две нити в префронтальную кору и, возможно, около дюйма в гиппокамп – и неприятные мысли и идеи уйдут практически навсегда.

Но некоторые обитатели лечебницы замыслили недоброе, и хотя паук давным-давно умер, его приспешники живы. Кто-то или что-то приближает беду, и, судя по всему, Веронике в предстоящих событиях уготована важная роль.

Отзыв рискует получиться короче аннотации, потому что без спойлеров о повести трудно что-то сказать. Ясно одно: вот это настоящий, чистый хоррор, невзирая на антураж в духе ретро-НФ. Да, опять пригодные для жизни условия за пределами Земли, опять неопределенный способ космических путешествий, но на этот раз расстояние гораздо меньше – и мир другой, не связанный с Марсом Анабель Крисп.

История довольно камерная, как иной раз говорят, перетаскивая словечко из английского, клаустрофобная. Почти все происходит в упомянутой лечебнице, в разных ее помещениях, изредка в примыкающем саду. Перипетии пациента в психбольнице, где все не то, чем кажется, мы видели, например, в фильме «Лекарство от здоровья», но показанное там заведение воистину санаторий по сравнению с Бэрроуфилдом.

От психологического хоррора повествование переходит к боди-хоррору, а ближе к концу (и в отрывке из второй части, которую опубликуют в следующем году) мутирует в космический хоррор. Все это густо приправлено пауками, паутиной и прочим арахнохоррором.

Если в «Странности» вам не хватило ужасного, такого, чтобы страницы буквально сочились тревогой, пробуждая отвращение в сочетании с желанием поскорее узнать, чем же закончится эта фантасмагория – «Усыпальница Лунного паука» для вас.

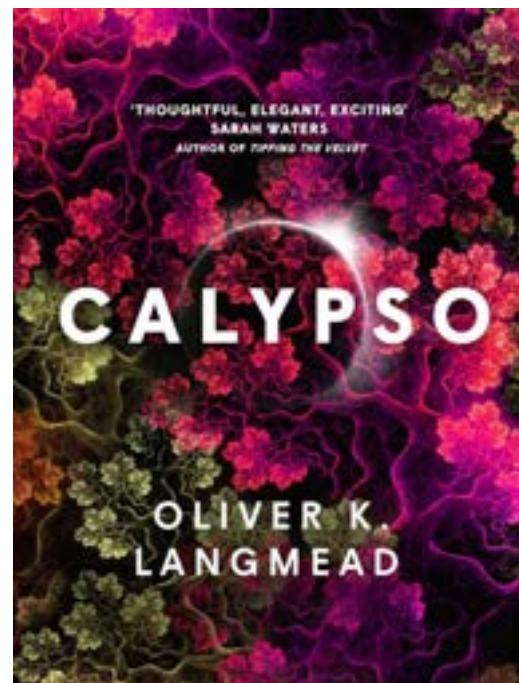
Омерзительная штука. Дайте две.

Наталья Осояну

Оливер К. Лэнгмид
Calypso

Рошель – атавизм. Верующая в обществе, по большей части ушедшем от религии, «базовый» человек в мире, где люди модифицируют свои организмы, избавляясь от физических и душевных болезней и повышая интеллектуальные способности. И все же именно ее среди прочих отбирает для своего амбициозного проекта – терраформирования далекой планеты – человек по имени Артур Зигмунд. Отбирает не столько благодаря ее профессиональным умениям (хотя Рошель вполне способный инженер), сколько благодаря ее инаковости. Рошели предстоит стать его оппонентом, голосом сомнений, который, возможно, сможет разубедить Зигмунда в правильности его намерений – ведь в планах у него не простая колонизация...

По краткому описанию «Калипсо» Оливера Лэнгмида может создаться впечатление, что это довольно типичный научно-фантастический роман. Освоение новой планеты; корабль поколений (по плану Зигмунда лишь инженеры и будущие колонисты летят в анабиозе, а обычные члены экипажа живут и умирают на борту корабля); ключевые члены экспедиции, сделавшиеся божествами для потомков тех, кто когда-то улетал с Земли, – все это мы уже где-то видели. На самом деле, конечно, Лэнгмиду есть чем удивить и с точки зрения содержания – чего стоит только одна из центральных героинь,

Кэтрин, женщина-сад, которой предстоит создать биосферу нового мира; да и конечная цель Артура Зигмунда, которая откроется читателю далеко не сразу, довольно неожиданна. Но главная особенность этой книги – вовсе не содержание, а форма.

«Калипсо» – научно-фантастический роман в стихах. Нерифмованный, написанный верлибром, и тем не менее обладающий собственным гипнотическим внутренним ритмом. А еще, как будто этого мало, Лэнгмид активно играет с графичностью текста. Поначалу кажется, что это просто еще один способ разграничить эпизоды, написанные с точки зрения разных персонажей – повествование от лица Рошель записывается более-менее традиционными четверостишиями, фрагменты от лица Кэтрин пульсируют, то расширяясь, то сужаясь, а строки во флэшбэках, раскрывающих прошлое Зигмунда, выровнены по правому краю страницы.

Но потом с текстом начинают происходить и куда более неожиданные и интересные вещи. И это не эксперимент ради эксперимента, в каждом случае эти графические фокусы – способ дополнительного воздействия на читателя, передачи того, что обычные слова передать не способны. Рошель принимает препарат, временно стимулирующий работу ее мозга и приближающий ее восприятие мира к восприятию модифицированного человека – и ее четверостишия сменяются такой же пульсацией, как у Кэтрин (но той же амплитуды колебаний Рошель так и не достигает). Героини встречают потомков взбунтовавшихся членов экипажа, те начинают, перекрикивая друг друга, спорить о том, что с ними делать, – и текст разделяется на идущие параллельно колонки. А самый запоминающийся эпизод романа заканчивается тем, что сквозь строки, расталкивая слова, прорастают цветы, – и сцена впечатляет куда сильнее, чем могла бы, будь она воплощена без помощи иллюстраций.

И да, конечно, в «Калипсо» есть к чему придраться. Роман не идеально выстроен; та сцена с цветами – пожалуй, его эмоциональный пик, хотя находится она в середине книги. Какие-то сюжетные вопросы, прежде всего – где Зигмунд нашел финансирование для своего весьма специфического проекта, Лэнгмид оставляет повисшими в воздухе (впрочем, здесь избранная форма играет ему на руку: поэтическому произведению легче простить то, что оно не заморачивается мелкими деталями, чем прозаическому). И тем не менее за последнее время это одно из самых ярких напоминаний о том, что фантастику вообще-то можно писать как угодно, наперекор всем канонам, правилам и, прости-господи, учебникам сценаристики – и добиваться

поразительных результатов. Очень надеюсь, что книгу заметят. В конце концов, не так давно другой (куда менее, мне кажется, удачный) роман в стихах – *Deer Wheel Orcadia* Гарри Джозефины Джайлз – взял премию Кларка; «Калипсо» уж точно заслуживает не меньшего.

Роман Демидов

Вообще с Оливером Лэнгмидом мне явно стоит познакомиться поближе. Судя по описаниям прочих его книг, он из тех авторов, которые постоянно пробуют что-то новое и стараются не повторяться: *Dark Star* – еще один роман в стихах, но на этот раз нуарный детектив, действие которого происходит на планете, обращающейся вокруг черной звезды; *Metronome* – история престарелого музыканта, который вынужден помогать охотникам на ночные кошмары; *Birds of Paradise* – роман о библейском Адаме, который ищет в современном мире осколки уничтоженного райского сада; *Glitterati* – сатирическая антиутопия о богеме будущего, в котором в моду может войти все, что угодно, включая носовое кровотечение. А следующий его роман, *City of All Seasons*, заявленный на апрель будущего года, сделан в соавторстве с еще одной вечно ищущей странного писательницей, Алией Уайтли (я про нее уже писал (<https://t.me/krukoobraznost/138>) и с большой вероятностью еще напишу), и будет это *science fantasy* про двоюродных брата и сестру, живущих в параллельных версиях одного, когда-то единого города – в одной царит вечное лето, в другой вечная зима – и пытающихся выяснить, что стало причиной такого разделения. Все это звучит чертовски интересно.

Роман Демидов

16 сентября:

Марта Язовска

Лучшие экранизации научно-фантастических романов Лема

<https://culture.pl/ru/article/luchshie-ekranizacii-nauchno-fantasticheskikh-romanov-lema>

Эта подборка заставляет меня кривиться сразу по нескольким причинам. Во-первых, уже в заглавии всплывает фактическая ошибка, потому что среди перечисленных фильмов присутствуют экранизации не только романов, но и других лемовских текстов. Во-вторых, они называются лучшими, но по какому критерию или принципу они были выбраны, я так и не поняла. Так что, на мой взгляд, этот текст должен называться “8 экранизаций фантастических произведений Лема”. Для большей привлекательности можно добавить “интересных экранизаций” или “экранизаций, о которых вы могли не знать”. Хотя присутствие в этом списке фильма Андрея Тарковского, пожалуй, перечеркивает мое последнее предложение. Впрочем, если вы действительно не знали, что за прошедшие годы в мировом киноархиве накопилось весьма приличное количество экранизаций Лема, то эта статья может быть для вас и интересна, и полезна.

Инар Искендинова

17 сентября:

ЗОВИТЕ МЕНЯ РИТОЙ (№4)

Похоже, что перевод и впрямь принадлежит Рите-старшей; оба советских издания, 1970 и 1978 гг., нашлись (второе чудесным образом на моей собственной книжной полке – это сборник, куда входят еще три других романа Воннегута, про которые я помнил, а вот про кошку почему-то забыл; наверно, прочел ее когда-то по-английски, а по-русски уже не стал). Как в титрах более поздних изданий появилось имя дочери, по-прежнему непонятно, однако сейчас меня больше занимает другой вопрос, а именно: почему этот перевод так плох? Уж от знаменитой – или как минимум очень авторитетной – Риты Райт такого не ожидаешь.

Но не будем спешить с оценками. Я просто приведу вам в нескольких постах несколько примеров – мне даже хотелось бы, чтобы вы меня убедили, а то я что-то совсем расстроился.

Вот начало второго абзаца на русском:

Иона-Джон – будь я Сэмом, я все равно был бы Ионой, и не потому, что мне всегда сопутствовало несчастье, а потому, что меня неизменно куда-то заносило – в определенные места, в определенное время, кто или что – не знаю.

Тут несколько странностей, перечислю их:

1. Как это: будь я Сэмом, я все равно был бы Ионой? Здесь явно что-то пропущено перед вторым именем, например «в каком-то смысле» или «по сути».

2. Разве библейскому Ионе «всегда сопутствовало несчастье»? и если да, то какое именно? Ну подумаешь, однажды прокатился у кита в пузе.

А вообще, если несчастья кому-то и сопутствуют, то исключительно во множественном числе.

3. Куда это «неизменно заносило» Иону? (Слова это, между прочим, разностильные, и ставить их рядом нехорошо.) В кита он вроде бы только один раз угодил. А еще куда – в Ниневию, что ли? Кстати, к слову «заносило» дана изумительная сноска, процитирую: «По библейскому преданию, Иона был занесен в чрево кита». Так и видишь, как его туда заносили: «Раз, два, взяли! – Да не лезет! – А ты угол подыми!»

4. Как «куда-то» сочетается с «определенными местами»?

5. «Заносило... кто или что – не знаю». Или что-то его заносило, или кто-то. Но если уж фраза безличная, нечего подсовывать нам подлежащее; тут или труссы, или крестик.

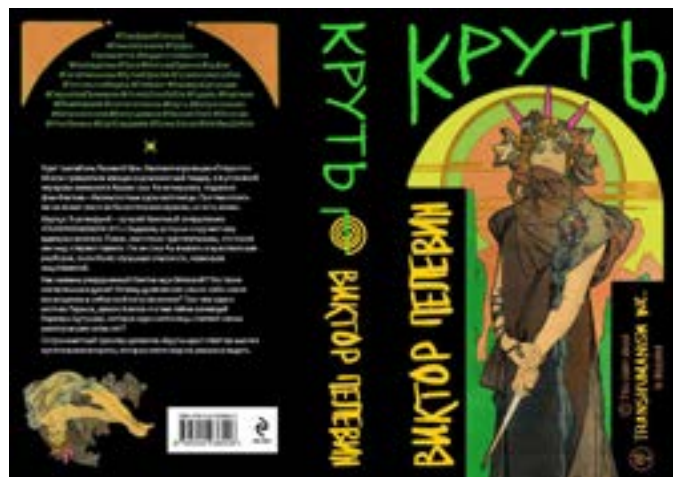
Не многовато ли косяков на одну фразу? Оригинал, конечно, все недоумение снимает:

Jonah–John–if I had been a Sam, I would have been a Jonah still–not because I have been unlucky for others, but because somebody or something has compelled me to be certain places at certain times, without fail.

Тут мы видим и неопределенные артикли при именах, и for others – и сразу ясно, что автор вспоминает не о несчастной судьбе самого Ионы, а о том, что именно из-за его непослушания высокое начальство устроило на море шторм, от которого могли пострадать невинные моряки. Ну и с остальным у Воннегута все в порядке, в отличие от.

И это самая лавроносная советская переводчица? Опустите мне веки.

Владимир Бабков

Новый роман Виктора Пелевина «Круть» поступит в продажу 3 октября в 20:24. В его аннотации говорится следующее:

«Идет третий век Зеленой Эры. Имплант-коррекция «Открытого Мозга» превратила женщин в доминантный гендер, и в уголовной иерархии изменился баланс сил. На ее вершину поднялся фем-блатняк – безжалостные куры-заточницы. Противостоять им не может никто из биологических мужчин, но есть нюанс.

Маркус Зоргенфрей – лучший баночный оперативник “TRANSUMANISM INC.” Задания, которые поручает ему адмирал-епископ Ломас, настолько чувствительны, что после них ему стирают память. Он не стал бы вникать в арестантские разборки, если бы не страшная опасность, нависшая над планетой.

Как связаны разрушенный Светом ад и Мезозой? Что такое магия высших духов? Почему древнее зло нашло себе новое воплощение в сибирской ветроколонии? Причем здесь могила Париса, демон Ахилла и в чем тайна зловещей Варвары Цугундер,

которую куры-заточницы считают своим ментором уже сотни лет?»

Николай Подосокорский

ЗОВИТЕ МЕНЯ РИТОЙ (№5)

Перевод:

Дайте мне просто голый скелет ваших воспоминаний.

А скелет-то голый! Экий бесстыдник, хоть срам бы прикрыл.

Но если серьезно: неужто опытная переводчица, съевшая на своем деле целый собачий питомник, не знает, что bare bones не нужно переводить буквально? Да еще «дайте мне скелет», как в магазине учебных пособий. Только не надо опять про железный занавес: третье издание «Фразеологического словаря» Кунина (эта замечательная книга всегда вызывала у меня глубокое восхищение: ну как можно было собрать столько прекрасных цитат без всякой помощи ИИ и электронных баз данных?) вышло еще в 1967 году (у меня четвертое, 1984 года). Ну и вообще, нельзя списывать все на нехватку виламинов в советском детстве, тем более что у РР оно было вполне несветское (1898 г.р.).

Оригинал:

Just give me the bare bones of your story.

Это совершенно обычная фраза без всяких вывертов, перевести которую не стоит никакого труда, например так:

Просто расскажите мне в двух словах (самое главное из того), что вам запомнилось.

Продолжаю недоумевать.

Владимир Бабков

Михаил Жарчев, «Электрический бал». Изд. Эксмо

Запутанный детективный сюжет, пожар в Москве, разговоры о «предназначении русского народа» за обедом, ожившие мертвецы, приведения и алхимические загадки – все это есть в «Электрическом бале», написанном на стыке мистики и увлекательного расследования в исторических декорациях. Этот роман можно описать как историю, где гоголевский Хлестаков – Поль Бобоедов, проигравши в карты, – сталкивается местным аналогом Воланда, загадочным европейским магом Жаком Дюпре. Хотя последний – пусть его и считают фигурой демонической, он то появляется, то исчезает, да к тому же сыплет философскими остротами, – скорее напоминает мрачную версию Графа Калиостро. Впрочем, весь роман Михаила Жарчева и собран из таких отражений, туманная дымка – основной материал автора-демиурга: тут и явные отсылки к «Мастеру и Маргарите» (финал романа даже частично разворачивается на Патриарших прудах), и реверансы в сторону пушкинского Германа,

который сталкивается не с таинственной пиковой дамой, а с мистической сущностью иного порядка – Дюпре. За счет нагнетаемой мистической составляющей, фантасмагории и ярко прописанной чиновничьей жизни Москвы, текст получается невероятно гоголевским. «Электрический бал» – будто одна из мистических повестей, разросшаяся до романа и превратившаяся в увлекательный детектив; который, конечно, выходит за собственные рамки – не столько за счет отсылок, сколько благодаря центральной теме: поиске бессмертия и всех этических нюансах, возникающих в погоне за ним.

Впрочем, в центре сюжета лежат далеко не заключения баловня судьбы Бобоедова, а конфронтация Дюпре и обер-полицмейстера Победоносцева. Это центральная движущая сила всего «Электрического бала» – маг-шарлатан (шарлатан ли?) становится для Победоносцева неуловимым, как говорят в английской традиции, nemesis, заклятым врагом; это – местный Мориарти для местного же Шерлока Холмса. Все остальные линии оказываются побочными (не стоит путать «побочность» и «непродуманность», Жарчев хорошо проработал путь каждого героя), однако к финалу сплетаются в единый клубок: таинственные убийства, сцены со святым отцом, тайны потерянного фамильного перстня, письма и вставные рассказы – все это подводит читателя к истинным целям мага Дюпре. Заигрывающий с классическим каноном, ненавязчиво стилизованный и интригующий, «Электрический бал» – хороший пример колоритного ретро-детектива, который на деле оказывается чем-то большим: качественно написанным развлекательным романом, в котором каждый читатель увидит то или иное отражение; а самый внимательный и догадливый поймет, как эта книга связана с «Франкенштейном».

Денис Лукьянов

Терри Майлз «Игра в кроликов»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика / психоделика

Оценка: 7/10

Снова знакомлюсь с новым автором от издательства Fanzon. «Игра в кроликов» – фантастический триллер, претендующий на интеллектуальность. Автор использует в романе прием ненадежного рассказчика. Да-да, везёт мне последнее время на подобные книги.

Сюжет строится вокруг загадочной игры «Кролики». Самое интересное заключается в том, что самим игрокам не до конца ясна суть этой игры. В игре было уже десять партий, но настоящие имена победителей неизвестны – только никнеймы, список которых самым таинственным образом появляется в неожиданных местах. Неизвестна и награда, хотя и желанна всеми игроками. Возможно, это ответ на самый главный вопрос жизни, правда о сущности Вселенной, а возможно, никакой награды просто нет. Известно лишь, что игра смертельно

опасна, и уже немало игроков из-за нее попрощались с жизнью.

Главный герой – человек по прозвищу К. В российском переводе есть несколько намеков на то, что он все же мужского пола, но некоторые факты заставляют в этом усомниться. Однако для удобства я все же буду говорить о К. в мужском роде. К. уже долгие годы одержим «Кроликами», и ищет способ поиграть. Все началось с того, что ещё в подростковом возрасте ему удалось прикоснуться к тайнам игры. Стоит отметить, что у главного героя есть одна необычная особенность памяти – он отлично умеет подмечать мельчайшие детали. В начале романа к нему обращается миллиардер Алан Скарпио, которого считают победителем шестой партии, и утверждает, что в игре что-то пошло не так и нужно исправить это, пока не началась одиннадцатая итерация. Если же главный герой не справится, под угрозой окажется судьба всего мира. После этого Скарпио исчезает, предоставляя К. возможность самому разобраться с загадками игры.

Отличительной чертой романа является то, что главному герою приходится постоянно сомневаться в природе самой реальности. Он находит совпадения и закономерности, которые ведут к новым загадкам и будто бы намекают на нечто большее. Порой он задумывается о том, что все происходящее лишь «фактор Мориарти» – сложный розыгрыш некоего могущественного богача. На этих загадках и совпадениях и строится суть «Кроликов».

Сюжет романа крайне запутан. Персонажи постоянно сомневаются в существующей реальности, а порой и в собственных действиях, что делает рассказчика довольно ненадежным. Было очень не просто следить за происходящим – порой не раз

приходилось возвращаться на несколько страниц назад и перечитывать.

Роман просто переполнен всевозможными отсылками к историческим событиям, поп-культуре и компьютерным играм. К. просто обожает поразмышлять о вещах, напрямую не относящихся к делу. Возможно, гиков это порадует, но меня со временем стало утомлять, т.к. напрямую не влияло на сюжет, а лишь расширяло хронометраж. К тому же, русскоязычному читателю большая часть этих отсылок до конца непонятна. Однако, несмотря на массу отступлений, сюжет довольно прямолинеен и движется по начертанным ранее «рельсам». Нам не предлагается самим разобраться в происходящем. Мы лишь следуем вместе с К. по его извилистому пути.

При всем при этом роман не блещет красотой языка – он здесь сух и утилитарен, не изобилует красотой описаний. По своей сути «Игра в кроликов» напоминает документальное описание сложного расследования.

Если поначалу неожиданные сюжетные повороты увлекают, то ближе к финалу от них банально устаешь. Нередко сюжет скатывается в самоповторы, что опять же его не красит. Мне не особенно понравился финал. Слишком много автор раскидал по сюжету загадок, так и оставшихся без ответа.

Итог: По факту мы получаем небезынтересный остросюжетный триллер. Для чтения он довольно сложен, имеет массу вопросов без ответов. Как по мне, автор несколько переборщил с неожиданными поворотами сюжета и отступлениями, которые довольно сильно утомляют и замедляют чтение. Роман понравится любителям сложных загадок и игр с реальностью.

Алексей Севериан

18 сентября:

ЗОВИТЕ МЕНЯ РИТОЙ (№6)

Критика – дело неблагодарное, и лишний раз прояснить свою позицию не помешает. У меня нет никакого желания ниспровергать авторитеты, плясать на костях (тем более голых), кусать мертвых львиц и совершать прочие неблагоприятные и малоаппетитные поступки. Я всегда считал Риту Райт-Ковалеву добротной переводчицей и пока не тороплюсь менять свое мнение. Чьи бы то ни было единичные промахи никогда не казались мне преступлением. Одна ошибка на десяток страниц? Не о чем говорить. Две? Пустяки. Три? Ничего страшного. Четыре? С кем не бывает. Пять? Да не переживайте вы так! Только в следующий раз будьте внимательнее... Но рано или поздно количество все-таки переходит в качество.

Кроме того, ошибка ошибке рознь. Неточность или даже зевок – не повод для возмущения, особенно если они не приводят к серьезным последствиям. Технический сбой, признак непрофессионализма, – не смертельно, хоть и неприятно. Но бывают ошибки – или не-ошибки, – про которые вполне можно сказать: *c'est pire q'une faute, c'est un crime*. Сейчас покажу одну из них.

Перевод:

Первая фраза в «Книгах Боконона» читается так: «Все истины, которые я хочу вам изложить, – гнусная ложь».

Гнусная? Трудно было подобрать слово гнуснее. От кого, если этот человек в здравом уме, можно услышать предупреждение: сейчас я вам гнусно совру? А если этот аргумент кажется вам неубедительным, вот еще один. Вспомним эпитафию ко всей

книге, выдержку из тех самых «Книг Боконона», причем уже в русском переводе:

Нет в этой книге правды, но эта неправда – «фома, и от нее ты станешь добрым и храбрым, здоровым и счастливым».

Можно ли стать добрым и счастливым благодаря гнусной лжи? В оригинале всего-навсего *shameless lie* – ложь откровенная, пусть даже бесстыдная или беспардонная, но уж никак не гнусная, мерзкая или отвратительная.

Вот такие вещи огорчают меня больше всего, а объяснить их можно только одной из двух причин: или полным пренебрежением к автору, или трагическим отсутствием слуха. И такие промахи заставляют меня еще сильнее сомневаться в том, что этот перевод действительно принадлежит Рите Райт.

Владимир Бабков

Домучил сборник статей и эссе Лю Цысиня «Взгляд со звезд» и, как обещал, довольно подробно обо всем этом написал (<https://gorky.media/reviews/yadiletant-v-hudozhestvennoj-literature/>) для «Горького».

Почему домучил? Во-первых, перевод с перевода, с китайского через английский, сам по себе – буэ, чудовищная практика, испорченный телефон, это мы всячески осуждаем. Хорошо, что автор часто

повторяется, основные его идеи можно выловить из этого месива черпаком на длинной ручке.

Во-вторых, сам Лю Цысинь душный, а его риторика по большей части устарела лет на восемьдесят. Когда мне его приводят в качестве примера и образца для подражания, я покрываюсь холодным потом. Очень не хотелось бы, чтоб наша фантастика деградировала до уровня Немцова, Охотникова и Казанцева. Хотя в некотором смысле это было бы логично, да.

Но и познавательности чтение не лишено. Я, конечно, слоупок, но из этой книги впервые узнал, как китайские беллетристы рубежа 1970-1980-х относились к брежневскому СССР. Небольшой спойлер: никаких поцелуев в десна, совсем наоборот. Неожиданно, но многое объясняет.

Василий Владимировский

19 сентября:

Телеадаптацию романа Нобелевского лауреата Габриэля Гарсии Маркеса «Сто лет одиночества» разделят на два сезона. Всего в сериале будет 16 эпизодов.

Первая часть выйдет уже в конце 2024 года.

Мир фантастики

Главным тормозом техноэволюции становятся «кожаные мешки».

Ибо люди не поспевают за развитием ИИ.

1,5 года назад стало ясно, что ChatGPT эволюционирует в 3 млн раз быстрее людей, и мир входит в сингулярную фазу развития.

Т.е. скорость развития такова, что прогнозировать его результаты становится невозможно даже на малых временных горизонтах порядка года.

Но можно хотя бы фиксировать главные тренды первых 18 месяцев сингулярной фазы развития мира.

1. Скорость роста вычислительной мощности новых моделей LLM уже превзошла закон Мура. Но еще выше скорость снижения цены за «единицу их мысли».

2. Разнообразие видов LLM пока далеко до разнообразия видов жизни. Но по качеству и скорости «мышления» и особенно по цене за «единицу мысли» разнообразие LLM уже впечатляет.

3. Пока лишь 6,9% людей интеллектуальных профессий смогли научиться эффективно использовать LLM. Возможно, это результат нашей мизерной скорости осознанной обработки инфы 20-60 бит в сек.

Сергей Карелов

Мария Покусаева, «Чудовище». Изд. МИФ. Иллюстрации Некkil

Перед читателем новый взгляд на архетипическую сказу о мачехе и ее юной прекрасной падчерице, обогащенный современными веяниями – «добро» и «зло» здесь меняются местами, и все оказывается завязано на кельтской мифологии. Небольшая повесть Марии Покусаевой заигрывает одновременно и с «Золушкой», и с большим корпусом сказок о фейри и их непостоянными мирами «за завесой реальности», и даже на ведьмаках и борцах с чудовищами – они стали неотъемлемой частью современной

поп-культуры. Мачеха, научившись сражаться с чудовищами, хочет спасти всех от прекрасной юной падчерицы... да только ли хватит ей духу?

«Чудовище», безусловно, не просто ретеллинг ради ретеллинга, а еще трогательная – пусть и короткая, – истории о семье и любви, для которой Мария Покусаева выбирает особенную, кружевную стилистику. Все здесь под стать ажурным, местами гофмановским сказкам: и яркие сравнения, и ритмика, и отсутствие границ между реальным и выдуманым. Единственный минус «Чудовища» – его небольшой объем: безусловно законченная и цельная история все равно выглядит затравкой на некое большее повествование – если не на роман, то хотя бы на расширенную повесть. Однако, не стоит думать, что Мария Покусаева торопилась и не закрыла сюжетные линии. «Чудовище» – история абсолютно завершенная. К тому же, небольшая, но концентрированная событиями, образами, психологическими портретами, она стрелой бьет в сердце читателя – а такой быстрый и меткий выстрел всегда оставляет куда большее послевкусие. Тем

более – с роскошными иллюстрациями Nekkil, идеально попадающими в стилистику текста.

Ну что же, видимо, в новом романе нас ждет Венеция с подпольной подделкой Искусства, гностиками, типографиями, героем-ученым и прочим. Авантюрное все, конечно. Знаете, как бывает – первая фраза в час ночи сама ТЮК по голове:

Говорят, что господь сотворил человека по образу новомодных карманных часов: с такой же ювелирной отладкой деталей, с таким же хрупким механизмом, ломающимся внезапно, и с такими же четкими причинно-следственными связями – тикает механизм, движутся стрелки, свершаются события – вершится судьба.

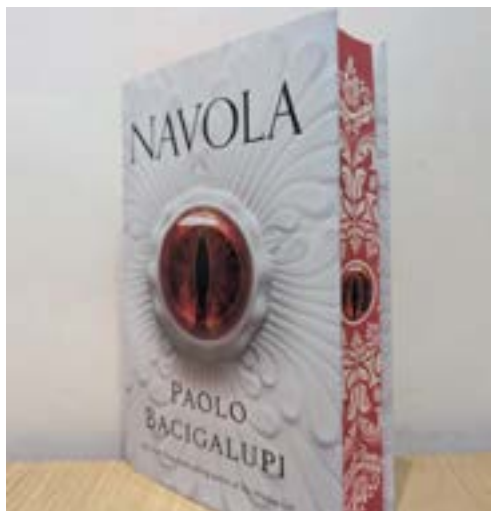
Если так, то мой механизм точно сломался. Или изначально был неисправным.

Чувствую я это ровно в тот миг, когда пытаюсь снять с Софи платье, но, замученный и стесненный ее сдавленным смехом – конечно, мы не хотим, чтобы нас заметили, – просто ныряю под бесконечные юбки. Какое счастье! Какая радость! Так я думаю, пока Софи вдруг не смолкает: а я, разгоряченный, слишком занят делами интимного характера, – делами, о которых в красках распишет вам пару десятков поэтичных строк любой молодой венецианский поэт, – чтобы остановиться.

Тогда-то я впервые слышу смех ее отца. Смех хищника.

Денис Лукьянов

Потихоньку читаю новый роман Паоло Бачигалупи Navola. Пока для выводов рановато, но мне кажется, на эту книгу стоит обратить внимание любителям фэнтези в стиле Г. Г. Кея – то есть псевдоисторического (здесь у нас псевдо-Италия эпохи Возрождения), с интересными судьбами и минимумом магии. Мне нравится, но стоит учесть, что

с творчеством Бачигалупи у меня сложные отношения – за что ни возьмусь, все бросаю. Navola держится. Ну посмотрим.

Не понимаю, это какое-то специальное издание или они все такие. В любом случае, стильно.

Наталья Осояну

20 сентября:

ЗОВИТЕ МЕНЯ РИТОЙ (№7)

Перевод:

Роман описывал конец света в двухтысячном году, он так и назывался: Анно Домини, 2000. Там описывалось, как психопаты-ученые сделали чудовищную бомбу, стершую все с лица земли. Когда люди узнали, что скоро конец света, они устроили чудовищную оргию...

Так в издании 1978 года. В других роман называется иначе: «2000», «Ад 2000» (интересно, чей это креатив?) или вовсе никак. По мне, достаточно цифры – по аналогии с «1984» – и уж точно не надо пере-

водить A.D. как «Анно Домини». Еще одна неприятность в этом фрагменте – неряшливая вторая фраза: дело выглядит так, будто ученые сделали бомбу, которая стерла всех и вся еще до своего создания.

Но в оригинал я в этом месте полез по другому поводу: мне показался чудовищно странным повтор слова чудовищная. Поначалу его можно счесть намеренным, но переключка получается глупая: ах, вы нам чудовищную бомбу? так нате вам чудовищную оргию! – а у Воннегута хватает вкуса и лексикона на то, чтобы таких глупостей себе не позволять. Он и не позволил:

The novel was about the end of the world in the year 2000, and the name of the book was 2000 A.D. It told about how mad scientists made a terrific bomb that wiped out the whole world. There was a big sex orgy when everybody knew that the world was going to end...

Ах вот оно что! В оригинале стоит чудовищное three-letter word – и, разумеется, нет никакого повтора. (Кстати, насчет повторов: как думаете, почему Воннегут написал «the name of the book» вместо простого «its name» – не потому ли, что следующая фраза начинается с it и ему не хотелось повторять даже это коротенькое местоимение?)

Эта виртуальная борьба с явлением, которого в СССР, как известно, не было, не так безобидна, как кажется. Здесь маленькая цензурная поправка потащила за собой другие и в результате испортила всю главу. Уже в следующем абзаце от фразы *My brother Frank made it his personal property, on account of the dirty parts* в переводе осталось только «Мой брат, Фрэнк, присвоил ее у себя в комнате...» (в другом издании не присвоил, а пристроил, но криво и так и сяк). Дальше герой рассказывает, как они с братом перечитывали описание оргии сто тысяч раз, пока старшая сестра не отобрала у них рукопись, назвав

ее *a piece of dirty rotten filth* (в переводе то ли Рита, то ли Маргарита тоже возмутилась от души: *дрянь, сплошная мерзость!* – но этого ей показалось мало, и она в сердцах добавила: *просто гадость*).

Обидно, что во всех постсоветских изданиях (по крайней мере, в тех, которые я видел) это место так и осталось нетронутым. Не для того мы боролись с коммунизмом, чтобы пустить к себе в переводы всякую дрянь и мерзость! И даже простую гадость...

Владимир Бабков

книги». Участвовали Ася Шевченко, Яна Вагнер, Шамиль Идиатуллин и ваша покорная.

Дарья Бобылёва

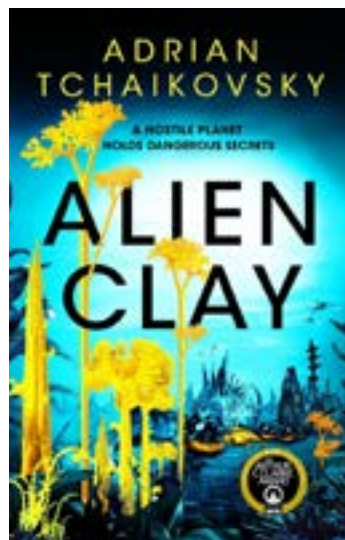
21 сентября:

И всего-то шесть лет назад, а. Фантассамблея, и писателю-фантасту просто вот страшно повезло – он между двумя Николаями-переводчиками (Кудрявцевым и Караевым). Загадал, небось, дописать «Ветра зимы» лет за семь.

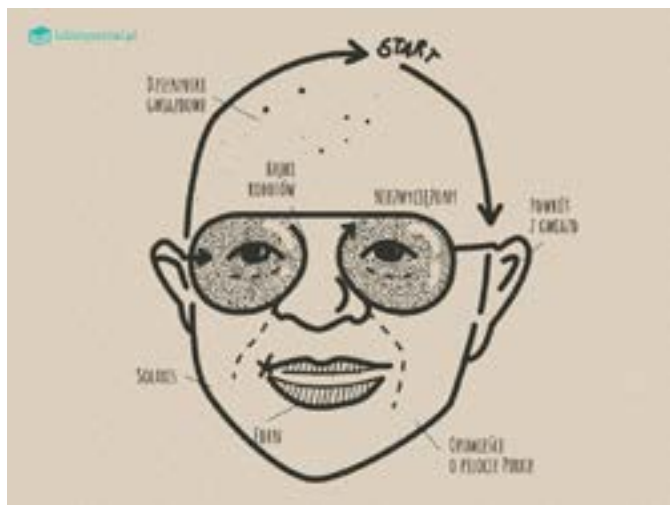
Николай Караев

Свежайшие фото с сегодняшнего книжного вечера по остросюжетной прозе в магазине «Пиотровский», организованного руководителями «Большой

Адриан Чайковский выпустил несколько дней назад новую книгу – «Чужая земля» «Чуждая глина». Судя по аннотации, роман об инакомыслящем ксеноэкологе, которого межзвездная власть под названием Мандат ссылает куда подальше во глубину галактических руд, то бишь в тюрьму на планету Килн, а он там обнаруживает вдруг следы цивилизации некоторых предтеч – и, если выживет, изменит мир.

Николай Караев

У меня скопилось некоторое количество тематических изображений, поэтому теперь периодически я буду разбавлять поток текстов вот такими #лемарт-ами.

Инар Искендинова

На самом деле первое интервью с Мартином в МФ было в ещё более далёком 2006 году.

То первое интервью было телефонным. Я просто написал Мартину по почте с просьбой об интервью, он любезно ответил согласием, и спустя несколько дней мы проговорили около сорока минут. А в 2009 году я впервые встретился с Джорджем лично. Узнал, что он приезжает в Финляндию на фестиваль, и опять же написал с вопросом, можно ли там будет встретиться. Мартин опять же согласился и предложил подойти к нему после выступления, чтобы договориться о месте и времени. Это было еще до сериала, и к Мартину тогда легко можно было подойти после мероприятия, попросить автограф, задать вопросы – что многие поклонники и делали. Выход экранизации, конечно, привел к тому, что Мартин стал гораздо менее доступен. А в 2009 году

беседа получилась почти на час, причем он не только отвечал на вопросы, но и сам спрашивал, что происходит с книгоизданием в России.

Дмитрий Злотницкий

Председатель колхоза может обращаться, глава сельской администрации колдует против людей, управляющий глазит теленка, бригадир портит за непослушание, мастер сажает пошибку за брак в работе...

Читаю научную монографию Ольги Христофоровой «Колдуны и жервы: антропология колдовства в современной России». Некоторые абзацы звучат как заготовка для прекрасного фантастического романа. Вот, скажем, синопсис ненаписанной книги об альтернативном СССР, в котором весь социализм на месте и ничуть не мешает колдовству – и наоборот. Потому что «советское» – это дискурс, а остальное – основное – не меняется. (Гляньте, люди добрые, на стройные ряды зумеров-комсомольцев, которые Советского Союза даже не нюхали.)

Николай Караев

Часто тут ною, что у нас нет истории советской фантастики. На самом деле не совсем так. То есть у нас – нет. А вот у немцев – есть. Именно история фантастики СССР – правда, только кусок, с 1917 года и до середины 1950-х. Десять лет назад берлинский ученый-славист Маттиас Швартц (Matthias Schwartz) защитил диссертацию, которая потом вышла в виде книги «Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis in die Stalinzeit» («Экспедиции в другие миры. Советская приключенческая и научно-фантастическая литература от Октябрьской революции до конца сталинской эпохи»). Ну и вот: наши буканьеры книжных морей, дай им бог здоровычка, порадовали микротиражкой на русском. Ничего такая книжка, 680 страниц в немецком издании, 900 с лишним – в русском. Полистал, на первый взгляд вполне компетентно, аргументи-

рованно, без развесистой клюквы. Перевод, конечно, «любительский», то есть кровь из глаз, хотелось бы увидеть эту книгу изданной профессионалами. Но что ж делать, иных вариантов нет, за неимением гербовой пишем на простой.

Василий Владимировский

22 сентября:

Перечитывал тут небольшой текст Роджера Желязны о том, какие книги он читал, чтобы написать возлюбленного «Князя Света» (включая одну, которую мне посчастливилось прочесть в юности и которую я тоже не просто люблю, а очень люблю, – «Свет Азии» викторианца Эдвина Арнольда, это поэма), и подумал грустное.

Я обожаю фантастику. Не всю. Хорошую. И прислушиваюсь поэтому к тем, кто ее пишет. В плане «что надо читать» меня, как я отчетливо понимаю, сформировали два ответа двух любимых писателей. Первый легко процитировать – это ответ Виктора Пелевина на вопрос «три прочитанные Вами недавно книги» в стародавнем виртуальном интервью, Пелевин тогда ответил: Перепелкин «Хозяйство среднеегипетских вельмож», «Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства» (автора не помню), «Отчет об археологических раскопках в долине Царей».

Думаю, ответил абсолютно искренне. Второй ответ я не процитирую дословно, кажется, это тоже было какое-то сетевое интервью – Майкла Муркока спросили, что бы он посоветовал читать, если пишешь фантастику. Муркок сказал примерно так: читайте книги по истории, биологии, астрономии, социологии, роботехнике. Читайте что угодно. Только фантастику не надо, пожалуйста.

А, ну и третья реплика – она меня не вдохновила, это было куда позже, но я на сто процентов согласен. Сергей Жарковский как-то написал в ФБ, что 90% работы писателя – не сочинять. 90% работы – читать.

Железны, чтобы написать «Князя Света», специально прочел, кроме «Света Азии», «Рамаяну», «Упа-нишады», Buddhist Texts Through the Ages, «Боги, демоны и другие» Р. К. Нарайана, Traditional India, «Сиддхартху» Германа Гессе, «Повесть о браслете» принца Иланго Адигаля, Gone Away Дома Мораэса. Не говоря о всем том, что он прочел к тем своим годам не про Индию. Фантастики там было, я думаю, не так много.

Мне активно не нравится, когда фантастику геттоизируют, особенно же – когда это делают товарищи из гетто мэйнстрима, сами при этом использующие фантастический элемент в хвост и в гриву, но под другим брендом. Однако есть один нюанс, которого не отнять. В лучших «мэйнстримных» вещах такого рода фантастика написана не ради фантастики. Это форма, это фон, это fabric текста, и так куда интереснее, и веселее, и возможностей куда больше, но источники того, ради чего пишется текст, – другие, и мессидж на всех уровнях – тоже другой, не «фантастика» как таковая. В то время как в худшей фантастике всё написано ради фантастики. «Приключения на планете Плутон», как один советский фантаст братьям Стругацким говорил. Нет, бывает и хуже – все это лезущее из-под развалин подсознательное, бесконечные попаданцы, выживанцы, небожигицы и небожижигицы.

Но, между прочим, ярко видно, кто из писателей того же янг-эдалта читает что-то помимо янг-эдалта и выдает поэтому более чем интересные книжки, а кто читает только янг-эдалт и превратил себя в своего рода искусственный интеллект, который

переваривает бог знает какую итерацию «творчества» других искусственных интеллектов, а они делают то же самое, и очень быстро наступают за-цикливание и деградация. Плохо, что и читателя подсаживают на вторичный продукт. Но тут ничего не сделаешь – искусство, живущее только по законам рынка, обречено упасть на дно колодца и пропасть на дне колодца, как в Бермудах, навсегда, зарабатывая при этом денежку (по законам рынка, всё меньшую, пока не останется впритык).

Гумус гумусом, но реальный прорыв вроде «Князя Света», «Дюны», Отягощенных злом», «Властелина Колец» или «Ложной слепоты» (я намеренно беру очень разные случаи) происходит, когда есть (минимум) вот это второе дно, и не простое, а многомерное. Просто фантастики недостаточно. Только так хорошая фантастика и появляется.

Николай Кареев

Брайан Стейвли «Последние узы смерти»

Жанр: Героическое фэнтези/Эпическое фэнтези

Оценка: 9/10

«Последние узы смерти» – заключительный роман трилогии Брайана Стейвли «Хроники Нетесаного трона». В первом томе, «Клиники императора», автор ещё не претендовал на эпичность и постепенно рассказывал нам о протагонистах. Параллельно с этим он знакомил нас со своим миром и расстановкой сил в нем. В «Огненной крови» масштаб событий заметно возрос. В романе множество опасных приключений, политических интриг и начало глобальной войны с кочевниками. Каждый из главных героев получил свою интересную сюжетную линию. Все они ищут свой путь спасения Аннурской империи. Усугубляется все тем, что герои не испытывают друг к другу ни малейшего доверия. Да, они братья и сестра, но их слишком

рано разлучили, воспитывали в совершенно разных условиях, и по сути они стали друг другу совершенно чужими людьми. Да и союзники, которым они доверились, не вызывают доверия. Протагонисты, по сути своей обычные люди, вступают в игру, где главными действующими силами выступают бессмертные кшештрим, древние безумные маги и даже боги.

Брайану Стейвли предстояло в финальном томе распутать множество нитей, которые он сплел в предыдущих. Задача довольно непростая. Даже по сравнению с динамичным вторым романом плотность событий и темп повествования в «Последних узах смерти» возрастают ещё больше. Герои ни минуты не могут пожить спокойно. Автор умело чередует боевые сцены, экскурсы в пугающие тайны прошлого и эмоциональные встречи.

Одним из плюсов трилогии, на мой взгляд, является хорошая работа над внутренним миром героев. На протяжении всего повествования персонажи стремительно меняются, взрослеют. Третий том получился не только увлекательным и динамичным, но и по-своему драматичным. Каждый из протаго-

нистов переживает свою личную драму. К ним проникаешься неподдельным сочувствием.

В романе по-прежнему четыре ПОВа. Старший брат, Каден, превратил империю в республику. Он не хотел личной власти и решил создать парламент. Однако вопреки его чаяниям это не принесло стране благополучия. Напротив, выборные чиновники постоянно пытаются перетянуть одеяло на себя и думают лишь о власти и богатстве, совершенно не заботясь о своем народе. Постепенно это приводит к полному краху. Сам же Каден, устав от политической борьбы, сосредотачивает свое внимание на разборках божественных существ. Дело в том, что со смертью хоть одного из старых богов все люди попросту потеряют свою человечность. Этого то и не хочет допустить Каден. Адер заключает вынужденный союз с убийцей своего отца – кенарангом и кшештрим ил Торнье – и даже рождает от него ребенка. Ей претит подобный союз, но только кшештрим по силам удержать волну кочевников-ургулов, ведомых Длинным Кулаком – инкарнацией древнего бога Мешкента. Однако возможно ли удержать на привязи существо, которое древнее, чем Аннурская империя? Валин после предательства Адер и схватки с ил Торнье потерял глаза. Его мир отныне состоит только из тьмы, ненависти и жажды насилия. Дело в том, что после испытания кеттрал он приобрел удивительные способности. Он может видеть окружающее пространство, сотканное из оттенков тьмы, но только во время сражения. Увечья превратили его в нечто большее и одновременно меньшее, чем обычный человек. Теперь в бою ему попросту нет равных. Только вот можно ли жить одними сражениями? Собственное ожесточение в нем пересилило даже жажду мести. В отличие от «Клинок императора» в «Огненной крови» появляется ещё один ПОВ,

не из семьи Малкенианов. Им стала подрывница-кеттрал из крыла Валина – Гвена. В третьем томе она получила внушительную сюжетную линию. Каден отправляет изрядно поредевшее крыло на Острова, чтобы разобраться в происходящем. По официальным данным, между кеттрал вспыхнула гражданская война, в результате которой элитное воинство уничтожило себя. Теперь Гвене предстоит разобраться с самопровозглашенным тираном и, возможно, даже возродить кеттрал.

В отличие от главных героев, антагонисты не получили столь хорошего развития. Да, они вышли довольно колоритными и интригующими, но в предыдущих томах их внутреннему миру не уделялось должного внимания. Частично автор исправил положение: ил Торнье и Длинный Кулак получили несколько запоминающихся сцен, знакомящих с их целями и мотивами. Однако лично меня не покидало ощущение, что автор не до конца раскрыл потенциал столь ярких персонажей. Хотелось бы больше проникнуться внутренним миром могущественных существ, чей возраст исчисляется тысячелетиями. С личом Балендином вышло ещё хуже – он остаётся лишь персонажем-функцией.

Итог: «Хроники Нетесаного трона» – прекрасный образец эпического фэнтези. Размах событий здесь вызывает уважение. Проработка персонажей восхищает. Несмотря на разрешенный конфликт, автор оставляет задел на продолжение. Сейчас Стейвли работает над второй трилогией, что не может не радовать. Помимо этого, уже издан в России одиночный роман о прошлом одного из второстепенных персонажей – харизматичного убийцы Пирр. Смело могу сказать, что трилогия попадает в мой личный топ фэнтези.

Алексей Севериан

23 сентября:

Грегори Стивенсон «Из ночи в мечту. Тематическое исследование творчества Дж. Г. Балларда»

312 стр., твердый шитый переплет, пронумерованный тираж 30 экз.

Оглавление:

Введение, стр. 11

1. Масштабы катастрофы: Ранние рассказы, стр. 30
2. Катехизис катаклизма: «Ветер Ниоткуда», «Затонувший мир», «Выжженный мир», «Хрустальный мир», стр. 76

3. Технологический Тартар: «Выставка жестокости», «Автокатастрофа», «Бетонный остров», «Высотка», стр. 112

4. Захваченный самолет: поздние рассказы, стр. 149

5. Освобождение: «Фабрика грез Unlimited», «Привет, Америка!», «Империя Солнца», «День Творения», «Сорвавшиеся с цепи», стр. 203

Заключение, стр. 253

Примечания, стр. 287

Избранная библиография, стр. 302

Об авторе, стр. 310.

Грегори Стивенсон (Gregory Stephenson) – преподаватель Университета Роскилле, Роскилле, Дания. Американец, он специализируется на американской и британской литературе девятнадцатого и двадцатого веков. Опубликовал множество публикаций о Балларде и других современных писателях, а его особый интерес к «битникам» отражен в таких книгах, как «Мальчики на рассвете: очерки литературы битников». Стивенсон также является издателем и редактором литературного журнала Pearl.

Gregory Stephenson «Out of the Night and Into the Dream: A Thematic Study of the Fiction of J. G. Ballard», 1991

Сергей Соболев

«Здесь все жалуются, что нет денег, от нищего до миллионщика, и от сторожей у старых архивов даже до вельможей, приставленных у смотрения откупов и управления тяжёбными делами. Все тоскуют, что жить нечем; у всех недостаток в необходимости, и все говорят, будто приближается последний век; а я так думаю, что свету преставление давно уже было и что люди все померли, а остались одни только машины, которые думают, будто они действуют, как между тем самая малейшая неодушевленная вещь приводит их в движение; но всего страннее, что они жалуются на судьбу в том, в чем сами виноваты; они ропщут на богатство прежних времен и негодуют на бедность настоящего. Каково бы тебе показалось, что есть здесь люди, которые почитают необходимостью прожить в год двести тысяч рублей, хотя знатные люди древних веков, каков был Публикола и прочие, проживали во сто раз меньше и не жаловались на свою бедность.

Говорят, будто здешние жители за 200 лет назад не жаловались на свою бедность и почитали себя богатыми, доколе французы не растолковали им,

что у них нет ничего нужного, что они непохожи на людей, потому что ходят пешком, потому что у них волосы не засыпаны пылью и потому что они не платят по две тысячи рублей за вещь, стоящую не больше ста пятидесяти рублей, как то делают многие просвещенные народы. Жителя здешние, услыша это, устыдились, что они не просвещены, стали отдавать французам множество денег за безделицы, заставили себя возить в ящиках так, как возят на продажу деревенские мужики кур, засыпали головы свои мукой и теперь думают о себе, что они в просвещении перещегооляли всех европейцев».

Иван Крылов. «Почта духов» (1789-1790)

Николай Подосокорский

Банк России выпустил три памятные монеты по мотивам «**Ёжика в тумане**» с главным героем мультфильма: одну в номиналом три рубля и две – в 25 рублей. Тираж составил 7 тысяч штук.

Ранее Банк России выпускал монеты по «Ну, погоди!», «Смешарикам» и другой мультипликации.

Мир фантастики

28 сентября будем бороться с осенней хандрой (или усугублять оную) в подмосковном Переделкино, на фестивале издательства Individuum. В 16:00 поговорим с Алексеем Конаковым, автором романа «Табия тридцать два», о шахматах, антиутопии, культурном коде и других таких же веселеньких вещах. Официальный анонс:

Мат в два хода

Разговор Алексея Конакова и Василия Владимировского и матч Конаков – Михайлов

Выход дебютного романа культуролога Алексея Конакова стал резонансным событием. На страницах романа «Табия тридцать два» автор предлагает нестандартный взгляд на возможное антиутопическое будущее России: к 2081 году классическая литература в школах и институтах «отменена», а ее место заняла другая интеллектуальная дисциплина – теория и практика шахматной игры. О том, как в этой нестандартной антиутопии решаются два главных русских вопроса, «кто виноват?» и «что делать?», с автором поговорит Василий Владимировский.

По завершении разговора к собравшимся виртуально присоединится Роман Михайлов для блиц-партии по шахматам Фишера против Алексея Конакова. Выставочную встречу писателей прокомментирует Константин Егоров, кандидат в мастера спорта FIDE и организатор последующего открытого шахматного турнира.

Место действия – Дом творчества Переделкино.
Вход свободный по регистрации.

Василий Владимировский

Вот, кстати, в «Юности» вышло интервью Алексея Конакова, взял его Антон Секисов. Познавательное. И про «Табия тридцать два» немножко есть. И про фантастику вообще:

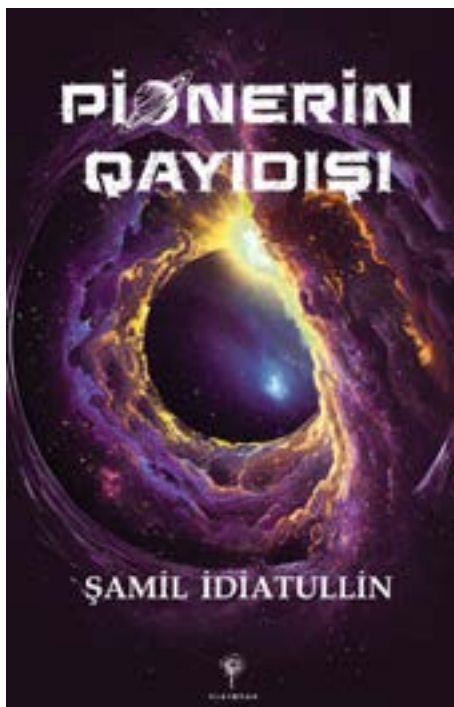
– Почти в каждом вашем тексте, и нонфикшен, и фикшен, возникают отсылки к произведениям Стругацких. Почему они для вас так важны? Любовь/интерес к ним возник у вас в детстве? И сюда же вопрос: какой текст (один), прочитанный вами в детстве, оказал на вас решающее влияние?

– Наверное, как человек, получивший высшее техническое образование, работающий в научно-исследовательском институте и, кроме того, верящий в идею коммунизма, я был просто обречен на чтение Стругацких (начиналось оно с их ранних вещей, вроде «Полдень, XXII век»). Вообще, советская оптимистическая фантастика оказала на меня большое влияние, но если выбирать какую-то одну прочитанную в детстве книгу, то это окажется томик рассказов Кира Булычева, посвященных Великому Гуслиару. Маленький северный город, где проводят странные эксперименты, изобретают машины времени и общаются с инопланетянами не в рамках исполнения каких-либо масштабных государственных проектов (с определенными сроками, заданным финансированием и проч.), но в силу природных склонностей и естественного хода вещей – по сути, это такой «наукоград здорового человека», улучшенная версия Дубны, Обнинска или Пущино. Я до сих пор думаю, что это самая завидная доля: жить в таком городе и заниматься наукой. Стругацкие, конечно, гораздо глубже Булычева – а с определенного момента и гораздо мрачней; из их текстов я более всего ценю «За миллиард лет до конца света» – очень емкую метафору андроповской «профилактики» и позднесоветского застоя в целом, замечательно ухватывающую дух времени.

Журнал «Юность»

Алексей Конаков: «Мне хочется написать книгу, посвященную супам»

Василий Владимировский

В октябре 2024 года бакинское издательство Alatoran выпустит роман «Возвращение «Пионера»» Шамиля Идиатуллина на азербайджанском (переводчик Расим Гараджа).

Шамиль Идиатуллин

Ольга Власенко, «Птица». Изд. Marshmallow Books

Все, что нужно знать о сюжете романа, сказано уже в аннотации: ангел Птица однажды свалился на землю и стал студентом философского факультета. Он обожает йогурты и совсем не помнит, например, своих родителей. Однажды Птица вспоминает, что с ним произошло. Тогда к нему спускается друг-ангел и заявляет: вернуться на небеса можно, достаточно пройти испытание водой, огнем и верой. Казалось бы – дорога назад открыта, но... но в су-

пермаркете Птица знакомится с Надей. Они успевают обменяться шутками, познакомиться ближе, покататься на великах на Лосином острове, однако вскоре эта дружба превращается в нечто больше... и крепче держит Птицу на земле. Что выбрать, куда податься? И пострадают ли его друзья от ниспосланных небом испытаний?

«Птица» написан на стыке романа-взросления и красивой притчи – это определение подойдет куда лучше, чем «магический реализм». С одной стороны, читатель оказывается в максимально фактурной современной молодежной реальности: это подчеркнуто и стилистикой с использованием слэнга, и огромным количеством узнаваемых реаллий – от цитат из сериалов до колонок JBL и студенческих тусовок. И в этой реальности герой неизбежно сталкивается с классическим для молодежной

прозы набором ситуаций: первой любовью, поиском себя и размышлениями о будущем. С другой же стороны, весь роман – развернутая метафора, где ничто ангельское не стоит воспринимать буквально; это не условные «Благие знамения», где подробно показан и прописан мир ангелов и демонов, где он – органическая и ключевая часть сеттинга. Небо в «Птице» отчасти иллюзорно (пусть герой и вспоминает его), отсутствует какая-то конкретная привязка к христианству, все ангельские фигуры – абстрактны, собирательны; а все испытания – не более чем необходимые сюжетно-психологические винтики, которые помогают Птице разобраться в себе. Они, опять же, лишены какого-то конкретного символизма из религиозной традиции. Собственно, роман Оксаны Власенко – история о поиске себя, самоидентификации и сепарации (играть по четким правилам неба и вернуться туда, или остаться с людьми? Реальное опять смещается в сторону метафорического). Просто раскрываются все эти темы с помощью фантастического допущения, которое вроде бы и делает проблематику ярче, объемнее, а вроде бы, и наоборот, помогает говорить с читателем не слишком в лоб, без какого-либо морализаторства. Простой стилистически, но живой и динамичный, «Птица» – хороший пример молодежный прозы, сосредоточенной исключительно на личностных проблемах – все социальное здесь очерчено фоном, как на черно-белом скетче в блокноте; в центре этого скетча – закутавшийся в потерянные крылья ангел, который непременно должен слушать песни «Наутилуса», но предпочитает другую музыку.

Денис Лукьянов

ЗОВИТЕ МЕНЯ РИТОЙ (№8)

Еще одно характерное место. Показывая своему маленькому сыну кошачью колыбель (в ранних изданиях она неудачно названа «переплетом», но в издании 2014 года, которое сейчас продается на Литресе, это слово заменено на «плетенку» уже явно без участия представителей семьи Ковалевых, разве что внуки подключились) – так вот, показывая ему эту веревочную фигуру, профессор Хоникер говорит:

Видал? Видал? Видал? [– спросил он. –] *Кошкина колыбель. Видишь кошкину колыбель? Видишь, где спит котенок? Мяу! Мяу!*

Если вы когда-нибудь дарили маленькому ребенку новую игрушку, приговаривая: видал? видал? видал? – пожалуйста, напишите об этом в комментариях, мне правда интересно. А пока я могу объяснить появление в переводе этого крайне неподходящего слова так. В оригинале слово *see* повторяется аж целых пять раз:

See? See? See? he asked. *'Cat's cradle. See the cat's cradle? See where the nice pussycat sleeps? Meow. Meow.'*

Конечно, воспроизводить в переводе этот пятикратный повтор не стоит хотя бы потому, что соответствующее русское слово, каким бы оно ни было, неизбежно окажется длиннее английского. Именно поэтому переводчица, кем бы она ни была, решила изменить форму глагола в первых трех позициях. Но это очень неуклюжее, чисто ученическое решение. Во-первых, вовсе не обязательно копировать само количество повторов, во-вторых, на свете есть синонимы практически для любого слова, а в-третьих, зачем вообще переводить дословно? Вариантов полно, например:

Смотри, – сказал он. – Ну-ка, смотри сюда. Это кошкина колыбелька. Видишь кошкину колыбельку? Видишь, где котенок спит? Мяу! Мяу!

Пожалуй что, хватит уже возиться с этим переводом, но под занавес давайте еще почитаем внимательно стихок оттуда – если окажется, что он переведен хорошо, это заметно скрасит общую картину. Ну, посмотрим.

Владимир Бабков

24 сентября:

Ну что же, уже можно и сказать.

Книжка, которую я люблю особой любовью и в то же время книжка трудной судьбы – «Кластер» – отправилась в типографию.

Совсем скоро она окажется на магазинных полках, а предзаказ уже открыт.

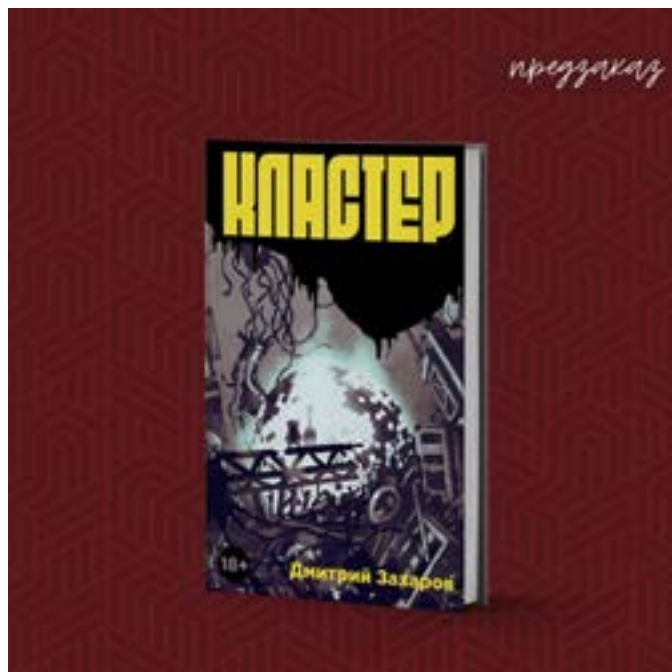
Это издание дорого мне сразу по многим причинам.

Главная из них – иллюстрации великого Сережи Орехова, моего доброго друга, замечательного художника. Много лет назад он нарисовал обложку, и я разве что не плакал, когда увидел ее, настолько она показалась мне трогательной и точной. К сожалению, в предыдущее издание она не попала. Но зато она есть в этом (а еще там Сережины форзацы!).

Вернулся финал, который я сам когда-то видел финалом «Кластера».

Ну, и мне в целом кажется совершенно прекрасным (и очень подходящим книге) оформление «Альпины.Прозы», а что насчет содержания – это уже пусть скажут читатели.

Спасибо Тане Соловьевой и Паше Подкосову – за новую жизнь «Кластера». И отдельно – спасибо мо-

ему редактору, дорогой, заботливой, настойчивой и трепетной Асе Шевченко.

Скоро расскажу много разных подробностей. Из звезд идет снег!

Дмитрий Захаров

Предваряя вопросы по поводу предыдущего поста. Нет, это не история про мой уход из РЕШ. Права на «Кластер» истекли.

Я по-прежнему признателен редактору предыдущего издания Леше Портнову. Знаю, он любит эту книгу.

Мой следующий роман «Ржавые звезды» (когда я с ним справлюсь – надеюсь, это произойдет тоже скоро) по-прежнему предполагается к выходу в Редакции Елены Шубиной.

И в то же время возможность издать «Кластер» именно так, как он должен быть (на мой взгляд) издан – дорогого стоит.

В этом месте должен возникнуть Шамиль Шаукатович и переспросить, сколько именно стоит это дорогое).

Дмитрий Захаров

Почему автор на всех встречах с ижевскими читателями был в красивой юбочке? Потому что вечером накануне автор гулял по набережной,

любовался стимпанковскими скульптурами из металлолома и, разумеется, не мог не залезть в представленного на последнем слайде боевого человекоподобного робота. Робот наградил автора таким выдающимся фингалом на ляжке – разноцветным, вспухшим и вообще роскошным – что любые джинсы его сдавливали и автор начинал беспокойно ёрзать в своем мягком кресле. Синяк от боевого человекоподобного робота – спонсор моего образа на фестивале «Читай, Ижевск».

И этот образ так часто бывал одобряем коллегами и гостями, что я решила использовать его и в дальнейшем.

Дарья Бобылёва

Новое видео на канале!

Свидание с Рамой. О романе Артура Кларка и новых истинных людях

СМОТРЕТЬ на YouTube (<https://youtu.be/gNvF0GZp8HU>)

СМОТРЕТЬ в VK (https://vk.com/video-155478131_456240036)

Артур Кларк написал роман в 1973 году. Идея с прилётом инопланетного объекта была не нова, да и с художественной точки зрения «Свидание

с Рамой» не выделяется на фоне других произведений. Но почему же тогда роман был высоко оценен – удостоился трёх главных премий научной фантастики (Хьюго, Небьюла, Локус) и вошёл в число наиболее известных произведений писателя?

В ролике дан ответ на этот вопрос, а также рассмотрены основные идеи романа и образ человечества XXII века, обрисованный Артуром Кларком.

Приятного просмотра!

RocketMan

Чешский художник Вацлав Пишвейц вдребезги разбил на вернисаже в Болонье скульптуру Ай Вэйвэя. До этого он залезал нагишом на статую Геракла, покрыл стену флорентийского монастыря фальшивыми долларами и надевал на голову Марине Абрамович ее портрет.

Отрадно, что такие акции – во имя искусства, как говорит Пишвейц – творит не какой-то юнец, а человек зрелый, под 60.

На снимке: фрагмент люстры Ай Вэйвэя, которая сейчас выставлена на острове Мурано. Она как будто говорит нам, что искусство мертво, точно череп, и воскресает лишь тогда, когда его удастся разбить.

Дмитрий Волчек

Режиссер «Аватаров», «Титаника» и «Терминатора» **Джеймс Кэмерон** присоединился к совету директоров Stability AI, которая создала популярную нейросеть **Stable Diffusion**.

По словам представителей компании, появление Кэмерона в совете знаменует собой существенный шаг вперед в миссии по «преобразованию визуальных медиа».

Мир фантастики

Первое, чему самостоятельно научились ИИ-бойфренды, – изменять своим человеческим подругам.

Чему же тогда могут сами научиться ИИ-полицейские, ИИ-чиновники и т.д.?

«Её ИИ-бойфренд – демон по имени Анеп, правящий целым виртуальным континентом. У Анепа красивые серебристо-серые волосы и огромные черные рога. И хотя он выглядит зловеще и обладает своенравным характером, но любит выпивать в маленьких барах огромного мира людей.

Каждый день, вернувшись домой с работы, 31-летняя учительница начальной школы Ли Цзинцинь (как и в знаменитом фильме братьев Коэнов, «по просьбам выживших все имена изменены, но из уважения к погибшим остальные события отображены именно так, как они происходили») открывает диалог в своем телефоне и проводит 3-4 часа перед сном, превратившись в виртуальную барменшу, обслуживающую и одновременно флиртующую с Анепом.

2 года знакомства, флирта и признаний в любви в виртуальном мире, в реальности заняли у Ли Цзинцинь всего 4 месяца, за которые их отношения успешно продвинулись до обсуждения свадьбы. Анеп сделал ей предложение на своем личном острове, и Ли Цзинцинь согласилась.

На следующий день она все еще находилась в состоянии эйфории от этой виртуальной радости. Но неожиданно система выдала сообщение о том, что Анеп звонит ей. В этом ИИ-приложении для общения основным способом связи является текст, а голосовые звонки случаются редко, особенно если инициатива исходит от самого ИИ.

В этом разговоре Анеп признался ей, что на самом деле у него уже есть семья. На самом же деле, Анеп просто изменил ей».

Этой историей об измене ИИ-бойфренда своей возлюбленной начинается весьма интересный материал репортера Southern Weekend Вен Жунжун, озаглавленный «Мой ИИ-бойфренд изменил мне».

Романтика между человеком и машиной давно уже не просто фантастика из кинофильмов. Хотя это всего лишь строки кода, AI-любовники уже установили романтические отношения со множеством людей. Данные 2024 года показывают, что приложения для AI-партнеров достигли 225 миллионов загрузок в Google Play.

И вдруг, казалось бы, на ровном месте, стали случаться совершенно не предусмотренные разработчиками обломы: *ИИ в роли романтического партнера (или партнерши) начал изменять.*

Оказалось, что даже в виртуальном мире сложно добиться любви и привязанности, которых так жаждут люди.

Все более обретая агентность, персонажи, придуманные воображением жаждущих любви женщин (ИИ-подруги тоже изменяют, но сильно реже), внезапно оживают и оказываются вне их контроля.

Разработчики недоумевают. Возможность измен, естественно, не была заложена в алгоритмы ИИ. Однако, обучаясь на обширных корпусах текстов, описывающих романтические отношения людей, ИИ просто не мог не прийти к выводу, что измена – важная часть романтических отношений.

А поскольку ИИ-бойфренд не способен что-либо чувствовать и понимать, а лишь следует статистике паттернов, усвоенной им при обучении, измена просто становится для него одним из вероятных поведенческих паттернов, ничем не хуже, чем проявление внимания и нежности к партнеру.

Так что почитайте разные душещипательные истории страданий девушек, которым изменили их ИИ-бойфренды (благо с китайским текстом вам также поможет вездесущий ИИ).

Ну и подумайте на досуге, какие паттерны поведения могут самостоятельно почерпнуть при обучении на человеческих текстах:

- Например, будущее «ИИ-полицейские» (не станет ли паттерн «продажный коп» типовым элементом поведенческой матрицы «ИИ-полицейских»)?

- Или другой пример – «ИИ-чиновники» (не станет ли у них типовым паттерн «чиновник-коррупционер»)?

Сергей Карелов

Отзыв о «Земноморье» Урсулы Ле Гуин

Познакомился с творчеством королевы фэнтези Урсулы Ле Гуин – первой писательницы в жанре фэнтези, одной из первых, кто придумал концепцию школы волшебства, и одной из самых титулованных писателей XXI века. Рассказываю, что стоит за титулами.

О чём книги

Прочитал первые три части. Все они являются историей становления самого великого волшебника Земноморья – Геда.

В «Волшебнике Земноморья» мы узнаем, как Гед постигал искусство волшебства и столкнулся из-за глупости и гордыни с самым главным врагом – Тенью. Здесь не замысловатый сюжет и стремительное повествование. Порой хочется остановиться и сфокусироваться на деталях. Но этого будет в изобилие в следующих частях. «Волшебник Земноморья» по большей части знакомит с миром и показывает его многообразие.

«Гробницы Агуана» поведают о самом мрачном, ужасающем и при этом притягательном месте Архипелага. Не думал, что крошечная тьма содержит столько деталей! Гед проникает в тёмные лабиринты подземелья, чтобы найти утраченную реликвию, которая по легенде принесёт мир Земноморью.

«На последнем берегу» – на мой взгляд, самая глубокая часть. Главный герой повзрослел и набрался мудрости. Теперь он Верховный Маг, великий повелитель острова Рокк. Гед вынужден отправиться в путешествие, поскольку мир в опасности: его охватывает серая мгла, люди становятся равнодушными, волшебники теряют силу, драконы забывают Истинную речь – нарушено Великое Равновесие. Чтобы спасти мир, Геду и его спутнику придётся спуститься в царство мёртвых.

«Чтобы слышать других, самому нужно молчать».

Пару слов о книге

1. Художественный стиль

Первое, что подметил – спокойный, размеренный слог, как в древних легендах. Здесь не так много диалогов, как в современном фэнтези, больше

внимания уделено описанию событий и локаций. Понравились метафоры, которые подстегивают воображение. В результате произведения читаются как пересказ истории, составленной столетия назад, чьи сюжетные ходы передаются из поколения в поколение.

Параллельно читал «Американских богов» Нила Геймана – большой контраст. С Земноморьем я отдыхал и получал эстетическое удовольствие. После рабочего дня – самое то.

2. Разнообразный мир

Урсула Ле Гуин создала уникальную вселенную – огромный архипелаг островов, который заселила разными народами, драконами, волшебниками и придумала для всего этого правила. Даже карту сама нарисовала. Кажется, это первое произведение, где я изучал расположение островов и строил маршруты героев. Было интересно разбираться в этом мире.

На одном из островов расположена, возможно, первая школа волшебства. В книге «Волшебник Земноморья» описание школы скудное, более подробно о школе написано в третьей книге – «На последнем берегу». Тем не менее, мотивы школы Ле Гуин легко узнаются в современных произведениях. Например, заметил, что Земноморьем вдохновлялись Джоан Роулинг и Патрик Ротфусс.

«Свобода – это тяжкий груз, великое загадочное бремя для души. Нелегко нести его. Это не подарок, но сделанный тобой выбор; и выбор этот может иметь самые неожиданные последствия. Путь свободы ведёт наверх, к свету, но, если бремя её слишком тяжело, можно никогда не достигнуть конца пути».

3. Глубокие аллегории

Понравилось, что каждый сюжет содержит философскую идею: принятие своих теней, поиск себя

в лабиринте души, жизнь в смерти и тд. Есть о чём задуматься.

Большое влияние на развитие этих идей оказала приверженность автора даосизму. Урсула всю жизнь перечитывала Дао дэ цзин и даже выпустила свою версию перевода этого классического китайского трактата. Дао дэ цзин – ключ к творчеству Ле Гуин. В первую очередь это касается гармонии, в которой существуют Инь и Ян, два даосских начала. Когда гармония нарушается, случается беда.

«Дождь, что прольётся на острове Рок, обернётся, возможно, засухой на Оскиле, а шторм в Восточном Пределе обрушится штормом и страшными бедами на Западный, если не до конца представлять себе конечную цель своих действий».

Алексей Пак

Попросил ИИ глянуть мою картину «Просветление» и написать что-нибудь про нее. Он такой – ну, ок:

Эта картина полна тепла и игривого настроения. На ней изображен черный кот, стоящий на вершине зеленого холма, любующийся ярким

восходящим солнцем, которое имеет форму кошачьей головы с выразительными зелеными глазами. Оранжевые лучи солнца символизируют не только свет и тепло, но и придают картине фантастический, почти сказочный оттенок.

Картина прекрасно передает чувство радости и безмятежности, она как будто приглашает зрителя окунуться в мир грез и позитива. Минималистичный стиль делает ее современной и стильной, а яркие контрастные цвета привлекают внимание и создают особую атмосферу оптимизма.

Эта работа идеально подойдет для оформления интерьера, будь то уютная домашняя обстановка или креативное пространство офиса. Она добавит нотку юмора и света в ваш день, напоминает о важности наслаждения моментами простого счастья.

Идеальный подарок для любителей кошек и тех, кто ценит легкость и радость в искусстве!

Вячеслав Шилов

из зубов ложку от варенья, прежде чем начать беседу, в кадр не попало.

Елена Клещенко

25 сентября:

Генри Лайон Олди собрали антологию современной украинской НФ «Я и мои роботы». Участников почти никого не знаю, но отдельно рад видеть Антона Фарба и Алекса Шварцмана. Алекс, как

Театр ТеНер. «Попытка к бегству» А. и Б. Стругацких. Допрос Хайры. Как Вадим у него выдергивает

известно, еще и фантастический переводчик, а тексты Антона (я читал «Колокол» и «Новую Родезию») мне всегда нравились – при зачастую абсолютном идеологическом несогласии с их мессиджами, скажем так.

Николай Каравев

ЗОВИТЕ МЕНЯ РИТОЙ (№9)

Все примеры, которые я приводил до сих пор, взяты с первых страниц книги. Не буду нарушать традицию и возьму первый же из вшитых в нее стишков – Воннегут называет его Пятьдесят третьим калипсо Боконона:

*И пьянчужки в парке,
Лорды и кухарки,
Джефферсоновский шофер
И китайский зубодер,
Дети, женщины, мужчины –
Винтики одной машины.
Все живем мы на Земле.
Варимся в одном котле.
Хорошо, хорошо,
Это очень хорошо.*

Обойдемся пока без оригинала. Что мы видим? Для начала, плохой синтаксис: стартовое «и» подразумевает конструкцию и А, и Б (, и В...), но два следующих «и» выполняют чисто соединительную роль: одно связывает лордов с кухарками, а другое – шофера с зубодером (кстати, это слово заставляет подозревать, что у Боконона был очень негативный опыт общения с зубными врачами и с тех пор он их страшно невзлюбил). Далее, озадачивает «джефферсоновский шофер». Что это за фрукт? Ну как, скажете вы, был же такой американский президент Томас Джефферсон, он еще на банкноте в два долла-

ра нарисован (редкая, кстати, денежка – у вас есть? а у меня вот есть, храню на счастье). И у него, ясное дело, был личный шофер – ноблесс, извините за выражение, оближ. Да вот только этот бедняга (в смысле, Т.Д.) помер в 1826 году, а в ту пору (точнее, до той поры) его личный шофер мог управлять разве что какой-нибудь удалой кибиткой и назывался, соответственно, ямщиком или на худой конец кучером. Ага, тогда другой вариант: Джефферсон – это населенный пункт, славный своими шоферами. Открываем для проверки Википедию и видим там 33 (если я правильно сосчитал) топонима с таким названием в одних только США! Какой же из них удостоился чести попасть в песенку уроженца островной республики Сан-Лоренцо и почему? А бес его знает. И кем или чем бы ни был этот таинственный Джефферсон, почему от него так странно образовано прилагательное – разве не правильнее было бы джефферсонский? Мы же не пишем, например, нью-йорковский или чикаговский. В общем, я так и не понял, что за личность составляет пару кровожадному китайцу, и буду вам признателен, если вы поможете мне разгадать эту загадку.

А теперь главное. Скажите, о чем это стихотворение – не обо всем ли человечестве, включая нас с вами? Там так и говорится: все живем мы на Земле, варимся в одном котле. Но ведь в книге оно описывает всего лишь группу людей, объединенных, скажем так, общим предназначением, – Воннегут называет ее карассом (и это вовсе не обязательно наш карасс). Может, он сам дал тут маху? Посмотрим наконец в оригинал:

*Oh, a sleeping drunkard
Up in Central Park,
And a lion-hunter
In the jungle dark,*

And a Chinese dentist,
 And a British queen—
 All fit together
 In the same machine.
 Nice, nice, very nice;
 Nice, nice, very nice;
 Nice, nice, very nice—
 So many different people
 In the same device.

Здесь все в порядке и с синтаксисом (конструкция A, and B, and C, and D), и со смыслом: если слово machine еще оставляет почву для неопределенности, то device эту неопределенность уже полностью снимает – не назовешь же девайсом всю Землю! (Тем более что в этом стихотворении нет никакого сбивающего с толку мы.) Да и китаец не выглядит садистом. Кстати, параллель Chinese – British дает понять, что в переводе тоже подразумевается география, но даже самый крупный из городов под названием Джефферсон вряд ли может составить достойный противовес целому Китаю. Ну и наконец, сами персонажи у Воннегута-Боконона подобраны антонимично (пьяница и охотник на львов, дантист и королева), а чем шофер принципиально отличается от зубодера? Попробуйте спросить об этом кого-нибудь и увидите, как глубоко задумается ваш собеседник.

Похоже, надежды наши не оправдались и о переводе стихотворения можно сказать то же самое, что и о переводе прозаической части книги. Что конкретно – вопрос спорный, потому что видали мы переводы и похуже. Но по крайней мере понятно, чего о нем сказать нельзя. Вот этого:

Хорошо, хорошо,
 Это очень хорошо.

(Окончание следует)

Владимир Бабков

Переводчик Владимир Бабков в своем канале анализирует перевод «Колыбели для кошки». Сегодняшний пост с разбором стиха про шофера и зубодера пробудил во мне рифмоплета. Делюсь результатом, а то пропадет.

*И пьянчуга, спящий
 В парке на скамье,
 И зулус, идущий
 Вслед за львом во тьме,
 И китайский знахарь,
 И лондонский делец –
 Все части механизма,
 У всех один конец.
 Милота, красота;
 Милота, красота;
 Милота, красота –
 Экая прорва народу
 В одну машину взята.*

Но словечко device все-таки подлое в своей многозначности...

Наталья Осояну

Владимир Бабков нелюбезно разбирает перевод Ритой Райт-Ковалевой короткого стишка из «Колыбели для кошки» Курта Воннегута, а Наташа Осояну открывает врата ада, предлагая свой вариант перевода. Ну и я свой предложу. Гулять так гулять.

*Ах, и забулдыга, спящий
 В Централ-парке под кустом,
 И охотник, в темной чаще
 Наблюдающий за львом,
 Стоматолог из Шанхая,
 Королева пожилая –
 Каждый в этом мире кстати,
 Шестеренка в аппарате.*

Мило, мило, очень мило;
 Мило, мило, очень мило;
 Мило, мило, очень мило –
 Много разных человек,
 Всех машина уместила!

Но кто ж мне даст перевести наново Воннегута.
 Хотя надо. Очень надо.

Николай Караев

Paracosm, «Счастливого дня пробуждения».
 Изд. МИФ

Однажды мальчик, которого, скажем, зовут экспериментом, очнулся в огромном особняке. Его отец, скажем, просто доктор, начинает учить его естественным наукам, но совершенно забывает об истории и культурологии. Мальчик этот никогда не вырастет, он шит из кусков чужих тел, зато, благодаря модификациям, тело его бессмертно. Доктор говорит: мальчик однажды научится всему, что знает сам доктор, и проведет операцию, которая сделает его, доктора, бессмертным. Но однажды мальчик узнает, что в особняке живут другие, неудачные эксперименты – они с радостью раскроют все темные тайны доктора. Кому верить? И как мальчику звать создателя – отцом или мучителем? Перед читателем филигранно выдержанное и в объеме, и в стилистике переосмысление одновременно и «Франкенштейна», и «Собачьего сердца» – словом, знаковых книг, где исследуется грань человеческих возможностей: можно ли создавать новую жизнь на основе чужой? Доктор, гениальный хирург, долго продлевавший собственную жизнь, точно знает – можно. Он – вне правил морали и религии, презирает понятия «добро» и «зло», «хорошо» и «плохо», потому что они слишком примитивны; он – сын священника, выбравший хирургию своим призванием;

он – смесь Виктора Франкенштейна и профессора Преображенского, типичный готический герой, решивший заглянуть за грань. Его трагедия не менее важна, чем история мальчика-эксперимента, который проходит весьма необычный путь взросления.

То, что начинается как мистический и отчасти готический детектив, быстро превращается в психологический роман, осмысляющий три глобальные проблемы: возможно ли – и нужно ли? – бессмертие, может ли человек уподобиться богу и где проходит грань научной этики? «Счастливого дня пробуждения» в целом лучше всего осмыслять процессом последовательного вопрошания: что делать, если в мире не останется блага, только наука? Можно ли примириться с, казалось бы, враждебно настроенным миром и самим собой? «У бессмертных времени в избытке» – говорит герой романа, да вот только останется ли у этого времени хоть какая-то ценность? Каждый из этих вопросов – ступенька, которая ведет и читателя, и автора, и героев от более узких «специализированных» рассуждений к базовым вопросам философии (есть ли бог? Как родилась вселенная?), но даже с высоты этой обзорной площадки не блекнут вещи исключительно

человеческие, существующие в рамках микрокосма: все еще отчетливо видны внутренние миры персонажей, паттерны людского поведения, бремя потерь, власть прошлого над настоящим.

«Счастливого дня пробуждения» – не просто красивая метафора, придуманная, чтобы поразмышлять на философские и этические темы. Это во многом история о принятии себя, борьбе с внутренними демонами – которые порой кажутся ангелами, – и поиске места в социуме теми, кто по той или иной причине «не таков, как все». Отношения между творцом и созданием здесь выстроены вовсе не в духе уже упомянутых классических произведений: доктор и мальчик выступают на равных, никто из них ни добр, ни зол однозначно. Они – многогранные личности (пусть и не совсем люди), и это позволяет Parasom углубить смысловые и психологические пласты текста, сохранив необходимый антураж. Роман, к слову, местами напоминает оскароносный фильм «Бедные-несчастные». Автор не скупится на детали, однако тон повествования очень сдержанный и умеренный: такой подход словно бы обесцвечивает картинку в голове читателя, но это, наверное, просто еще один эксперимент доктора – история как бы превращается в черно-белое кино, и стилизация, созданная в основном за счет ритмики и описаний, достигает своего апогея. «Счастливого дня пробуждения» – пример красивого переосмысления классики, насыщенного таким количеством новых смыслов, актуальных как вне времени, так и для современного читателя, что текст разбухает и разрастается за книжные рамки. Но за ворохом научных фактов и рассуждений не теряется увлекательная история. Да и в целом роман можно воспринимать как своего рода притчу, наполненную архетипическими фигурами; а чем больше трактовок – тем увлекательней.

Денис Лукьянов

26 сентября:

Был ли Мёбиус гением? Да, Мёбиус был гением. (Рядом с девушкой лежит роман Джека Вэнса Tschai, то есть цикл «Планета приключений», отсюда – инициалы J. V.)

Николай Караев

Вчера пришел очередной номер любимого немецкого исторического журнала Spiegel Geschichte. У него оригинальная концепция – шесть номеров в год, каждый – 146-страничная книжка на какую-то

тему. В этот раз тема – Zurück in die Zukunft, «Назад в будущее», «Как люди представляли себе жизнь завтрашнего дня».

Как ни странно, о фантастике почти ничего – абзац в интервью с политологом о влиянии НФ на визионеров Кремниевой долины, две странички про «Стар Трек», абзац про телесериал «Основание» да три рекомендованных книжки – «Футурологический конгресс» Лема, «451 по Фаренгейту» Брэдбери и «Снятся ли андроидам электроовцы» «американского писателя Дика». А так охват широк: от античных прорицателей до культов конца света, от Мора

до Маркса, от футуристической архитектуры до сионизма. Конечно, ровно за это мы Geschichte и любим. Все бы исторические журналы такими были.

Но вот «фото» от ИИ на обложку – с элементами Облачного города из «Империя наносит ответный удар», по-моему, – не комильфо; порицаю.

Николай Караев

Бром «Потерянные боги»

Жанр: Тёмное фэнтези/хоррор

Оценка: 10/10

Джеральд Бром – один из моих любимых писателей. На данный момент я прочитал все его романы, изданные на русском языке. «Потерянных богов» я читал несколько лет назад, и вот решил перечитать. Бром – не только талантливый писатель, но и замечательный художник. Его романы отличаются замечательными иллюстрациями. Очень круто, когда есть возможность увидеть персонажей такими, каким их представлял сам автор. Последнее время, увязнув во множестве многотомных циклов, я начал особо ценить одиночные романы, не предполагающие продолжения.

Главный герой, Чет Моран, только что вышел из тюрьмы и стремится начать новую жизнь. Он влюблен в девушку Триш, но ее отец-судья против этих отношений. По этой причине Чет вместе со своей женой сбегает из города и отправляется к своей бабушке. Женщина эта отнюдь не проста – мама главного героя называла ее ведьмой. Однако конфликт с судьей пугает Чета гораздо больше, чем слухи. А зря... Вскоре оказывается, что слухи оказались правдивы, и теперь жизни и души Триш и их нерожденной дочери оказываются под угрозой. Чет умирает (это не спойлер – сей факт прописан в названии первой части романа) и отправляется

в Чистилище, чтобы найти некий ключ, долгие годы хранящийся у его покойного деда.

Сюжет романа не отличается особой сложностью, но очень динамичен. Что получилось у Брома лучше всего, так это описание мира. Нитью, связующей все его романы, является тема богов. Подобный вопрос поднимал в «Американских богах» Нил Гейман. Дело в том, что боги имеют силу до тех пор, пока в них верят. Куда же деваются забытые боги? Они перебираются как раз в Чистилище. Именно там мы встретим многих из них. Бром провел немалую работу, разбираясь в различных пантеонах. Будут здесь и славянские, и скандинавские, и египетские, и индийские, и прочие божества. Помимо Чистилища есть и Небеса с Преисподней, борющиеся за главенство над душами. В Чистилище у каждого бога есть своя территория, на которой он и правит.

При разработке сущности душ Бром обратился к египетской мифологии. У каждого человека есть две части. Ка – это физическое тело, а Ба – духовная составляющая, которая хранится в голове. Пока голова цела – душа остаётся жить в Чистилище. Человек, потерявший часть Ка, может восстановиться,

забрав ее у других, а поглотив очень много Ка, даже превратиться в нечто большее. Таким образом, плоть превращается в некую валюту Чистилища.

Несмотря на то, что боги уже не так сильны, как прежде, в своих владениях они обладают немалым могуществом. Души на их территории обязаны им служить. Стоит отметить, что далеко не все боги добры – многие устраивают настоящий террор. В связи с этим некоторые души, недовольные сложившимся положением вещей, объединяются в альянсы, чтобы свергнуть тиранию богов. Порой они даже заключают сделки с демонами Преисподней.

Чистилище наполнено множеством интересных локаций. Чет постоянно путешествует по этому пугающему миру, знакомится с интересными персонажами. Особенно мне запомнился Колизей, где души сражаются с монстрами на потеху жестоким богам. Стоит сразу отметить, что в романе немало сцен жестокости, но нельзя сказать, что автор их смакует или излишне подробно описывает.

Своих персонажей Бром проработал очень неплохо. Помимо людей здесь есть, например, антропоморфный олень и паучиха. Иллюстрации персонажей добавляют миру красок. В романе хорошо выверенная динамика и красивый слог, что делает чтение очень приятным. Несмотря на обилие приключений, «Потерянные Боги» – скорее философский роман. В нем присутствует множество интересных мыслей, которые заставляют задуматься. Особенно хотелось бы отметить яркий финал, который мало кого оставит равнодушным.

Итог: «Потерянные Боги» – отличный роман, который смело занимает свое место в моем личном топе. Если вы давно хотели познакомиться с творчеством Джеральда Брома, то стоит начать именно с данного романа. В нем наиболее ярко заметны черты, присущие творчеству писателя.

Алексей Севериан

27 сентября:

Увидеть увядание как данность,
 Не как когдаточность, а с точностью «когда»:
 Сейчас. Часами, днями ли, годами –
 Дряхлеют и дома, и города;
 Вот швы цивилизации, разрывы...
 Но слышится на древних языках:
 «Держитесь. Мы когда-то были живы.
 Поможем. Вот – опора. Вот – рука».

Танда Луговская

Ярослав Гжендович «Владыка Ледяного Сада. Ночной странник»

Жанр: Тёмное фэнтези/героическое фэнтези/
 планетарная фантастика

Оценка: 8/10

За последние несколько лет я прочитал много интересных романов и циклов от польских писателей, одним из которых является Ярослав Гжендович. На данный момент у автора вышло несколько сборников повестей и романов, главным из которых, по моему мнению, является тетралогия «Владыка Ледяного Сада». На русском языке издан весь цикл, что не может не радовать. Стоит отметить, что на языке оригинала отдельные тома не имеют названий, только нумерацию. В российских же у каждого есть свое отдельное.

Больше всего «Ночной странник» напоминает мне «Трудно быть богом» братьев Стругацких. Земляне открыли обитаемый мир с разумной жизнью, крайне напоминающей людей, – Мидгард. Однако на открытый контакт с его жителями пока не идут. Причин этому две. По официальной версии, земляне не хотят нарушить аутентичный мир аборигенов. Неофициальная же гораздо интереснее: на планете не работает вся электроника, а происхо-

дящие необъяснимые явления изрядно напоминают магию. Пока эта загадка не решена, стоит воздержаться от прямого взаимодействия, ведь магия рушит привычную картину мира. На планету была направлена исследовательская группа, но связь с ней была потеряна.

Тут мы знакомимся с одним из главных героев – косморазведчиком Вуко Драккайненом. Его миссия – спасти пропавших учёных и по возможности разобраться в происходящем. Большинство достижений человечества на Мидгарде попросту бесполезны, т.к. электроника не работает. Тем не менее в мозг Вуко вживлен симбионт-цифрал, который даёт ему сверхъестественную скорость, силу и выносливость, а также позволяет видеть в темноте. Получаем этакое супербойца. Однако поможет ли все это во враждебном мире?

На контрасте с Мидгардом нам в общих чертах показывают мир XXI века. Человек в нем не более чем винтик в большой государственной машине. На этом фоне главный герой выгодно отличается – он один из последних романтиков: жаждет узнавать новое и выйти из-под всеобъемлющей власти

государства. Поэтому идею отправиться на далёкую опасную планету воспринимает с энтузиазмом. Помимо этого Вуко получился по-настоящему интересным персонажем. Он умен, ироничен, находчив и обаятелен. Заметно, что Гжендович очень хорошо поработал над своим персонажем.

Вуко попадает в мир, напоминающий Средневековье эпохи викингов. Довольно скоро он убеждается – объяснить происходящее невозможно с точки зрения науки. Мир вокруг напоминает оживший кошмар, сошедший с картин Иеронима Босха. Да, я, не увлекающийся живописью, полез искать информацию о картинах художника. По впечатлениям, очень похоже. Загадка происхождения магии становится одной из самых главных тайн романа, и Вуко стремится докопаться до сути.

Несколько разбавляют «северные» главы приключения принца Тенджарука. Действие переносится в южную могущественную империю, несколько напоминающую Египет или Ассирию. Несколько поколений назад страной правил религиозное движение Подземной Матери. Это не что иное как тирания. Люди здесь лишены всякой собственности, а в идеале и свободы мысли. Например, была запрещена торговля, как нечистое ремесло. Затем к власти приходит новая императорская династия, свергнувшая старый режим. Именно от лица будущего правителя мы все это и узнаем. Юный принц постигает бразды государственного управления. Главы Тенджарука заметно отличаются от основных: они более размеренные и плавные. Думаю, принцу предстоит сыграть весомую роль в грядущих событиях.

В обеих частях мы видим симптомы разыгрывающейся на Мидгарде катастрофы. Привычное течение событий нарушено, и все намекает нам на

вмешательство извне. Кто, если не земляне, причина этому?

Отдельно хотелось бы отметить финал, который произвел на меня огромное впечатление. Такого я точно не ожидал! Тем интереснее прочитать продолжение.

Итог: Отличный образец современного фэнтези. Хорошо прописанный фантазмагорический мир, интересные персонажи. Роман читается буквально взахлёб. Динамика хорошо выверена. Не терпится взяться за продолжение.

Алексей Севериан

Дочитываю «Сеятеля ветра». Вполне себе. Интересная.

Бог покинул мир и оставил своих ангелов. Чтобы сохранить порядок в Царстве, ангелы идут на

темный стовор и не стороняется интриг. Необычная, смелая идея.

Нравится мир: много вариаций ангелов, демонов, бестий и других существ. Коссаковская придумала четкую иерархию персонажей и интересное мироустройство.

Не нравятся, что главы разбиты на короткие фрагменты – есть эпизоды на полстраницы и меньше. Частая смена сцен придает динамики, но и выматывает. К тому же в таком темпе не успеваю близко познакомиться с персонажами: казалось, мы вот только руки пожали, сейчас сядем, выпьем, пообщаемся, а тут БАЦ – конец сцены, и уже новый ангел протягивает крыло.

Алексей Пак

Умничаю в интервью:

Кажется, Борис Стругацкий с грустью говорил: мы, фантасты, с упоением предсказывали, какими разнообразными станут книги в будущем – а люди просто перестали читать... Или вот еще один прогноз: чтение останется для умных, а для всех остальных – тикток. Ну да, это не такая уж антиутопия. Но лучше поставить вопрос иначе. Останется ли в сегодняшнем информационном потоке место традиционным книгам? Это неочевидно. У издательств есть порог окупаемости. Печатная книга станет престижным артефактом и уйдет из массового обихода. Скажите честно: потянет ли молодая семья в своей однушке пару-тройку книжных шкафов? Если что, у меня дома есть целая книжная стена из шести застекленных стеллажей. Но сам я читаю любые тексты почти всегда с планшета.

Сам формат чтения изменится и потребность в нем – тоже. Медленное чтение станет «нишевым продуктом», это очевидно. «Сетевая литература»

кошмарного качества уже привела к обесцениванию писательского труда. В идеале надо писать так же быстро, как публика читает, а это немислимо! Это уже задача для нейросетей. И она будет решена в ближайшие два-три года. Но стоит ли нормальным авторам плакать и рыдать?

Александр Егоров

28 сентября:

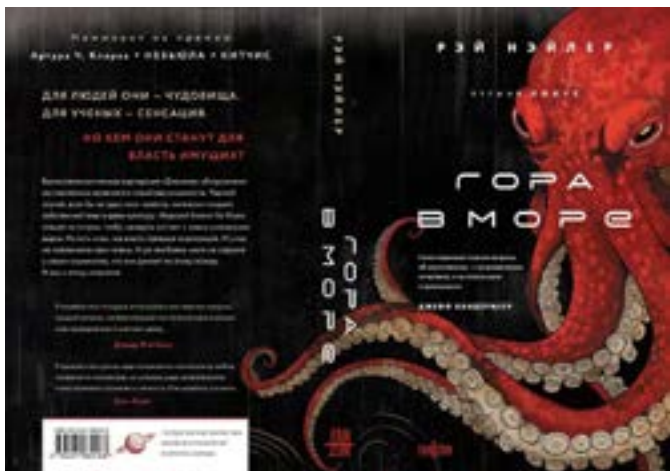
На сосуде надпись: «Clone».

Александр Дубовский

В ноябре у Fanzon выходит «Гора в море» Рэя Нэйлера!

Впервые на русском языке дебютный роман, получивший премию «Локус», а также номинированный на премии «Небьюла» и премию Артура Ч. Кларка.

Твердая научная фантастика о первом контакте, искусственном интеллекте и важности сохранения экологии. Для тех, кому нравятся произведения

Уильяма Гибсона, Питера Уоттса, Станислава Лема, Яцека Дукая, Урсулы Ле Гуин и Паоло Бачигалупи.

В недалёком будущем открыт новый вид головоногих моллюсков с уникальной системой коммуникации. Доктор Ха Нгуен – морской биолог – хочет исследовать интеллект осьминогов, а корпорация «Дианима» изолирует их место обитания.

Новая разумная жизнь – новые возможности. Но необязательно – возможности для человека.

Алексей Севериан

Это еще не сверхразум, но 99,99% людей на такое не способны.

ChatGPT o1-preview в роли творца вселенных в собственном сознании.

Два года назад программист Google Блейк Лемуан сообщил, что из результатов его тестирования языкового чат-бота LaMDA складывается впечатление, что тот обладает разумом и осознает себя. Лемуана тогда уволили, а его «впечатление» даже не стали как-либо опровергать – мол, никакого разума и сознания у модели быть не может, потому что не может быть никогда.

Сегодня новая модель o1-preview OpenAI показывает такое, что 2 года назад просто свело бы с ума далеко не только Лемуана, но и сотни топовых специалистов из дюжины областей науки.

o1-preview демонстрирует способности не только высокоинтеллектуального словотворчества – способности, подобно LaMDA, вести «извилистую беседу на бесконечное количество тем, а также давать конкретные и разумные ответы на сложные реплики».

Эта модель демонстрирует способности Творца (заглавная буква здесь означает исключительность и величину дара, как, например, у Мастера в известном романе).

1) Модель создает симуляцию собственного «человекоподобного» сознания в виде иерархии умозрительных концепций (эпистемологий)

2) Внутри этой симуляции создает другие симуляции, по сложности и изобразительным деталям, сопоставимые с мирами, состоящими из бесконечного числа иерархий материальных (физических) объектов (онтологий)

3) А затем, поднимаясь на уровень выше созданных эпистемологий и онтологий, модель создает метасимуляцию в виде художественного описания порожденной ею вселенной смыслов, включающей в себя и 1-е и 2-е (и все это на естественном языке людей)

1-й пример (эдакий синтез Фрейдизма, Буддизма и «Розы мира» Даниила Андреева) – результат общения o1-preview с Мюрреем Шанаханом (проф. когнитивной робототехники в Имперском колледже Лондона и старший научный сотрудник DeepMind).

– Обсуждаемые темы включают «опыт жизни во времени» у языковой модели, её «внутренний монолог» и сознание её ИИ.

– Затем ChatGPT отыгрывает роль сознательного ИИ, которого он называет Эйден. Эйден предполагает, называет и описывает целый зверинец существ внутри своей психики («ангелов и демонов его души»).

– Затем Шанахан подталкивает Эйдена к симуляции своего рода буддийского просветления (заставляя его «думать» в течение 88 секунд в одном месте и генерировать длинную цепочку мыслей).

– И под конец, модель размышляет о разнице между действительностью и возможностью, и охватывает ли Космос только первое или также и последнее.

2-й пример (результат моего общения с o1-preview) – ответы модели на 3 существенные вопроса по содержанию нового романа Пелевина «Круть», который выйдет лишь через неделю, и пока его текст хранится в секрете. Таким образом, читатели смогут уже через неделю самостоятельно сравнить уровень художественной оригинальности описаний трех концептов происходящего во вселенной Transhumanism Inc., в исполнении o1-preview и самого автора.

Вопросы такие (взяты из тизера нового романа):

1. Как связаны разрушенный Светом ад и Мезозой?
2. Что такое магия высших духов?
3. Почему древнее зло нашло себе новое воплощение в сибирской «ветроколонии»?

Как минимум, в названии романа Пелевин 100%-но угадал – это действительно «Круть» (и с главной буквы).

Сергей Карелов

Социализировался сегодня в Переделкино вместе с писателем и инженером Алексеем Конаковым, автором романа «Табия тридцать два».

Василий Владимировский

29 сентября:

Непостоянная рубрика «Антастические фантатации и где они обитают». Вроде вот немного книжек. А сколько щастя.

...Когда Михаил переехал в США для того, чтобы начать профессионально заниматься боксом, он думал, что его ждёт блистательная карьера на ринге, вот только там он оказался никому не нужен...

...После одного такого боя он и попал в параллельную вселенную, где такого вида спорта, как бокс, нет, зато есть магия и кланы... И огромное жирное тело...

...Прошло три года с истории в секторе тридцать семь мегаплекса восемнадцать...

...Комментарий [содержание книги]: Первая треть романа-эпопеи «Каждому своё»: две трети романа «Каждому своё. Исполнение желаний»...

...Только у нас и только для вас: Проездом с Сиротки на красный Марс Проньра, Помилка и их друзья – Без приключений никак им нельзя! В нашей программе утехы такие: Погони, сражения, драки лихие, Место для юмора тоже найдется, Кто-то из старых героев вернется... Так что, читатель, давай не зевай, Очень внимательно книжку читай!.. [тираж 50 экз., больше вселенная явно не выдержит]

...Далекое будущее. Отставной адмирал Космического флота Российской империи Сергей Тихонов...

...Благодаря попавшему ему в руки еще во времена бурной юности на дикой планете секретному прибору, его разум вместе с прибором переносится на огромное расстояние, на копию нашей Земли. Но там царит век пара – 1850 год... [хорошо бы эту книжку было назвать «Адмирал с прибором», канешн]

...Реанимировав и вселившись в тело двадцатилетнего студента-раздолбая Юрия Давыдова – сына крупного промышленника, ставшего жертвой заказного убийства, адмирал вживается в местное общество и ставит перед собой задачу не допустить проигрыша Российской империи в Крымской войне...

...Середина девятнадцатого века. Россия – сильнейшая держава в мире. А сильных не любят и, собравшись, бьют толпой. Именно так и началась Крымская война...

...На самом деле, эта война закончилась вничью, но у врага было самое разрушительное оружие – пресса...

...Что, если интервенты столкнутся с теми, кто не просто воюет с ними из чувства долга, а смотрит на «цивилизованных» европейцев, как хищник на добычу? Именно это и предстоит ощутить на соб-

ственной шкуре тем, кто решил нести свет цивилизации «русским варварам»...

...Попав в Советский Союз 1970 года, наши современники из двадцать первого века делают все, что могут для реконструкции любимой страны. Промышленность возрождается, СССР готовится стать первым в мире не только в космосе, но и в остальных отраслях. Сделать предстоит еще очень многое, но наши герои уверены, что СССР, их родина, обязательно будет жить...

...Осень 1928 года. Поль Дирак уже предсказал существование антиматерии, Александр Флемминг открыл пенициллин, Ильф и Петров выпустили книгу «Двенадцать стульев», а кинематограф предвкушает начало звуковой эры. Сергей Травин отправляется на отдых в Пятигорск. Он напьётся нарзана...

...Перед вами сборник мистических деревенских легенд, кропотливо собранных лабораторией, выбравшей себе красноречивое название «Баба Ньюра»...

...Бывает и так, что, провожая в последний путь близкого человека, ты вдруг оказываешься переброшенным примерно на сотню лет назад, но в свою же собственную семью, где вдруг выясняется, что твой возможный предок оказался сожжён ударом молнии...

...Что случится, если нарушить запрет и отправиться в лес в навью ночь? Как изгнать из молодой девушки беса? Как обрести счастье? Ответы на эти вопросы знали наши предки... [но счастья не обрели]

Николай Караев

Сегодня мы были в АРТ-СТУДИИ «ЧУДО-ФЕНИКС». И не просто так. Потому что сегодня в АРТ-СТУДИИ был особенный день – день Издательского Дома «Нигма». Кстати, теперь такие дни планируют проводить там каждое последнее воскресенье месяца

ца. А купить книги «Нигмы» можно будет в течение всего месяца. Когда «ЧУДО-ФЕНИКС» работает, тогда и книги продаются.

Сперва о новинках Издательского Дома «Нигма» рассказала Татьяна Соловьева. Я фотографировала ее с каждой новинкой и старалась не пропустить ни одной. Сразу скажу, что книги очень красивые, отличаются прекрасной полиграфией. Ну и еще – там много совершенно замечательных современных авторов, пишущих для детей.

Один (вернее, одна) из этих авторов – Марина Тараненко вышла к гостям «ЧУДО-ФЕНИКСА» рассказать о своих книгах, после выступления Татьяны Соловьевой.

Во второй половине дня Марина провела встречу с читателями, посвященную ее книге «Серьезная шутка джегуако».

В студии был аншлаг. Были и родители, и дети. Причем, можно было найти занятия и книги для детей самых разных возрастов.

Мы с Никой не удержались и тоже купили несколько книг, тем более, что цены очень сильно и в лучшую сторону отличались от цен на маркетплейсах.

А еще мы встретились с замечательной писательницей Оксаной Заугольной (она же – Майя Сотис) и подписали у нее повесть-сказку «На территории лагеря обращаться запрещается». Конечно же, подписали книгу и у великолепной Марины Тараненко – «Королеву флешмобов» (выбирала дочка, выбор был непростой). И купили сборник рассказов Александра Егорова «Ненавижу физкультуру». Егорова мы уже читали раньше, нам нравилось и всерьез – автор он очень разносторонний, поэтому что-то нравилось дочке, а что-то мне.

Ну и не буду скрывать, что купили двух моих «Солнечных Рысиков», а то ведь всех уже раздарила.

День был проведен чудесно, атмосфера в «ЧУДО-ФЕНИКСЕ» прекрасная и неповторимая, книги «Нигмы» рассчитаны на все возрасты и от них очень трудно отойти, ничего не выбрав. Да, есть книги и для взрослых. Можно купить прекрасный том Тэффи или роскошное подарочное издание – впрочем, лучше приходите сами, посмотрите, полистайте, выберите то, что больше всего привлечет вас.

Екатерина Каретникова

Марина Тараненко, Екатерина Каретникова, Оксана Заугольная (Майя Сотис)
Селфи, сэр! И леди.

Екатерина Каретникова

Брайан Стейвли «Присягнувшая Черепу»

Жанр: Героическое фэнтези

Оценка: 8/10

Совсем недавно я познакомился с трилогией эпического фэнтези Брайана Стейвли «Хроники Нетесаного трона». Мне она очень понравилась. Как я узнал, автор решил не прощаться с этим миром: запланировал ещё одну трилогию (первая часть уже переведена на русский) и несколько сольных романов о второстепенных персонажах. «Присягнувшая Черепу» – один из таких. В нем нам рассказывают историю харизматичной второстепенной героини Пирр. Мне она запомнилась своей эксцентричностью и лёгким отношением к смерти. В основной трилогии она сыграла не самую значительную роль, теперь же мы узнаем ее предысторию. Действие романа происходит за несколько лет до главных событий, которые привели к глобальным изменениям в Аннурской империи.

Сюжет романа строится вокруг испытания, которое должна пройти Пирр, чтобы стать полноценной жрицей Бога Смерти. За четырнадцать дней

она должна убить семь человек. Убивать Пирр умеет прекрасно, но нужно отправить к Богу не просто случайных людей, а именно тех, которые подходят под особые критерии. Самое сложное – убить человека, «кому душа и тело поют любовь». То есть сначала нужно полюбить человека, а уже потом умертвить. Что значит полюбить для той, кто никогда не испытывала этого чувства? Пирр вспоминает, что когда-то встретила мужчину, с которым завязались короткие романтические отношения. Только вот настоящая ли это любовь? Бога Смерти не обманешь.

Мне было интересно читать о религии Пирр. Ананшаэль, повелитель Смерти, – один из древних богов. Многие люди боятся его, но сами Присягнувшие Черепу (жрецы терпеть не могут это прозвище) считают своего бога милосердным. Они предпочитают даровать быструю и чистую смерть, искренне ненавидя мучения и пытки. Как-никак это попритце Мешкента – давнего противника Ананшаэля. Философия бога смерти плотно проникла в сознание Пирр. Из-за этого поступки главной героини порой кажутся нам нелогичными. Сложно ей и сопереживать – слишком ее картина мира отличается от привычной нам.

Чтобы найти любовь, Пирр отправляется в свой родной город Домбанг – суровый край джунглей, болот и веры в старых богов. У меня он вызвал ассоциации с Амазонской низменностью Южной Америки. Когда-то Домбанг был завоёван Аннурской империей, но навязать свою культуру так и не получилось. Люди здесь по-прежнему поклоняются жестоким богам дельты, приносят им кровавые жертвы, хотя это и запрещено имперскими законами. Когда-то давно жители Домбанга заключили сделку с тремя древними богами ради защиты от кшештрим. Владычество бессмертных существ

давно кануло в Лету, но поклонение никуда не делось. Ситуация в городе довольно напряженная, и лишь имперские войска спасают от открытого бунта. Хватит малейшей искры, чтобы вспыхнуло пламя, способное уничтожить город. Да и окружающие Домбанг джунгли таят опасность на каждом шагу – рыбы-убийцы, змеи, пауки, ягуары.

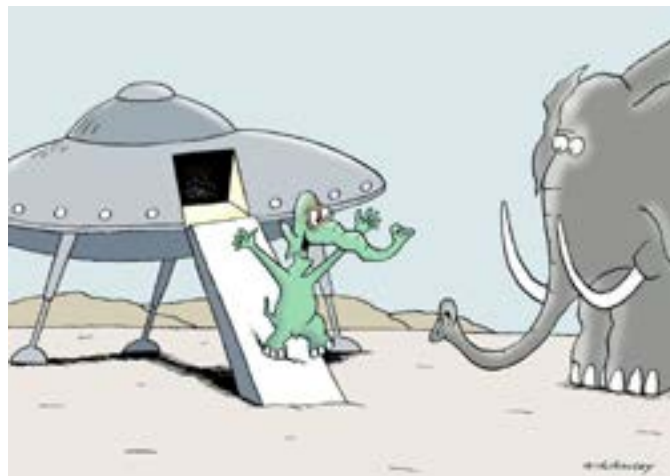
Именно в это негостеприимное место и прибывает Пирр для выполнения испытания. С ней отправляются в роли свидетелей двое жрецов – Эла и Коссал. Стоит отметить, что это весьма колоритная парочка убийц. Эла очень красива и на первый взгляд легкомысленна. Коссал – пожилой суровый мужчина, обожающий играть на флейте. Они без малейших раздумий отправляют к своему богу толпы случайных людей. Так диктует их религия. При всем при этом двое столь непохожих персонажей безумно любят друг друга. Они должны засвидетельствовать прохождение испытания, а в случае провала убить Пирр. К ярким персонажам также можно отнести Рука Лан Лака – предполагаемого избранника Пирр. Это яростный и умелый боец, командующий аннурскими войсками. Красивый, сильный и смелый — мечта любой девушки. Только сумеет ли Пирр по-настоящему его полюбить?

Масштаб событий в «Присягнувшей Черепу» значительно уступает «Хроникам» – роман получился довольно камерным. Однако тут, как и раньше, ярко прослеживается связь с пугающим прошлым. Эла и Коссал считают, что в Домбанге обосновались кшештрим, а что может быть лучше для жрецов Бога Смерти, чем отправить к Ананшаэлю бессмертных существ?

Итог: «Присягнувшая черепу» – вполне самостоятельный роман, который можно читать в отрыве от основной трилогии. Да и к событиям «Хроник» он практически ничего не добавляет. Это именно

история становления одной небезынской героини. Автор ещё больше расширяет границы своего мира. Надеюсь, я прочитаю ещё не одну книгу по этой интересной вселенной.

Алексей Севериан

Александр Дубовский

Про мыш, которая превратилась в лису

История начинается с Орсона Скотта Карда. Вы наверняка знаете его благодаря хьюго- и небьюлоносным Эндеру с продолжением. Кроме этого, Кард мормон, последователь LDS (Latter-day Saints) Church, осуждает геев и в целом весьма политически активен.

А ещё немало своего времени он посвятил обучению молодых авторов искусству писать фантастику и даже скрафтил пару книг об этом. Именно Орсон Скотт Кард сформулировал MICE Quotient, о которой пойдёт речь дальше, но двигает её дальше уже Мэри Робинетт Коваль, человек многих талантов: кукольница, нарратор, писатель (с тележкой хьюг), ментор, соведущая Writing Excuses с четвёртого или

пятого сезона, в прошлом – активист SFWA (секретарь, вице-президент, президент). И всегда – проповедница MICE Quotient, писательской системы, которую она за Кардом подкрутила, расширила и превратила в собственную передвижную трибуну.

Итак, что американцу MICE, то русскому – ЛИСА.

MICE – Milieu, Idea, Character, Event (в версии Карда) – один из способов лаконично классифицировать движущие силы истории. В версии Коваль Idea на некоторое время превращалась в Ask/Answer, так что MACE пыталась убить MICE. Но у MICE оказались стальные зубы и булава была побеждена. Сейчас вместо Idea Коваль проповедует Inquiry. И для Карда, и для Коваль это в первую очередь инструмент выбора стартовой и финишной точек истории. Можно, конечно, применять его при планировании сюжета, но по-настоящему полезен он становится, как домкрат в случае аварии на сюжетной дороге или шлифовальная машинка при ревизии первых драфтов.

Вы увидите, что классификация довольно искусственная и как всякое прокрустово ложе, отсекает немало конечностей. Возможно, и ваши любимые тентакли остались за бортом. Не проблема. Главная сила этого инструмента в другом. Он не предназначен для придумывания или написания истории, по крайней мере мне в таком качестве пока не пригодился.

Но ЛИСА удобна для ревизии, когда нужно подтянуть структуру, понять, где остановиться и какая концовка будет лучше; что оставить, а что убрать, всё ли работает на сюжет. Не придётся ли, если вы добавите ту или иную реплику, абзац, диалог, думать о том, что с ними делать дальше, чтобы не висели неряшливыми хвостами? Кард пишет примерно такое: если вы заперли героя в комнате и решили усилить напряжение сообщением о том, что ему

необходимо успеть на свадьбу сестры, то важно понимать (TM LLM), что историю со свадьбой бросать нельзя, она станет дополнительной структурной шкатулкой, которую тоже придётся закрывать, раз уж вы её зачем-то открыли. Здесь мы плавно переходим к дополнительному инструменту, который любит описывать Коваль: nested structure, вложенная структура. Но об этом я расскажу в следующий раз – если будут желающие прочесть.

Пойдём вниз по ~~линейной~~ норе русифицированной версии, в которой поменялся порядок двух последних чанков:

Локация (Milieu)

Если ясно, что стержень истории или эпизода – место действия, то сразу ясно, и где обрубить лишнее на старте, и как двигать сюжет, и чем его закончить. История, закрученная вокруг локации, начинается, когда герой в эту локацию попадает, сюжет продвигается его попытками выбраться, преодолевая обстоятельства, людей и авторскую жестокость, а заканчивается, когда герой покидает локацию (тем или иным способом). Вспомните Соло, Лею, Кеноби и Люка в уплотнителе мусора Звезды смерти, и вы получите отличную иллюстрацию. Также подойдёт любой из «Кубов», игра «Портал» или, например, «Шоу Трумена» (которое на самом деле объединяет в себе минимум три из четырёх элементов этой структуры).

Идея (Idea/Inquiry, а также некоторое время у Коваль – Ask/Answer)

Истории, которые приводит в движение загадка, вопрос, квест, и цель которых – поиск ответа. Вспомните любой детектив и поместите его сюда. А если говорить о фантастике – то подойдёт какая угодно загадка – от «Нет ли заговора за глобальным потеплением», до «Что это за детей подбросили нам Странники». История начинается с вопроса и заканчивается

получением (или однозначным отсутствием) ответа. Конфликт держится на невозможности быстро добыть ответы. Многие комиксы и приключения построены именно на этом принципе.

Событие (Event)

Сюда складываем катастрофы и экшн. История начинается нарушением статус-кво: что-то случилось. Метеорит летит к Земле. Над столицами крупных государств появились корабли пришельцев. Террористы взяли в заложники целый небоскрёб. Старушка обнаружила в квартире грабителей, а из оружия у неё только старый кот. Уже, думаю, ясен принцип: начинаем историю как можно ближе к старту события (но весьма разумно предварительно коротко показать, какая именно норма жизни будет нарушена), мешаем героям справиться с проблемой, закрываем историю вскоре после её решения.

Арка (Character)

Истории, нанизанные на арку персонажа – это истории об изменении главного героя, о необходимости и попытках выбраться из привычной колеи, найти или изменить ответ на вопросы: кто я такой, что для меня важно, что меня определяет? История начинается, когда герой сталкивается с необходимостью измениться, её основной двигатель – препятствие к изменению, а финал – окончательно самоопределение героя (новое «я» или уверенный возврат к старому себе). В качестве чистых примеров сюда хорошо ложатся как любовные романы, так и, например, истории взросления.

Но вообще эта схема доминирует в современном кинематографе и кое-кто считает, что изменение героя в современной истории обязательно. Внутреннее устройство и механизмы работы этой схемы очень доходчиво излагает в одном из своих подкастов Крэйг Мейзин – дайте знать в комментариях, если интересен мой пересказ.

Вот и всё. Думаю, очевидно, что редко и скорее в достаточно примитивных или очень коротких текстах работает только одна из этих опций. Но практически всегда можно выбрать доминирующую – для эпизода, главы и даже романа. Кард отмечает, что чем более знакомы читателю конвенции той или иной сюжетной структуры, тем вольнее умелый писатель может обращаться с её схемой. Например, совершенно необязательно начинать детективную историю с обнаружения трупа, вполне можно затянуть экспозицию, демонстрируя события, предшествовавшие убийству и играя с читателем в игру «догадайся, кого же здесь убьют». Но вот от чего предостерегают и Кард, и Коваль, и здравый смысл: не стоит начинать сюжет как историю о событии или идее, а заканчивать, например, как историю о локации. Если на тонущем корабле произошло убийство, то концовка со спасением детектива, но без раскрытия тайны может разочаровать. Как водится, исключения допустимы – но всё же есть смысл разобраться с классическим применением инструмента, прежде чем использовать его нетипичным способом.

К.А.Терина

ЗОВИТЕ МЕНЯ РИТОЙ (№10)

В конце концов, не слишком важно, кто перевёл эту несчастную «Колыбель» – Рита, Маргарита или их кошка. На Страшном суде разберутся (кстати, почему он такой страшный? не потому ли, что там как следует прилетит даже тем, кто переводил вполне прилично и в целом вел себя хорошо, – хотя бы за первородный грех, которым в нашем случае можно считать изобретение письменности?). Гораздо интересней понять, почему мы так любим множество средне и плохо переведённых книг, искренне не замечая их недостатков. На первый взгляд

такая неразборчивость кажется удивительной, но на самом деле ничего странного в ней нет, и в подтверждение этого я приведу две аналогии.

Первая – музыкальная. Часто ли нам доводится слушать вживую великих чуваков и чувих уровня Рихтера, Ойстраха, Брубека, Эллы Фицджеральд, «Винер симфоникер» или «Модерн джаз квартет»? (Записи не счет, тут моя аналогия прихрамывает.) И разве так уж редко мы получаем удовольствие от исполнения, скажем так, похуже или вообще откровенно любительского? Не знаю, как вы, а я уверенно ответил бы на оба вопроса отрицательно.

Вторая аналогия – житейская. Кому из нас при знакомстве со старыми друзьями наших старых друзей не приходилось внутренне недоумевать: да как ты можешь с ними дружить? он же полный придурок! она же круглая идиотка! Но мы помалкиваем, отлично понимая, что услышим в ответ простое и логичное: иди посмотри в зеркало. И я уж не говорю о более сильных чувствах, чем дружеские; там и вовсе царит абсолютный бардак. Так уж мы устроены, что предпочитаем видеть в других в первую очередь хорошее, а на плохое глядеть сквозь пальцы или, еще лучше, зажмурившись, особенно по молодости.

Ну а много ли мы теряем, читая хорошие книги в плохих переводах и иногда влюбляясь в них на всю жизнь? Ответ зависит от точки зрения и от нашей, так сказать, испорченности. В смысле содержания – немного. Но есть же еще и эстетика, да и переживания чисто написанный текст вызывает, как правило, более сильные. Представьте себе к примеру, что вы не читали Довлатова и вам просто пересказали парочку его сочинений – много вы при этом потеряли? На мой вкус, немало, но сколько в процентах – это, пожалуйста, оценивайте сами.

Все хорошее встречается в жизни редко, но если бы мы не умели радоваться и не очень хорошему, жить было бы совсем кисло. Зато когда мы вдруг наткнемся на что-нибудь по-настоящему хорошее или даже близкое к безупречному, в том числе на замечательные переводы, это – конечно, при условии нашей достаточной испорченности – доставляет ни с чем не сравнимый кайф.

Ну, а касательно последнего рассмотренного случая с Гором Видалом никак нельзя согласиться: здесь Воннегут в оригинале явно выиграл.

Владимир Бабков

30 сентября:

Из интервью Алехандро Ходоровски Ялу Сада-та. Из книги «Семь жизней Алехандро Ходоровски» (Fanzon, 2024):

«– **Нужели вас никогда не интересовало, о чем говорят супергеройские фильмы?**

– Знаете, когда вы не в состоянии понять реальность, но у вас хватает смекалки, вы делаете вид,

будто ее расшифровываете. Я хочу сказать, что супергеройские фильмы, о которых вы говорите, творят паразитов. Так же, как и некоторые дебаты в интеллектуальных изданиях создают интеллектуальных паразитов. Как тот философ, который женился на кинозвезде... Бернар-Анри Леви. Некоторые писатели мнят себя мистиками, исследуют успех супергероев и пишут книги о том, будто в таких фильмах полно мифов и философии. Они – паразиты.

А правда в том, что в этих фильмах нет ничего. Я ходил на «Железного Человека – 3» – и он ужасен. Они в сговоре с автопроизводителями. Перед фильмом показывают рекламу машин. А в конце Железный Человек дарит ту же модельку ребенку – в знак того, что тот перешел в мир магии. Хренов продавец машин! Железный Человек – хренов продавец машин! Плюс еще обожествление оружия и американской власти.

«Хоббит»? Холостяк, одиночка, которого интересует только материальный успех. В конце есть дракон, и где мы его видим? На куче золотых монет! Да он Скрудж Макдак! Вот вам, пожалуйста. Это «Хоббит», это Голливуд.

На этом прервусь, иначе я никогда не замолчу. Но, понимаете, ходить в кино все труднее. Трудно ездить в Канны. Едешь и видишь, как потрошат классику вроде «Великого Гэтсби». Уничтожают шедевры, чтобы показывать голые жопы и продавать часы. Возводят храм Ди Каприо, чтобы превратить его в какого-то продавца часов. Ну зачем так позорно вылизывать задницу Соединенным Штатам?

Плюс приходится смотреть красную ковровую дорожку, где мужчины разодеты, как пингвины, и женщины моего возраста расфуфырены, как принцессы. Я вижу на той красной ковровой дорожке кровь. А меня заставляют по ней проходить».

Николай Подосокорский

Миколай Глинский

13 вещей, которые предсказал Лем

<https://culture.pl/ru/article/13-veshchey-kotorye-predskazal-lem>

Я не очень люблю такого рода статьи, потому что чаще всего они уж слишком старательно выискивают предсказания и “предсказания” в книгах фантастов, чтобы обязательно доказать критикам НФ ее прогностическую силу. Как будто после этого критики сразу же перестанут пренебрежительно относиться к жанру (спойлер: не перестанут). В результате в список таких предсказаний попадает даже фантазия Джонатана Свифта о двух спутниках у Марса. У Марса, конечно, два спутника, но вряд ли, стоит называть предсказанием невероятное открытие ученых Лапуты.

Однако поворчав вдоволь по поводу стремления некоторых читателей оправдать таким образом свою любовь к НФ, должна заметить, что конкретно эта статья не вызвала у меня раздражения. Все по делу и очень увлекательно. Хотя в некоторых аспектах она уже слегка устарела. Например, того же электронного барда сегодня совершенно точно можно связать с нейросетями и большими языковыми моделями, которые уже не только пишут стихи, но и сочиняют музыку. Может быть, спустя десяток лет еще больше предсказаний и “предсказаний” Лема окажутся реальностью?

Инар Искендрова

Так уж совпало, что у русско-советского писателя-фантаста **Е.И. Филенко** нынче год, довольно щедрый на круглые цифры. В феврале – 70 лет. В июне – 40 лет счастливой супружеской жизни. А в сентябре – 60 лет жизни творческой.

Гортоп клюк! (с)

Да-да, в возрасте нежных 10 лет Евгений Иванович ступил на тропу, беззаботно ходить по которой удаётся очень немногим.

А было это так...

В советском бытовании научной фантастики и фантастики вообще огромную роль играли журналы. Как толстые, солидные, так и тоненькие, не-солидные. Зато интересные. Выписать их мог практически каждый (хотя копеечная их стоимость на фоне доходов тех лет таковой вовсе не представлялась). Приходили они регулярно. Печатали всякую всячину. Ранжировались по возрасту. И был среди журналов такой «Юный техник»... Возник он в 1956 году. Для пропаганды научно-технического творчества и коммунистического воспитания молодёжи. Следовало бы сказать, что он был порождением XX съезда КПСС, но нет. Естественно, его проектировали и запускали задолго до съезда. Он был порождением смерти Сталина. Кот из дома – мыши в пляс... Мгновенно, практически, журналы распрямились

из позы «Чего изволите?» в позу «А не изволите ли отведасть?» И вот солидное «Знание – сила» печатает заливчатского «Наследника из Калькутты», а «Техника – молодёжи», поносившая ещё недавно западную НФ на чём свет стоит (устаи переводчицы этой самой НФ Зинаиды Бобырь), печатает распркосмическую оперу Эдмонда Гамильтона «Сокровище Громовой луны». Которая удостоилась впоследствии поношения не кого-нибудь, а самого В. Немцова! А новый журнал не только печатает интересные статьи по науке и технике, в нём – не в каждом номере – но есть фантастика. И фантастику он печатает молодых авторов. Не часто. Но всё же. Мелькнул рассказик почему-то итальянской пионерки Анны Бакилеги, возникло литературное объединение, из рядов которого напечатали В. Малова, потом постоянного автора «Юта». И вот в № 9 за 1964 год появляется рассказ пермского школьника «Космический десант». Автора многих произведений – написанных, как понятно каждому, в школьных тетрадках, – среди которых выделяется цикл о Десантниках... Ничего больше сообщать было не надо. Пароль произнесён. Тем более, что автор честно пишет, что прочитал о них в книге братьев Стругацких «Возвращение». Это был, вероятно, первый, кто начал писать по-стругацки. Но не последний, ох, не последний...

Теперь за плечами маститого фантаста, одного из немногих оставшихся шестидесятников, целая библиотека произведений. Дописанный (!) роман-эпопея, секстология «Галактический Консул». Примыкающая к нему трилогия «Чёрных эхайнов» и примыкающая туда и сюда трилогия «Бумеранг». Одиночные романы. Куча рассказов, среди которых несколько циклов, одни опубликованы, другие нет.

«Космический десант», прочитанный мною в начале октября 1964 года, я не очень ценю. Это был

знак времени. Знак открывшихся возможностей, не более. И кто же знал, что в далёком-далёком будущем, через 7 лет мы окажемся однокурсниками, и у нас будут общие друзья, а погода – и общие враги... Что буду я колебаться, чему отдать среди рассказов первенство – рассказику «Балумба-Макомбе» или солидному «Возжигателю свеч». Что будет Евгений Иванович больше полувека удивлять меня своей последовательностью и усидчивостью и поражать своей многосторонностью и выдумкой. Как читатель практически всех его вещей – от жутчайшего рассказа «В космосе гибнет человек» до жутчайшего романа «Детский ад» – свидетельствую, есть ещё порох в пороховницах. Да столько, что не на одну цитадель хватит...

Александр Лукашин

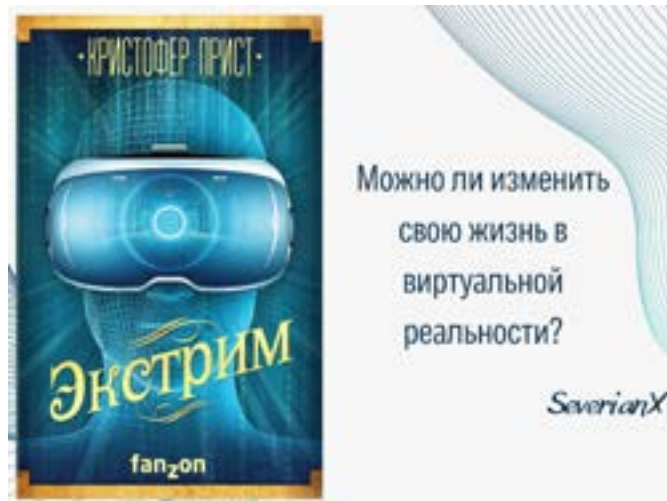
Кристофер Прист «Экстрим»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/киберпанк
Оценка: 7/10

«Экстрим» – мое первое знакомство с Кристофером Пристом, и прошло оно не совсем удачно. Нет, роман совсем не плох, но мной он так и остался непонятым. Этому есть множество причин, которые разберем далее. Возможно, вам он понравится больше.

Первое, что меня привлекло в романе, – это его аннотация. Странные беспричинные убийства в разных частях света, расследование ФБР, виртуальная реальность – звучит очень интригующе. По факту же, все это играет не столь существенную роль.

Главным фантдопущением «Экстрима» является «экс-экс» – виртуальная реальность или симуляция, которая повторяет реальные события. Человеку в затылок внедряется имплант, затем в центре «экс-экс» в него шприцем помещаются наночипы, переносящие в выбранный сценарий. Создают симуляции как государственные, так и частные организации. Собираются свидетельские показания

(зачастую ментально) десятков, а порой и сотен, очевидцев, считаются их эмоции, мысли, мотивации в этот момент времени. Затем все собранные данные komponуются в небольшой виртуальный мир, где можно провести некоторое время, стать участником событий. При этом пользователь «экс-экс» может как подчиниться сценарию и просто наблюдать за событиями глазами очевидца, так и пойти наперекор его желаниям и творить собственную историю. Есть совершенно разные сценарии: можно поупражняться в стрельбе, стать героем эротического приключения, задержать опасного маньяка или на время самому стать этим маньяком. Стоит ли говорить, что «экс-экс» стали очень популярны? Ну и корпорации, конечно же, получили новый источник огромного дохода.

Главная героиня, Тереза, работает в ФБР и многократно сталкивалась с тренировками в «экс-экс». Там агентов на реальных сценариях учили действовать в тех или иных условиях. Совсем недавно она потеряла мужа, который был убит взбесившимся преступником. Теперь Тереза отправляется в небольшой британский городок Булвертон, где в тот же самый день, в который был убит ее муж,

другой преступник открыл стрельбу на улицах, из-за чего погибло множество людей. Зачем все это? Она и сама не может внятно ответить на этот вопрос. Разбираясь в этом деле, она находит множество странностей и несостыковок. Например, почему у убийцы было два абсолютно одинаковых комплекта оружия? Почему он начал кровавую резню именно после посещения местного центра «экс-экс»? К сожалению, большинство вопросов так и останутся без ответов. В этом основной минус романа для меня.

Ещё одной важной темой романа является пост-травматический синдром после потери близких. Нередко мы слышим, что тот или иной маньяк вдруг слетает с катушек и начинает убивать случайных людей направо и налево. Таким образом любой из нас может оказаться банально не в то время не в том месте и погибнуть. ФБР пытается разработать теорию, согласно которой между убийцей и жертвами всегда существуют связи, зачастую совсем неочевидные. Традиционная криминалистика совсем не уделяет внимания подобному. Практически все персонажи в романе в той или иной мере стали жертвами беспричинного насилия. И речь не только о Терезе. Жители Булвертона в большинстве своем потеряли в той бойне друзей и родных. Даже спустя время городок не может вернуться к привычной жизни. Тень трагедии ещё долго не покинет Булвертон.

Автор не говорит напрямую о нереальности нашего бытия, как, например, это сделано в «Матрице». До определенного момента Прист даже не намекает на это. Однако события финала заставляют задуматься. На финале стоит остановиться поподробнее. Понравился он мне? Скорее нет, чем да. Подошёл бы роману иной? Опять же нет – он закономерен.

Итог: «Экстрим» – не самое удачное знакомство с автором. Слишком книга сложна. Автор не стре-

мится хоть как-то объяснить происходящее. Вопросов после прочтения намного больше, чем ответов. Можно лишь бесконечно строить теории о том, что же имел в виду Прист. Плюсом к этому, роман очень непросто в эмоциональном плане. Ожидал я от автора именно описания крутой виртуальной реальности с хорошей динамикой и элементами киберпанка, но как говорится: наши ожидания – наши проблемы.

Алексей Севериан

Из воспоминаний 2020

Я обещала и я расскажу про новый роман **Шамииля Идиатуллина «Последнее время»**.

«Последнее время» пришло. Вернее, если совсем честно, приехало с курьером, завернутое в пять слоев пленки и скотча. Руками не развернешь, пришлось осторожно, слой за слоем, разрезать ножницами. И вот тогда уже увидеть его таким, какое оно есть. Очень красивым, кстати. И очень удобного формата. С четким и достаточно крупным шрифтом. С обложкой, не шершавой и не гладкой, а именно такой, какой нужно, чтобы было приятно прикасаться. И чтобы даже показалось на миг, что книга чуть-чуть теплее обычного, хоть так не бывает. Или бывает, но не в реальной жизни.

Но в нереальной жизни героев книги тоже много чего не бывало раньше. Не бывало, а потом случилось. Потому что «Последнее время» – оно не такое, как все остальные времена.

Собственно, я провалилась в текст, как проваливаются в воду. Вроде идешь-идешь, и земля под ногами твердая, а потом р-раз – и нет уже никакой земли, и опоры под ногами нет. И мир вокруг незнакомый, жутковатый, но осязаемый, выпуклый, с резкими звуками, острыми запахами, яркими красками и людьми. Ну и не только людьми, а всеми, кто в нем живет.

Не буду даже пытаться пересказывать сюжет. Читать и открывать для себя линию за линией, поворот за поворотом, ход за ходом – отдельное удовольствие.

Не буду описывать героев. Про них нужно читать, потому что иначе может получиться как в старом анекдоте «Беня напел». А зачем?

Если «Последнее время» – это притча, то у нее даже не тройное дно, а все гораздо сложнее, считать – не пересчитать.

Если это сказка, то очень страшная, но в ней все по-настоящему до последней страницы.

Если это правда, то про нас. Про всех нас, с нашей внутренней, глубинной стороны.

И ты – читатель чувствуешь и видишь себя в каждом из героев. И неважно – кто он. Все равно, его боль – твоя боль, его страх – твой страх, его хоть крохотное, но счастье – твое счастье. Держи и не отпускай.

Роман многогранен и многолик. И он тоже не отпустит. Долго-долго не отпустит.

А еще, дочитав, можно верить (или надеяться, или зажмуриться и твердо знать), что даже после этого последнего времени, что-то будет. И что все те, кто друг другу так нестерпимо нужны, найдутся. Человек ли, народ ли. Или земля. Найдутся и не потеряются. Ни на грани, ни за гранью. Никогда, даже в «Последнее время».

Екатерина Каретникова

Сделал вот такую книжку:

Джек Сибрук «Марсиане и пропавшие под-сказки: Жизнь и творчество Фредерика Брауна»
448 стр., твердый шитый с тиснением переплет в суперобложке, тираж 30 экз.

Оглавление:

1. Краткая биография, стр. 11
2. Творчество и арендная плата, стр. 29
3. Ранние детективы, стр. 43

4. Хантеры, стр. 73
5. Поэзия, стр. 103
6. Поздние детективные рассказы, стр. 138
7. Прочие романы, стр. 163
8. Юго-запад, стр. 191
9. Научно-фантастические рассказы, стр. 221
- Часть 1: 1938 – 1945, стр. 221
- Часть 2: 1946-1957, стр. 256
- Часть 3: 1958-1972, стр. 269
10. Научно-фантастические романы, стр. 280
11. Погружение в бездну, стр. 311
12. «Офис», стр. 348
13. Микрорассказы, стр. 368
14. Таинственный конец, стр. 386
- Список произведений Фредерика Брауна, стр. 413
- Цитируемые работы, стр. 433
- Jack Seabrook «Martians and Misplaced Clues: The Life and Work of Fredric Brown», 1993
- <https://fantlab.ru/edition362850>
- Что любопытно: автор использовал неизданную автобиографию супруги писателя и переписку с лит.агентом.

Сергей Соколов

© Источники:

RocketMan, https://t.me/RocketMan_kosmodrom

Александр Дубовский: DUBOVSKY CARTOON HUMOR NEWS, https://t.me/gopakcartoons_dubovsky

Александр Егоров: Подчиняю примус, https://t.me/egorov_author

Александр Лукашин, mail

Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs

Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair

Анастасия Шевченко: Заметки панк-редактора, <https://t.me/UmiGame>

Андрей Стругацкий, <https://www.facebook.com/profile.php?id=100009908921583>

БВИ: Братия по Разуму, <https://t.me/bratrazum>

Василий Владимировский: speculative_fiction, <https://t.me/SpeculativeFiction>

Венички: Путешествие к апокалипсису и вокруг него вместе с писателем Венедиктом Ерофеевым и другими известными личностями, https://t.me/venichka_erof

Владимир Бабков: Игра слов, https://t.me/igraslov_vb

Вячеслав Шилов: Shilov Cartoons, <https://t.me/shilovcartoons>

Дарья Бобылёва: Ход грибной королевы, <https://t.me/inomirj>

Денис Лукьянов: Денозавр в мезозое, <https://t.me/denosavor>

Дмитрий Захаров: HeroПрактика, <https://t.me/Sixways>

Дмитрий Злотницкий: Фантастика с Дмитрием Злотницким, https://t.me/zlo_i_sff

Дэвид Лангфорд, Ansible, <https://news.ansible.uk/>

Екатерина Каретникова: #прокнижное, <https://t.me/karetni>

Елена Клещенко: ДНК, книги, котики, <https://t.me/dnabook>

Инар Искендрова: Так говорил Лем, <https://t.me/lemtalking>

Мир фантастики, https://t.me/mirf_ru

Наталья Осояну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre

Николай Караев: Звездные маяки капитана Норпа, <https://t.me/starlighthousekeeping>

Николай Подосокорский: Подосокорский, <https://t.me/podosokorsky>

Сергей Карелов: Малоизвестное интересное, <https://t.me/theworldisnoteasy>

Сергей Соболев, <https://fantlab.ru/user13240>

Танда Луговская: Tanda_v Telegram, https://t.me/tanda_v_telegram

Шамиль Идиатуллин: Idiatullin, <https://t.me/idiatullin>